

Дуглас Престон, Марио Spezi Флорентийский монстр

Моим партнерам по итальянским приключениям — моей жене Кристине и детям, Алетейе и Айзеку. И моей дочери Селене, которая благоразумно отказалась покинуть землю Америки.

Дуглас Престон

Моей Мириам и моей дочери Элеоноре, которые смогли простить мою навязчивую идею.

Марио Spezi

Основные даты

1951. Пьетро Паччани убивает соблазнителя своей жены.
1961, 14 января. Жена Сальваторе Винчи Барбарина найдена мертвой.
1968, 21 августа. Убиты Барбара Лоччи и Антонио Ло Бьянко.
1974, 14 сентября. Убийства в Борго Сан Лоренцо.
1981, 6 июня. Убийства на виа дель Арриго.
22 октября убийство на полях Бартолине.
1982, 19 июня. Убийства на Монтеспертоли.
17 августа. Франческо Винчи арестован и объявлено, что Монстр — он.
1983, 10 сентября. Убийства в Джоголи. 19 сентября Антонио Винчи арестован за нелегальное хранение оружия.
1984, 24 января. Пьеро Муччарини и Джованни Меле арестованы по подозрению, что они совершали преступления Монстра.
29 июля. Убийства в Вискьо.
19 августа. Убит князь Роберто Корсини.
22 сентября. Муччарини и Меле освобождены из тюрьмы.
1985, 7 сентября. Убийства в Скопети.
8 октября. Франческо Нардуччи утонул в Тразименском озере.
1986, 11 июня. Сальваторе Винчи арестован за убийство жены Барбарини в 1961 году.
1988, 12 апреля. Начало суда над Сальваторе Винчи.
19 апреля. Оправданный судом Сальваторе Винчи исчезает.
1989, 2 августа. ФБР предоставляет психологический профиль Флорентийского Монстра.
1992, 27 апреля — 8 мая. Обыск в доме и на участке Паччани.
1993, 16 января. Паччани арестован по подозрению, что он Флорентийский Монстр.
1994, 14 апреля. Начало суда над Паччани. Ноябрь, Паччани осужден.
1995, октябрь. Главный инспектор Микеле Джуттари возглавляет расследование дела Монстра.
1996, 12 февраля. Паччани оправдан по апелляции.
13 февраля. Ванни арестован как соучастник Паччани.
1997, 20 мая. Начало суда над Лотти и Ванни, обвиняемых в соучастии в преступлениях Монстра.
1998, 24 марта. Лотти и Ванни осуждены.
2000, 1 августа. Дуглас Престон переезжает во Флоренцию.
2002, 6 апреля. Эксгумация тела Нардуччи.
2004, 14 мая. Выход в эфир программы итальянского телевидения «Кто это видел?»
25 июня. Престон покидает Флоренцию.

18 ноября. Полиция обыскивает дом Spezi.
2005, 24 января. Повторный обыск в доме Spezi.
2006, 22 февраля. Допрос Престона.
7 апреля. Арест Spezi.
19 апреля. Публикация собранных материалов в книге «Сладкие холмы крови».
29 апреля. Spezi освобождают из тюрьмы.
Сентябрь — октябрь. Престон возвращается в Италию с «Дэйтлайн Эн-би-си».
2007, 20 июня. «Дэйтлайн Эн-би-си» выпускает программу о Флорентийском Монстре.
27 сентября. Начало суда над Франческо Каламандреи, объявленном Флорентийским Монстром.
2008, 16 января. Первое слушание суда над Джуттари и Миньини за злоупотребление служебным положением.

Список второстепенных персонажей в порядке упоминания

Главный инспектор Маурицио Чиммино, начальник выездной бригады флорентийской полиции.

Главный инспектор Сандро Федерико, детектив отдела убийств.

Адольфо Иццо, прокурор.

Кариела де Нуччо и Джованни Фогги, убиты на виа дель Арриго 6 июня 1981.

Др. Мауро Маурри, главный медэксперт.

Фоско, его ассистент.

Стефания Петтини и Паскале Джентилкоре, убиты под Борго Сан-Лоренцо 13 сентября 1974.

Энцо Спаллетти, вуайерист, арестованный по обвинению в преступлениях Монстра и освобожденный после очередного преступления Монстра, совершенного в то время, как Энцо находился в тюрьме.

Фаббри, еще один вуайерист, допрошенный по делу.

Стефано Бальди и Сюзанна Камби убиты на полях Бартолине 22 октября 1981.

Профессор Гаримета Джентиле, гинеколог, о котором ходили сплетни, что он и есть Монстр.

«Др.» Карло Сантанджело, самозванный медэксперт, бродивший по ночным кладбищам.

Брат Галилео Баббини, францисканский монах и психоаналитик, помогавший Spezi перенести ужас происходящего.

Антонелла Мильорини и Паоло Маинарди убиты в Монтеспертоли у замка Поппиано 19 июня 1982.

Сильвия делла Моника, прокурор, вела дело Монстра, пока не получила по почте фрагмент тела последней жертвы Монстра.

Стефано Меле, иммигрант с Сардинии, признавшийся в убийстве своей жены и ее любовника 21 августа 1968 года и приговоренный к 14 годам тюремного заключения.

Барбара Лоччи, жена Стефана Меле, убитая вблизи Синьи вместе со своим любовником 21 августа 1968.

Антонио Ло Бьянко, сицилиец-каменщик, убитый вместе с Барбарой Лоччи.

Наталино Меле, сын Стефана Меле и Барбары Лоччи, спавший на заднем сиденье машины и ставший свидетелем убийства своей матери, когда ему было шесть лет.

Барбарина Винчи, жена Сальваторе Винчи, возможно, убитая им на Сардинии 14 января 1961 года.

Джованни Винчи, один из братьев Винчи, изнасиловавший во время пребывания на Сардинии свою сестру и бывший любовником Барбары Лоччи.

Сальваторе Винчи, организатор двойного убийства 1968 года, любовник Барбары Лоччи, возможно, владелец оружия и патронов, которыми пользовался Монстр и которые,

возможно, были украдены у него в 1974 году, за четыре месяца до первого убийства, совершенного Монстром. Арестован по обвинению в преступлениях Монстра.

Франческо Винчи, младший из клана Винчи, любовник Барбары Лоччи, дядя Антонио Винчи. Арестован по обвинению в преступлениях Монстра.

Антонио Винчи, сын Сальваторе Винчи, племянник Франческо Винчи. После убийств, совершенных Монстром в Джоголи, арестован за незаконное хранение оружия.

Чинция Торрини, кинорежиссер, снимавшая фильм о деле Флорентийского Монстра.

Хорст Мейер и Уве Рюш, оба двадцати четырех лет, убиты в Джоголи 10 сентября 1983 года.

Пьеро Луиджи Винья, главный прокурор по делу Монстра в 1980-х годах, ответственный за арест Паччани. Винья получил повышение по службе и возглавил силовое подразделение по борьбе с мафией.

Марио Ротелла, следственный судья по делу Монстра в 1980-х, был убежден, что Монстр принадлежит к клану сардов, — разрабатывал версию сардинского следа в деле Монстра.

Джованни Меле и Пьеро Муччарини, брат и шурин Стефано Меле, оба арестованы по обвинению в преступлениях Флорентийского Монстра.

Паоло Канесса, прокурор по делу Монстра в 1980-х, ныне государственный обвинитель¹ во Флоренции.

Пия Ронтини и Клаудио Стефаначчи, убиты в Ла Боскьетта близ Вискьо 29 июля 1984 года.

Князь Роберто Корсини, убит в своем поместье браконьером 19 августа 1894 года. О нем ходили слухи, что он был Монстром.

Надин Марио, тридцати шести лет, и Жан-Мишель Кравешвили, двадцати пяти лет, убиты Монстром на поляне Скопети в субботу 7 сентября 1985 года.

Сабрина Карминьяни, побывавшая на поляне Скопети в воскресенье 8 сентября 1985 года в свой девятнадцатый день рождения и видевшая следы убийства французских туристов.

Руджеро Перуджини, главный инспектор, командовавший «Сквadro Анти-Мостро» и преследовавший Пьетро Паччани. Он стал прототипом Ринальдо Пацци, главного инспектора в книге (и фильме) Томаса Харриса «Ганнибал».

Пьетро Паччани, тосканский крестьянин, осужденный за преступления Монстра, оправданный по апелляции, но затем снова привлеченный к суду. Предполагаемый главарь так называемых «друзей по пикникам»

Альдо Феcci, последний «кантастори» в Тоскане, сочинивший песню о Пьетро Паччани.

Артуро Минолити, маршал карабинеров, полагавший, что пуля, найденная в саду Паччани и сыгравшая роль в его осуждении, была подложена следователями.

Марио Ванни, прозванный Иль Торсоло (Огрызок), бывший почтальон из Сан-Кашано, обвинявшийся как соучастник Паччани в преступлениях Монстра. Во время суда над Паччани Ванни произнес фразу, которая запомнилась итальянцам: «Мы были друзьями по пикникам».

Микеле Джуттари, принявший следствие по делу Монстра после того как главный инспектор Перуджини получил назначение в Вашингтон. Он сформировал группу по расследованию серийных убийств (ГРСУ). Он учинил арест Spezi и допрос Престона.

Альфа — первый «неизвестный» свидетель, настоящим именем которого было Пуччи, — умственно отсталый человек, давший ложные показания как свидетель одного из убийств Монстра.

Бета — второй «неизвестный» свидетель — Джанкарло Лотти по прозвищу Катанга

¹ Государственный обвинитель представляет интересы государства и ведет дело в суде. — *Примеч. ред.*

(Дикарь). Оговорил себя как соучастника Паччани в некоторых из убийств, совершенных Монстром.

Гамма — третий «неизвестный» свидетель — Гирибелли, стареющая проститутка, алкоголичка, по слухам, работавшая за двадцатипятицентовый стакан вина.

Дельта — четвертый таинственный свидетель — Галли, сутенер.

Лоренцо Неси — «серийный свидетель» — внезапно и неоднократно вспоминавший события десятилетней давности, первостепенный свидетель в первом суде над Паччани.

Франческо Ферри, председатель апелляционного суда, рассматривавший апелляцию по делу Паччани и признавший его невиновным. Позднее написал книгу об этом деле.

Проф. Франческо Интрона, специалист по судебной энтомологии, посмотревший снимки убитых французских туристов и установивший, что с научной точки зрения они никак не могли быть убиты в ночь на воскресенье.

Габриэлла Карлицци, вела веб-сайт о заговорах, утверждала, что за убийствами Монстра стоит сатанинский «Орден Красной Розы» (по ее данным, ответственный также за теракт 11 сентября), и обвинила Марио Spezi в том, что он и есть Флорентийский Монстр.

Франческо Нардуччи — врач из Перуджи, найденный в Тразименском озере в октябре 1985 года. Слухи о его смерти дошли до государственного обвинителя Флоренции. Смерть врача, выглядевшую как самоубийство, объявили убийством, соучастие в котором поставили в вину Марио Spezi.

Уго Нардуччи — отец утонувшего врача, богатый перуджиец и важный член масонского братства, что послужило поводом для обвинений.

Франческа Нардуччи — жена покойного доктора, наследница модного салона Луизы Спаньоли.

Франческо Каламандреи, бывший аптекарь Сан-Кашано, обвиненный как вдохновитель пяти двойных убийств, совершенных руками Монстра.

Фернандо Заккария — отставной полицейский, познакомивший Spezi с Луиджи Руокко и сопровождавший Spezi и Престона на виллу Биббиани.

Луиджи Руокко, отсидевший срок за незначительное преступление и направивший Spezi к предполагаемому тайнику Винчи на вилле Биббиани.

Игнацио, предполагаемый друг Руокко, якобы побывавший на вилле Биббиани и видевший там шесть запечатанных ящиков и, возможно, «беретту» двадцать второго калибра.

Инспектор Кастелли, капитан полиции, присутствовавший при допросе Престона.

Капитан Мора, капитан полиции, присутствовавший при допросе Престона.

Джулиано Миньини, государственный обвинитель Перуджи.

Марина де Робертис, следственный судья по делу Spezi, применившая антитеррористический закон против журналиста, которого в результате лишили встреч с адвокатом.

Алессандро Травеаси, один из адвокатов Марио Spezi.

Нино Филастро, один из адвокатов Марио Spezi.

Винни Ронтини, мать убитой Монстром Пии Ронтини.

Ренцо Ронтини, отец Пии Ронтини.

Предисловие

В 1969 году, в тот год, когда человек ступил на Луну, я провел незабываемое лето во Флоренции. Мне было тринадцать лет. Наша семья сняла виллу на тосканском побережье, на известняковом мысу, возвышающемся над Средиземным морем. Мы с двумя братьями провели лето, болтаясь вокруг археологических раскопок или плавая на маленьком пляже в тени замка пятнадцатого века. Замок назывался Башня Пуччини. В нем композитор написал «Турандот». Мы варили на пляже осьминогов, носились среди рифов и собирали по размытым древнеримским террасам черепки. В соседском курятнике я нашел ободок

римской амфоры двухтысячелетней давности, с клеймом «SES» и изображением трезубца. Археологи сказали мне, что она изготовлена для Сестиусов, богатейшего рода торговцев ранней Римской республики. В душном баре на мерцающем экране черно-белого телевизора мы, под бурю восторженных криков, следили, как Нил Армстронг ступает по Луне. Рыбаки и ловцы устриц обнимались и целовались, слезы текли по их обветренным лицам, все кричали: «Вива Америка! Да здравствует Америка!»

С того лета я понял, что хочу жить в Италии.

Я вырос, стал журналистом и писателем, автором книг о таинственных убийцах. В 1999 году я получил от журнала «Нью-Йоркер» командировку в Италию, где должен был написать статью о загадочном художнике Мазаччо, обогатившем искусство Ренессанса восхитительной росписью флорентийской капеллы Бранкаччи и умершем в двадцать шесть лет, возможно, от яда. Однажды промозглой февральской ночью я позвонил из холодного номера отеля с окнами на реку Арно жене Кристине и спросил, что она думает о переезде во Флоренцию. Она согласилась. На следующее утро я связался с агентством недвижимости и начал подыскивать квартиру, а спустя два дня уже снял верхний этаж палаццо пятнадцатого века и внес задаток. Писать можно где угодно — так почему бы не во Флоренции.

В ту холодную февральскую неделю, гуляя по Флоренции, я начал обдумывать сюжет романа с убийством, который напишу, когда мы переедем сюда. Его действие должно происходить во Флоренции, и в нем будет фигурировать пропавшая картина Мазаччо.

Мы переехали в Италию. Мы с Кристиной и двое наших детей, Айзек и Алетея, пяти и шести лет, прибыли 1 августа 2000 года. Вначале мы поселились в снятой мною квартире с видом на площадь Санто-Спирито, а позже перебрались за город, в крошечное селение Джоголи в холмах к югу от Флоренции. Там, на склоне в окружении оливковых рощ, мы арендовали каменный крестьянский дом, к которому вела грунтовая проселочная дорога.

Я начал собирать материалы для романа. Поскольку в сюжете предполагалось убийство, мне нужно было по возможности познакомиться с буднями итальянской полиции и процессом расследования убийств. Кто-то из друзей итальянцев назвал мне имя легендарного тосканского криминального репортера Марио Spezi, который больше двадцати лет вел колонку «черных сюжетов» полицейской хроники в ежедневной газете «Ла Нацционе», которую читали в Тоскане и центральной Италии. «О полиции он знает больше, чем сама полиция», — сказали мне. Так и получилось, что я оказался в дальней комнатке без окон, в кафе «Рикки» на площади Санто-Спирито, а напротив меня сидел сам Марио Spezi.

Speci был журналистом старой школы: сухой, остроумный и циничный, с особенным чутьем на все абсурдное. Абсолютно никакое человеческое деяние, сколь бы извращенным оно ни было, не могло его удивить. Копна густых седых волос нависала над суховатым лицом с тонкими и жесткими чертами, темные брови прятались за золотой оправой очков. Он расхаживал по городу в тренче и мягкой шляпе «богарт», словно персонаж из романов Рэймонда Чандлера, и был страстным поклонником американского блюза, «черного кинематографа» и Филиппа Марло.

Официантка принесла поднос с двумя эспрессо и стаканами минеральной воды. Spezi выдохнул струйку дыма, вынул сигарету, одним коротким глотком выпил кофе, заказал следующую порцию и снова сунул сигарету в рот.

Мы начали разговор. Spezi, снисходя к моему кошмарному итальянскому, говорил медленно. Я пересказал ему сюжет задуманной книги. Среди главных героев был офицер карабинеров, и я попросил его объяснить, чем занимаются карабинеры. Spezi описал структуру организации, чем карабинеры отличаются от полиции, и как они ведут расследования. Я делал заметки. Он обещал представить меня полковнику карабинеров, своему старому другу. Наконец разговор перешел на Италию, и он спросил, где я живу.

В деревушке Джоголи.

Speci вздернул бровь.

— Джоголи? Знакомое место. Где именно?

Я назвал адрес.

— Джоголи — красивый городок со своей историей. В нем три известные достопримечательности. Вы, вероятно, уже знаете?

Я не знал.

С чуть насмешливой улыбкой он начал рассказ. Первой достопримечательностью была вилла Сфаччата, принадлежавшая дальнему предку рассказчика, флорентийскому мореплавателю, картографу и первопроходцу Америго Веспуччи. Он первым осознал, что его друг Христофор Колумб открыл совершенно новый континент, а не какое-то неизвестное побережье Индии, и одарил этот континент своим именем (по латыни «Америкус»), Вторая достопримечательность, продолжал Spezi, — другая вилла, под названием И Коллацци. Считается, что ее фасад проектировал Микеланджело, здесь принц Чарльз останавливался с Дианой и нарисовал многие из своих известных тосканских акварелей.

— А третья?

Специ улыбнулся шире.

— Самая интересная из всех. Она прямо у вас перед дверью.

— У нас перед дверью ничего нет, кроме оливковой рощи.

— Именно. А в этой роще произошло одно из самых чудовищных убийств за всю итальянскую историю. Двойное убийство, совершенное нашим местным Джеком Потрошителем.

Автор детективов во мне не столько ужаснулся, сколько заинтересовался.

— Я дал ему имя, — сказал Spezi. — Я окрестил его «il Mostro di Firenze», Флорентийский Монстр. Я с самого начала освещал это дело. Другие репортеры в «Ла Нацционе» прозвали меня газетным «монстрологом», — он коротко и резко хохотнул, выпуская сквозь зубы струйки дыма.

— Расскажите мне о Флорентийском Монстре.

— Вы ничего о нем не слышали?

— Ничего.

— Разве эта история не наделала шума в Америке?

— Она совершенно неизвестна.

— Мне это удивительно. Она такая... типично американская история. И в ней даже участвовало ваше ФБР — та группа, которую прославил Томас Харрис — отдел исследования человеческой личности. На одном заседании суда я видел самого Томаса Харриса, он делал заметки на желтых листочках для записей. Говорили, что прототипом Ганнибала Лектера был Флорентийский Монстр.

Тут я уже по-настоящему заинтересовался.

— Расскажите мне!

Специ проглотил второй эспрессо, закурил новую сигарету «Голуаз» и сквозь дым начал рассказ. По мере того как история развивалась, он извлек из кармана блокнот и золотой карандаш и принялся пояснять повествование схемами. Острие карандаша чертило кружки и стрелки, прямоугольники и пунктиры, указывая на запутанные связи между подозреваемыми, на убийства, аресты, суды и множество тупиковых ветвей расследования. История была долгая, он говорил негромко, а страницы его блокнота понемногу заполнялись.

Слушая его, я поначалу изумлялся и просто не верил своим ушам. Как автор детективов, я воображал себя знатоком темных историй. Я и в самом деле много знал. Но по мере того, как передо мной разворачивалась история Флорентийского Монстра, я осознавал, что это нечто незаурядное. История, не похожая на другие. Я, не преувеличивая, скажу, что дело о Флорентийском Монстре возможно — только возможно — наиболее выдающееся преступление и расследование, известное миру.

В промежутке от 1974 до 1985 года были убиты семь пар — общим счетом четырнадцать человек, — занимавшихся любовью в машинах в живописных холмах, окружающих Флоренцию. Расследование оказалось самым долгим и дорогостоящим в итальянской истории. В поле зрения следствия попало около ста тысяч человек, более

дюжины подверглись аресту и зачастую были освобождены после того, как Монстр наносил новый удар. Клевета и ложные слухи погубили десятки судеб. Поколение флорентийцев, взрослевшее в годы убийств, говорило, что все это изменило и город, и их жизни. Самоубийства, эксгумации трупов, подозрения в отравлении, присланные по почти части мертвых тел, сеансы духовидения на кладбищах, судебные процессы, подложные улики и затянувшаяся жестокая вендетта. Следствие, как злокачественная опухоль, протягивало щупальца в настоящее и в прошлое, затрагивало другие города, давало метастазы новых расследований, вовлекало новых судей, полицейских и следователей, обнаруживало новых подозреваемых, порождало новые аресты и очередные погубленные судьбы.

Несмотря на то что ни за одним человеком во всей истории Италии не охотились так долго, Флорентийский Монстр так и не был найден. Когда я в 2000 году приехал в Италию, дело оставалось открытым и Монстр, по-видимому, пребывал на свободе.

Мы со Spezi с первой встречи крепко подружились, и я скоро заразился его увлеченностью этим делом. Весной 2001 года вместе с ним мы решили выяснить истину и вычислить настоящего убийцу. Эта книга рассказывает о наших поисках и о нашей встрече с человеком, который, как мы предполагаем, был Флорентийским Монстром.

Попутно мы со Spezi сами попали в историю. Меня обвинили в пособничестве убийце, изготовлении подложных улик, лжесвидетельстве и помехах правосудию и угрожали арестом, если я еще когда-нибудь ступлю на землю Италии. Spezi пришлось хуже: в нем самом заподозрили Флорентийского Монстра.

Вот история, рассказанная Spezi.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рассказ Марио Spezi

Глава 1

Седьмое июня 1981 года во Флоренции обещало быть ясным и погожим. Тихое воскресное утро, голубое небо и легкий ветерок, доносивший с холмов аромат согретых солнцем кипарисов. Марио Spezi сидел за своим столом в редакции «Ла Нацционе», где уже несколько лет проработал репортером. Он курил и читал газеты. Подошел репортер, который обычно вел криминальный раздел, легенда редакции — он двадцать лет освещал дела мафии и все еще был жив.

Коллега присел на край стола Spezi.

— У меня нынче утром свидание, — заговорил он. — Недурна собой, замужем...

— В твои-то годы... — усмехнулся Марио. — В воскресное утро, перед мессой. Не будет ли немного слишком?

— Немного слишком? Я сицилиец, Марио! — Репортер ударил себя в грудь. — Я уроженец земли, которая рождала богов. Одним словом, я надеюсь, ты сегодня присмотришь вместо меня за криминальными новостями, поболтаешься вокруг штаб-квартиры полиции на случай, если что стрясется. Я уже звонил, пока все тихо. К тому же всем известно, — тут он произнес фразу, которую Spezi запомнил навсегда: — Воскресным утром во Флоренции никогда ничего не случается.

Speci поклонился и взял руку приятеля.

— Если приказывает, крестный отец, я повинуюсь. Целую вашу руку, Дон Розарио.

Speci до полудня пробездельничал в редакции. Это был самый праздный и пустой день недели. Может быть, именно поэтому закралось предчувствие, знакомое всем репортерам криминальной хроники: что-то случится, а его не окажется на месте. Тогда Spezi честно сел в свой «ситроен» и проехал полмили до главного полицейского управления — старинного обветшавшего монастырского здания в старой части города. Полицейские превратили монашеские кельи в крошечные кабинеты. Перепрыгивая через ступеньку, он поднялся в кабинет начальника мобильной бригады. Громкий сварливый голос шефа,

Мауроцио Чиммино, эхом разносился по коридору из-за открытой двери, и Spezi ужаснулся.

Вот что-то и случилось!

Специ застал начальника за столом — рукава закатаны, рубашка промокла от пота, телефонная трубка прижата подбородком к плечу. Где-то рядом орала полицейская рация, и тут же несколько полицейских переговаривались и бранились на диалекте.

Чиммино заметил появившегося в дверях Spezi и яростно набросился на него:

— Господи Иисусе, Марио, ты уже здесь? Не донимай меня, я всего только и знаю, что там двое.

Специ сделал вид, будто знает, о чем идет речь.

— Ладно. Не буду вас отвлекать. Скажите только, где это?

— Виа дель Арриго, черт его знает, где это... Кажется, где-то в Скандиччи.

Специ скатился по лестнице и позвонил редактору с платного телефона на первом этаже. Так уж вышло, что он точно знал, где расположена виа дель Арриго. Его друг был хозяином виллы дель Арриго, красивого поместья, расположенного на узкой извилистой сельской дороге, носившей то же название.

— Сейчас же отправляйся туда! — велел редактор. — Мы пришлем фотографа.

Специ вышел из главного управления и рванул по пустынным средневековым улочкам к флорентийским холмам. В час дня по воскресеньям все горожане после церкви расходились по домам и готовились принять за самую священную еженедельную трапезу — в стране, где семейные трапезы вообще причислены к священнодействиям. Виа дель Арриго круто карабкалась на холм через виноградники, рощи кипарисов и старых олив. Сверху, от крутой лесистой вершины холма Валикайя, открывалась широкая панорама на Флоренцию и дальше, до величественных Апеннин.

Специ высмотрел машину офицера местных карабинеров и поставил свою рядом. Все было тихо, Чиммино со своей командой еще не подоспел, не было и медэкспертов, и вообще никого. Офицер карабинеров, охранявший место преступления, хорошо знал Spezi и не остановил репортера, когда тот, кивнув, прошел мимо. Он направился по узкой тропинке через оливковую рощу к одинокому кипарису. Там, за деревом, он увидел место преступления, еще не огороженное и не закрытое для посторонних.

Это зрелище, рассказывал мне Spezi, навсегда запечатлелось у него в памяти. Тосканская земля под кобальтово-синим небом. Средневековый замок среди кипарисов на соседнем пригорке. Вдали, в золотистой дымке первых летних дней, терракотовая громада Дуомо над Флоренцией — каменное воплощение Ренессанса. Паренек как будто уснул за рулем, припав головой к боковому окошку: глаза закрыты, лицо спокойно и безмятежно. Только маленькое черное пятнышко на виске, прямо напротив дыры в стекле, по которому разбежалась паутина трещин, говорило о преступлении.

На земле, в траве, валялась соломенная сумочка, открытая и вывернутая, словно кто-то обшарил ее и отшвырнул прочь.

Он услышал шорох шагов по траве. Сзади к нему подошел офицер карабинеров.

— Женщина? — спросил его Spezi.

Тот кивком указал за машину. Тело девушки лежало чуть поодаль, под невысоким откосом, среди полевых цветов. Она тоже была убита выстрелом и лежала на спине. На ней не было никакой одежды, только золотая цепочка на шее, запавшая между приоткрытых губ. Голубые глаза остались открытыми и как будто бы удивленно смотрели вверх, прямо на Spezi. Все было неестественно спокойно, неподвижно, никаких признаков борьбы или смятения, словно на музейной диораме. И только одно внушало ужас: половых органов под лобком жертвы просто не было.

Специ отвернулся и наткнулся на стоявшего позади полицейского. Тот, как видно, прочел вопрос в его взгляде.

— За ночь зверье подходило... а остальное доделало жаркое солнце.

Специ нашарил в кармане пачку «Голуаз» и закурил в тени кипариса. Он курил молча,

стоя на равном расстоянии от двух убитых, мысленно реконструируя преступление. Пару, очевидно, застали, когда они занимались любовью в машине, возможно, они приехали сюда после танцевального вечера в модном среди местной молодежи клубе «Диско Анастасия». (Впоследствии полиция подтвердила, что так и было.) Ночь новолуния, убийца мог подкрасться в темноте, возможно, он некоторое время наблюдал, как они занимаются любовью, а потом нанес удар в момент, когда они были наиболее беззащитны. Безопасное преступление — преступление труса — застрелить в упор двоих, запертых в тесной машине, когда они совершенно не замечают ничего вокруг.

Первый выстрел был в него, сквозь окно машины, и он, наверно, так и не узнал, что случилось. Ей пришлось хуже: она, должно быть, успела понять. Убив ее, убийца выволок ее из машины — Специ видел след на траве — и оставил у откоса. На удивление открытое место. Прямо у тропы, тянувшейся вдоль дороги, на самом видном месте.

Здесь размышления Специ были прерваны появлением главного инспектора Сандро Федерико и прокурора Адольфо Иццо с командой судмедэкспертов. Федерико, типичный римлянин, небрежен и воспринимает все с беспечной насмешкой. А Иццо, только недавно назначенный на свой пост, прибыл на место взведенный как пружина. Выскочив из машины, он сердито набросился на Специ:

— Что вы здесь делаете, синьор?

— Работаю.

— Вы должны немедленно покинуть это место. Вам нельзя здесь оставаться.

— Хорошо, хорошо...

Специ уже видел все, что хотел. Он убрал карандаш и блокнот, дошел до своей машины и поехал обратно в полицейское управление. В коридоре перед кабинетом Чиммино он столкнулся со старым знакомым, сержантом полиции, с которым они время от времени обменивались небольшими услугами. Сержант вытащил из кармана фотографию и сунул ему:

— Нужна?

Это была прижизненная фотография двух погибших — они сидели, обнявшись, на каменной стене.

Специ взял снимок.

— Верну сегодня же, как только мы сделаем копию.

Чиммино назвал Специ имена убитых: Кармела де Нуччо, двадцати одного года, работала в доме мод «Гуччи» во Флоренции; мужчина, Джованни Фогги, тридцать лет, рабочий местной электростанции. Были обручены, собирались пожениться. Полицейский, решивший прогуляться в свой выходной день по сельской местности, нашел их в 10:30. Преступление совершено незадолго до полуночи, имелся и своего рода свидетель. Фермер, живший через дорогу, слышал, как в машине крутили запись «Имеджин» Джона Леннона. Песня внезапно прервалась на полуслове. Он не слышал выстрела, сделанного, по-видимому, из пистолета двадцать второго калибра — если судить по оставшимся на месте преступления гильзам от патронов «винчестер» серии «Н». Чиммино сообщил, что у обоих убитых чистое досье и врагов у них не было, если не считать мужчину, которого оставила Кармела, когда начала встречаться с Джованни.

— Страшное дело, — сказал Специ. — Никогда не видел в наших местах ничего подобного. И потом, если вспомнить, что с ней сделали звери...

— Какие звери? — перебил Чиммино.

— Те, что подходили ночью... Кровавая каша между ног у девушки.

Чиммино уставился на него.

— Ни хрена не звери! Это работа убийцы!

Специ почувствовал, что внутри у него все леденеет.

— Убийца? Что он сделал, ткнул ножом?

Инспектор Чиммино ответил деловым тоном, возможно, стараясь сдержать ужас:

— Нет, не ткнул. Он вырезал ей вагину... и забрал ее.

Специ понял не сразу.
— Забрал вагину... Куда?
Едва задав вопрос, репортер осознал, как глупо он звучит.
— Просто ее там нет. Он забрал ее с собой.

Глава 2

На следующее утро в понедельник в одиннадцать часов Специ приехал в район Кареджи на окраине Флоренции. Было жарко даже в тени, а влажность — как в горячем душе. Он проехал по ухабистой дорожке к большому желтому зданию, неухоженной вилле, превращенной во флигель больничного комплекса. Со стен ее кусками отвалилась штукатурка.

Приемная патологоанатома напоминала пещеру. Почти все место занимал массивный мраморный стол, и на нем — компьютер, укрытый простыней, словно труп. Больше на столе ничего не было. Из стенной ниши за столом сурово взирал на Специ бронзовый бюст бородатого светила в области анатомии.

Мраморная лестница уходила вверх и вниз. Специ стал спускаться.

Лестница вывела в подземный коридор, освещенный гудящими флюоресцентными лампами. Вдоль стен коридора, облицованных плиткой, тянулись два ряда закрытых дверей. Но последняя была открыта, из нее доносился прерывистый визг анатомической пилы. Ручеек черной жидкости полз из-под двери к стоку в коридоре.

Специ вошел.

— Смотрите-ка, кто пришел! — воскликнул Фоско, ассистент медэксперта. Закрыв глаза и простерши руки, он процитировал Данте:

— «Не многие ко мне сюда приходят...»

— Чао, Фоско, — поздоровался Специ. — Это кто? — Он указал подбородком на труп, лежащий на цинковом столе. Дисковая пила как раз вскрыла череп. Тут же на столе, рядом с белым лицом трупа, стояла пустая кофейная чашка и были рассыпаны крошки съеденной булочки.

— Это? Блестящий ученый, почетный профессор Академии делла Круска собственной персоной. Но, как сам видишь, меня сегодня постигло очередное разочарование: я вскрываю его череп и что же нахожу внутри? Где вся его премудрость? Ба, изнутри все точь-в-точь как у шлюхи-албанки, которую я вскрывал вчера. Может, профессор думал, что он лучше нее? Но я их вскрываю и обнаруживаю, что они совершенно равны! И оба кончили одинаково — на моем цинковом столе. Зачем, скажи, он изнемогал, трудясь над множеством томов? Ба! Послушай моего совета, газетчик, ешь, пей и радуйся жизни...

Любезное приветствие, послышавшееся от двери, прервало речь Фоско.

— Добрый день, синьор Специ!

Это был Мауро Маурри, патологоанатом. Выглядел он как джентльмен из тихой английской деревни: светло-голубые глаза, седые, отпущенные по моде волосы, бежевый джемпер и вельветовые брюки.

— Не пройти ли нам наверх, в мой кабинет? Безусловно, там будет удобнее беседовать.

Кабинет Мауро Маурри представлял собой длинную узкую комнату с полками, уставленными книгами и журналами по криминалистике и судебной медицине. Окно он, чтобы не впускать жаркий воздух улицы, не открывал и включил единственную маленькую лампочку над столом, оставив большую часть помещения в темноте.

Специ уселся, вытащил пачку «Голуаз», предложил сигарету Маурри, тот отказался легким движением головы. Журналист закурил.

Маурри тщательно подбирал слова.

— Убийца воспользовался ножом или иным острым инструментом. Инструмент имел зазубрину или зубец на середине, особенность модели или дефект. Это мог быть нож с зазубренным клинком. Мне кажется, хотя я не готов в этом присягнуть, что это была скуба

— нож аквалангиста. Для удаления органа сделано три разреза. Первый по часовой стрелке, от одиннадцати к шести; второй против часовой стрелки, опять же от одиннадцати к шести. Третий, сверху вниз, был произведен для извлечения органа. Три чистых решительных разреза чрезвычайно острым лезвием.

— Как у Джека.

— Прошу прощения?

— Джек Потрошитель?

— Понимаю, конечно... Джек Потрошитель... Нет, не так. Наш убийца — не хирург. И не мясник. Здесь не требовалось знания анатомии. Следственный судья хотел ответа на вопрос: «Искусно ли была проведена операция?» Что значит «искусно»? Кто и когда производил подобные операции? Несомненно, она произведена человеком решительным и, возможно, использовавшим профессиональный инструмент. Кажется, девушка работала раскройщицей кож у Гуччи? Она пользовалась сапожным ножом? Ее отец тоже кожевник? Возможно, кто-то из этого круга. Кто-то, неплохо умеющий обращаться с ножом — охотник или таксидермист. И явно это субъект, не знающий сомнений и со стальными нервами. Правда, он имел дело с мертвым телом, но все же девушка умерла только что.

— Доктор Маурри, — спросил Spezi, — вы не задумывались о том, что он мог сделать с этим... фетишем?

— Убедительно прошу не задавать мне этого вопроса.

Когда понедельник погрузился в серую дымку сумерек, казалось, что сегодня больше ничего нового по делу не будет, и в редакции «Ла Наццоне» состоялось большое совещание сотрудников. Здесь были издатель, редактор, директор отдела новостей, несколько журналистов и Spezi. «Ла Наццоне» оказалась единственной газетой, располагавшей информацией о том, что труп был изувечен: в остальных ежедневных выпусках об этом ничего не знали. Главный редактор утверждал, что подробности преступления следует вынести в заголовок. Редактор возражал, что это слишком шокирующая подробность. Когда Spezi, чтобы помочь разрешить спор, зачитывал вслух свои заметки, в разговор внезапно вмешался молодой репортер криминального отдела.

— Простите, что перебиваю, — сказал он, — но мне только что вспомнилось: кажется, подобное убийство уже было пять или шесть лет назад.

Главный редактор вскочил на ноги.

— И ты только сейчас вспомнил, в последний момент! Или ждал, пока выпуск пойдет в типографию?

Репортер смутился, хотя ярость начальства и была напускной.

— Простите, синьор, мне только сейчас пришло в голову. Вы помните двойное убийство у Борго Сан-Лоренцо? — он помолчал, ожидая ответа.

Городок Борго Сан-Лоренцо лежал в горах километрах в тридцати севернее Флоренции.

— Ну же, рассказывай! — возопил редактор.

— В Борго убили молодую парочку. Те тоже занимались сексом в машине. Помните, тогда еще убийца воткнул ей сук в... в вагину.

— Теперь, кажется, вспоминаю. Вы что, проспали весь день? Принесите материалы по тому делу. Немедленно пишите заметку: сходство, различия... Шевелитесь! Вы еще здесь?

Совещание прервалось, и Spezi пошел к себе писать статью о визите к судебным медикам. Прежде чем начать, он просмотрел старую статью об убийстве в Борго Сан-Лоренцо. Две жертвы, Стефания Петтини, восемнадцати лет, и Паскале Джентилкоре, девятнадцати, убиты в ночь на 14 сентября 1974 года, тоже субботней ночью в новолуние. Те тоже были обручены и собирались пожениться. Убийца забрал сумочку девушки, вывернул наизнанку, разбросал все, что в ней было, — так же, как с соломенной сумочкой, которую Spezi видел в траве. И в тот раз обе жертвы провели вечер на дискотеке в подростковом клубе Борго Сан-Лоренцо. После предыдущего убийства были найдены гильзы, и в статье

сообщалось, что они были от патронов «винчестер» серии «Н» двадцать второго калибра, такими же как и у убийцы в Арриго. Эта подробность была не столь важна, как представляется, потому что патроны двадцать второго калибра этой фирмы наиболее распространены в Италии.

Убийца из Борго Сан-Лоренцо не вырезал половые органы девушки, а, оттащив ее от машины, оставил на ее теле девяносто семь ножевых ран, сложившихся в сложный узор вокруг груди и лобка. Убийство произошло около виноградника, и он проткнул тело старой одревесневшей виноградной лозой. В обоих случаях следов сексуального насилия не обнаружено.

Специ писал передовицу, а второй репортер одновременно работал над дополнительной колонкой по убийству 1974 года.

Два дня спустя эта работа дала результат. Полиция, прочитав статьи, произвела сравнительную экспертизу гильз, оставшихся после убийства 1974 года и недавнего убийства. Большинство моделей огнестрельного оружия, не считая револьверов, после выстрела выбрасывают гильзу: если стрелок не позаботится подобрать их, гильзы остаются на месте преступления. Полицейская лаборатория выдала определенное заключение: в обоих случаях использовалось одно и то же оружие: «беретта» двадцать второго калибра, длинноствольная — модель, предназначенная для стрельбы по мишеням. Без глушителя. Наиболее важная подробность заключалась в следующем: на бойке имелся мелкий дефект, оставлявший на кромке капсюля след, неповторимый, как отпечаток пальца.

Эта новость, обнародованная «Ла Наццоне», вызвала сенсацию. Она означала, что в горах вокруг Флоренции рыщет серийный убийца.

Дальнейшее расследование открыло существование в чарующих холмах вокруг города яркого, но потайного мира, о котором знали немногие флорентийцы. В Италии молодые люди в большинстве живут дома с родителями, пока не женятся, а женятся обычно поздно. В результате секс в машинах — фактически национальный обычай. Говорили, что каждый третий из ныне живущих флорентийцев был зачат в машине. В любую ночь на выходные в окрестных холмах, в темных аллеях и на тупиковых дорожках, в оливковых рощах и на крестьянских полях полно припаркованных машин с молодыми парочками. Следствие обнаружило, что за этими парочками подглядывали десятки вуайеристов. Местные прозвали этих любопытствующих «индиани», то есть индейцами, за то, что те так же неслышно подкрадывались в темноте. Некоторые вооружились сложными электронными системами, микрофонами дальнего действия, звукозаписывающей аппаратурой и камерами для ночных съемок. «Индейцы» поделили холмы на зоны, принадлежавшие группе или «племени», и застолбили за собой лучшие точки для наблюдений. Особенно высоко ценились точки, где можно было наблюдать с близкого расстояния и рядом часто оказывались «хорошие машины» («хорошая машина» — это именно то, что вы думаете). Кроме того, «хорошая машина» могла оказаться источником дохода, и случалось, что наблюдения за ней продавали и покупали на месте, после чего один «индеец» покидал эту «биржу разврата» с наличными в кулаке, уступив свой пост другому, который и заканчивал наблюдения. Богатые «индейцы» часто платили проводникам, которые наводили их на лучшие места, и сводили риск к минимуму.

Находились и бесстрашные охотники, отслеживавшие самих «индейцев» — субкультура внутри субкультуры. Эти прокрадывались ночами в холмы не для того, чтобы подглядывать за любовниками, а чтобы выследить «индейца», тщательно зафиксировать описание его машины, ее номер и другие красноречивые подробности — после чего они шантажировали «индейцев», угрожая разоблачить их ночные подвиги перед женами, семьями и нанимателями. Случалось, что блаженство «индейца»-вуайериста нарушала близкая фотовспышка — и на следующий день ему звонили по телефону. «Помните вспышку в лесу прошлой ночью? Снимок удался на редкость, сходство поразительное, вас узнает даже самый дальний родственник! Кстати, негатив продается».

Следствие быстро вычислило «индейца», который отпивался в окрестностях виа дель

Арриго в ночь двойного убийства. Звали его Энцо Спаллетти, и днем он работал водителем на «скорой помощи».

Спаллетти проживал с женой и детьми в Турбоне, деревеньке за окраиной Флоренции. Горстка каменных домиков, столпившихся вокруг продуваемой ветрами площади, сильно напоминала ковбойский городок в итальянском вестерне. Соседи его недолюбливали. Говорили, что он много о себе воображает, ставит себя выше других. Детей, говорили соседи, учит танцам, словно отпрысков знатных господ. Весь поселок знал, что он вуайерист. Через шесть дней после убийства полиция вышла на этого водителя «скорой помощи». В то время не подозревали в нем убийцу, а видели только важного свидетеля.

Спаллетти доставили в главное полицейское управление и допросили. Это был маленький человечек с огромными усами, маленькими глазками, большим носом, выдающимся подбородком и маленьким ротиком-гузкой. Создавалось впечатление, что ему есть что скрывать. Вдобавок в его ответах на вопросы полиции смешивались высокомерие, уклончивость и вызов. Он сказал, что в тот вечер ушел из дома с намерением найти проститутку в своем вкусе, каковую якобы и подцепил во Флоренции, на Лунгарно, у американского консульства. Это была молодая неаполитанка в коротком красном платье. Он посадил девушку в свой «таурус» и отвез ее в какой-то лесок близ места, где убили молодую пару. Закончив с ней, Спаллетти отвез проститутку обратно в город и высадил там же, где встретил.

Рассказ звучал весьма неправдоподобно. Прежде всего невероятно, чтобы проститутка по доброй воле села в машину к незнакомому мужчине и позволила завезти себя за двадцать километров от города в темный лес. Следователь заметил, что в его рассказе полно нестыковок, но Спаллетти не сдавался. Только после шестичасового упорного допроса он немного устал. Шофер «скорой помощи» все так же заносчиво и самоуверенно признал факт, известный всем и каждому: что он занимался подглядыванием, что он занимался этим и в субботу 6 июня и что его красный «таурус» действительно стоял недалеко от места преступления.

— И что из этого? — продолжал он. — Не я один в тот вечер подглядывал там за парочками. Нас была целая толпа.

Далее он признал, что отлично знал медного цвета «фиат», принадлежащий Джованни и Кармеле: «фиат» приезжал часто и был известен как «хорошая машина». И он точно знал, что в ночь преступления рядом были и другие любопытствующие. С одним из них он провел некоторое время, и тот мог это подтвердить. Он назвал полиции имя: Фаббри.

Через несколько часов Фаббри притащили в город, в главное управление, чтобы тот подтвердил алиби Спаллетти. Вместо этого Фаббри заявил, что в течение полутора часов, как раз в период, когда произошло преступление, его со Спаллетти не было.

— Верно, — сообщил следствию Фаббри, — мы со Спаллетти виделись. Как обычно, встретились в «Таверна дель Дьяволо» — в ресторанчике, где «индейцы» собирались, обсуждали дела и обменивались информацией перед выходом на ночную охоту. Фаббри добавил, что видел Спаллетти еще раз поздно вечером, когда тот остановился на спуске к виа дель Арриго. Таким образом, Спаллетти должен был пройти не далее десяти метров от места преступления в то самое время, когда, по оценке экспертов, произошло убийство.

Это еще не все. Спаллетти упорно твердил, что, обменявшись приветствиями с Фаббри, он немедленно отправился домой. Но жена его сказала, что когда она в два часа ночи легла спать, мужа дома еще не было.

Следствие вновь обратилось к Спаллетти: где он был от полуночи до, самое малое, двух часов ночи? Спаллетти не дал ответа.

Полиция засадила Спаллетти в знаменитую флорентийскую тюрьму «Ле Мурате», обвинив в уклонении от дачи показаний — форме лжесвидетельства. Власти по-прежнему не подозревали его в убийстве, но были уверены, что он скрывает важные сведения. Несколько дней за решеткой должны были вытрясти из него все, что он знал.

Эксперты прочесали дом и машину Спаллетти частым гребнем. В машине они нашли

перочинный нож, а в «бардачке» пистолет под названием «скачьякани» — «собачий пугач», — дешевый пистолет, заряжавшийся холостыми патронами, для отпугивания собак. Спаллетти купил его по рекламе на обложке порножурнала. Следов крови не было.

Они допросили жену Спаллетти. Жена была моложе мужа — толстушка, простая честная деревенская девушка. Она не скрывала, что знала, чем занимается по ночам ее муж. «Сколько раз, — плача, рассказывала она, — он обещал мне перестать, а потом начинал сначала». И в самом деле, в ночь 6 июня он вышел «поглядеть», как он это называл. Она понятия не имела, когда вернулся ее муж, только утверждала, что после двух. Но она уверяла, что ее муж невиновен, что он никогда не мог бы совершить такого ужасного преступления, потому что он «так боится крови, что на работе, когда приходит вызов на дорожную аварию, отказывается садиться за руль».

В середине июля полиция предъявила Спаллетти обвинение в убийстве.

Специ, первым начавший освещать этот сюжет, продолжал вести его в «Ла Нацьоне». Он скептически оценивал действия полиции и указывал, что обвинение против Спаллетти сомнительно, в частности, отсутствуют прямые улики, связывающие его с преступлением. Кроме того, Спаллетти никак не был связан с Борго Сан-Лоренцо, где в 1974 году произошло первое убийство.

24 октября 1981 года Спаллетти в своей камере развернул газету и прочел заголовок, который, вероятно, только одному ему позволил вздохнуть с облегчением:

УБИЙЦА ВОЗВРАЩАЕТСЯ

На крестьянском поле найдена зверски убитая молодая пара.

Новым убийством Монстр доказал невиновность любопытного шофера «скорой помощи».

Глава 3

Во многих странах известны серийные убийцы, воплощавшие свою эпоху не превознесением ее ценностей, а обнажением ее темных сторон. В Англии был Джек Потрошитель, рожденный в туманном сумраке диккенсовского Лондона, выбиравший жертв из самого презираемого и низкого класса, из проституток, кое-как зарабатывавших на жизнь в трущобах Уайтчепела. В Бостоне был Бостонский Душитель, изысканный красавец-убийца, обретавшийся в самых элегантных городских кварталах, насилувавший и убивавший пожилых женщин и оставлявший их тела в невыразимо непристойных позах. В Германии был Вампир из Дюссельдорфа, духовный наследник Гитлера, садистски убивавший мужчин, женщин и детей. Кровожадность его была так велика, что накануне собственной казни он назвал предстоящую ему процедуру обезглавливания «последним удовольствием». Каждый убийца в своем роде являлся темным воплощением своего времени и места обитания.

В Италии появился Флорентийский Монстр.

Флоренция всегда была городом противоположностей. Благоуханным весенним вечером, когда заходящее солнце золотит ряд величественных фасадов на набережной, она может показаться одним из прекраснейших и изящнейших городов мира. Но в конце ноября, после двух месяцев непрерывных дождей, старинные дворцы выглядят серыми, на стенах видны мокрые потеки; узкие мощеные улочки пахнут сточными водами и собачьим дерьмом, и со всех сторон вас теснят каменные фасады, а нависающие крыши закрывают потускневшее небо. По мостам через Арно течет толпа под черными зонтами, спасающими жителей от непрерывного дождя. Река, столь прекрасная летом, превращается в бурный мутный поток, несет обломки стволов и сучьев, порой туши дохлых животных и прибывает их к пилонам моста работы Амманати.

Во Флоренции возвышенное и ужасное идут рука об руку. «Костры тщеславия»

Савонаролы и «Рождение Венеры» Боттичелли, дневники Леонардо Да Винчи и «Государь» Макиавелли, «Ад» Данте и «Декамерон» Боккаччо.

На пьяцце дель Синьориа, главной площади города, под открытым небом выставлены скульптуры эпохи Древнего Рима и Ренессанса, и среди них — несколько самых прославленных флорентийских статуй. Это — галерея ужасов, публичная выставка убийств, насилия и жестокостей, какой не найдешь ни в одном из городов мира. Возглавляет ее знаменитая бронзовая скульптура Челлини: Персей с триумфом вздымает отрубленную голову Медузы, словно герой джихада на видео в Интернете, кровь течет из обрубка шеи, обезглавленное тело распростерто у его ног. Рядом с «Персеем» другие статуи, изображающие сцены известных легенд: убийства, насилие, опустошение.

В кольце городских стен Флоренции и на самих стенах совершались самые утонченные и самые дикие преступления: от деликатного отравления ядом до публичного расчленения, пыток и сожжений. На протяжении веков Флоренция утверждала свою власть над Тосканой ценой множества смертей и кровопролитных войн.

Город основал Юлий Цезарь в 59 году до н. э. Он предназначал его для поселения ветеранов своих военных кампаний. Город получил имя «Флоренция», или «Цветущая». Около 250 года н. э. армянский князь Миниато, совершив паломничество в Рим, поселился в пещере на склоне одного из флорентийских холмов и жил отшельником, выходя из своего убежища лишь для того, чтобы проповедовать перед язычниками в селениях. В период гонений на христиан в правление императора Деция Миниато схватили и обезглавили на городской площади, после чего он (как гласит легенда) поднял свою голову, водрузил ее обратно на плечи и ушел на холм, чтобы достойно встретить смерть в своей пещере. Ныне на этом месте стоит одна из красивейших церквей в романском стиле, Сан-Миниато-аль-Монте. От нее открывается вид на город и холмы за ним.

В 1302 году флорентийцы изгнали Данте — неизгладимое пятно на репутации города. Данте свел с ними счеты, населив «Ад» знатными флорентийцами и подобрав для них самые изощренные мучения.

В четырнадцатом веке Флоренция разбогатела на торговле шерстяными тканями и на банковских операциях, а к концу столетия стала одним из крупнейших европейских городов. На заре пятнадцатого века город породил то невероятное соцветие гениев, каких за всю человеческую историю можно припомнить не более дюжины. Впоследствии это время будет названо Ренессансом — Возрождением, последовавшим за долгим мраком Средневековья. От рождения Мазаччо в 1401-м до смерти Галилея в 1642-м флорентийцы изобрели то, что составило основу современного мира. Они создали банковскую систему, введя в оборот кредитные письма. Золотой флорин с флорентийской лилией на одной стороне и с изображением Иоанна Крестителя во власянице на другой стал общеевропейской монетой. Этот город, стоящий вдали от моря на несудоходной реке, дал миру блестящих мореплавателей, которые исследовали и нанесли на карту Новый Свет и даже дали имя Америке.

Более того, во Флоренции родилась концепция современного мира. С наступлением Ренессанса флорентийцы сбросили ярмо средневекового мышления, где в центре вселенной стоял Бог, а существование человека на земле представлялось лишь мрачным, но мимолетным переходом к прекрасной грядущей жизни. Ренессанс поставил в центр мира человека и провозгласил главным событием его жизнь. Развитие западной цивилизации навсегда изменило свой курс.

Расцвет флорентийского возрождения финансировался в основном одним семейством — Медичи. Этот род, возглавляемый Джованни ди Биччи де Медичи — богатейшим флорентийским банкиром, начал богатеть с 1434 года. Медичи правили городом закулисно, посредством тонкой системы покровительства, союзов и влияний. Род был купеческим, но его представители никогда не жалели денег на искусство. Правнук Джованни, Лоренцо Великолепный, стал олицетворением понятия «человек Возрождения». Лоренцо с детства проявлял многосторонние дарования, получил самое лучшее и дорогое образование того

времени, стал лучшим на турнирном поле, в соколиной и обычной охоте, в разведении скаковых лошадей. Ранние портреты Лоренцо Великолепного изображают упрямого юношу с нахмуренными бровями, крупным «никсоновским» носом и прямыми волосами. Он стал главой горожан после смерти отца в 1469 году, когда ему исполнилось всего двадцать лет. Он собрал вокруг себя таких людей, как Леонардо да Винчи, Сандро Боттичелли, Филиппино Липпи, Микеланджело и философ Пико делла Мирандола.

С Лоренцо Флоренция вошла в свой золотой век. Но и в расцвете Ренессанса в этом городе парадоксов и противоречий красота не исключала кровопролития, культура соседствовала с дикостью. В 1478 году соперничающий банкирский род Пацци предпринял попытку сокрушить власть Медичи. Имя «Пацци» буквально означает «безумец», и предок рода получил его за безумную отвагу, когда в числе первых взобрался на стены Иерусалима в Первом крестовом походе. Данте тоже упомянул Пацци, поэт поместил в ад двоих членов их семейства, наделив одного из них «собачьей ухмылкой».

В тихое апрельское воскресенье банда убийц Пацци набросилась на Лоренцо Великолепного и его брата Джулиано, выбрав момент, когда те были наиболее беззащитны: во время вознесения даров на мессе в Дуомо. Они убили Джулиано, однако Лоренцо, получивший несколько ударов, сумел бежать и заперся в ризнице. Флорентийцы, разъяренные нападением на своих покровителей, толпой набросились на заговорщиков. Одного из главарей, Джакомо де Пацци, повесили под окном палаццо Веккьо, а потом его обнаженное тело проволокли по улицам и сбросили в реку Арно. Несмотря на неудачу заговора, род Пацци уцелел и вскоре после того дал миру прославленную вдохновенную монахиню Марию Магдалину де Пацци, громко стенавшую и претерпевавшую во время молитвы муки Христовы во имя любви к Господу, что приводило окружающих в благочестивый трепет. В литературу двадцатого века имя Пацци попало благодаря писателю Томасу Харрису, назвавшему так главного героя романа «Ганнибал», инспектора полиции, заслужившего славу и известность разгадкой дела о Флорентийском Монстре.

За смертью Лоренцо Великолепного в 1492 году и расцветом Ренессанса последовал один из кровавых эпизодов, пятнающих историю Флоренции. Доминиканский монах Савонарола из монастыря Сан-Марко утешал Лоренцо на смертном одре, но вскоре после того обратился к проповеди против рода Медичи. Савонарола был человеком незаурядной наружности. Под коричневым монашеским одеянием скрывалось мощное, грубое, почти уродливое тело. У него был орлиный нос и глаза Распутина. В церкви Сан-Марко он произнес пылкую проповедь против упадка нравов Возрождения, провозгласил, что близится Страшный Суд, описал свои видения и непосредственные беседы с Богом.

Его призывы нашли отклик у простых флорентийцев, которые с неодобрением наблюдали за растущим богатством и роскошью хозяев жизни, от которых им перепадала лишь малая доля. Недовольство усилилось в результате разгоревшейся в городе эпидемии сифилиса, занесенного из Нового Света. Этой болезни Европа прежде не знала. Болезнь проявлялась в форме гораздо более острой, чем известна ныне: все тело больного покрывали сочащиеся гнойники, кожа обвисала, сползала с лица, зараженного постигало буйное сумасшествие, от припадков которого избавляла лишь милосердная смерть. Приближался и 1500 год — круглая дата, представлявшаяся подходящей для наступления Страшного Суда. В такой атмосфере Савонарола нашел отзывчивую аудиторию.

В 1494 году в Тоскану из Франции вторгся Карл VIII. Пьеро Неудачник, унаследовавший власть над Флоренцией от своего отца Лоренцо, был самоуверенным и неумелым правителем. Он сдал Карлу город на невыгодных условиях, даже не попытавшись дать серьезный отпор, чем так прогневил флорентийцев, что они изгнали семейство Медичи из города и разграбили их дворцы. Савонарола, собравший к тому времени множество последователей, воспользовался временем безвластия и объявил Флоренцию республикой Христа, а себя — ее лидером. Он первым делом ввел смертную казнь за весьма распространенную среди образованных флорентийцев содомию, к которой прежде относились достаточно терпимо. Грешников и преступников регулярно сжигали на

центральной площади делла Синьория или вешали за городскими воротами.

Безумный монах из Сан-Марко получил полную свободу раздувать лихорадочное пламя религиозного пыла среди городского простонародья. Он начал поход против упадка нравов, излишеств и гуманистического духа Ренессанса. За немногие годы своей власти он учредил обычай так называемых «костров тщеславия».

Он посылал своих слуг обходить дома, собирая предметы, которые представлялись им грешными: зеркала, языческие книги, косметику, записи светских мелодий и музыкальные инструменты, шахматы, карты, тонкие ткани и светские картины. Художник Боттичелли, поддавшийся воодушевлению Савонаролы, бросил в эти костры немало своих картин. Наверняка там же сгорели и некоторые работы Микеланджело, и другие бесценные шедевры Ренессанса.

Под властью Савонаролы Флоренция пришла в экономический упадок. Предсказанный им Страшный Суд так и не наступил. Господь вместо того чтобы осенить своим благословением впавший в горячую религиозность город, казалось, отступился от него. Горожане, особенно молодые и праздные, начали открыто пренебрегать эдиктами. В 1497 году толпа молодежи сорвала одну из проповедей Савонаролы. Мятеж распространился и превратился во всеобщее восстание — вновь открывались таверны, велись азартные игры, в переулках Флоренции слышалась веселая танцевальная музыка.

Савонарола, чувствуя, что теряет влияние, разразился еще более дикими и грозными проповедями и совершил роковую ошибку, обратив критику против самой церкви. Папа отлучил его, приказал арестовать и казнить. Толпа с удовольствием выполнила его волю, взломав двери в Сан-Марко, убив нескольких монахов и вытащив наружу Савонаролу. Ему предъявили длинный список обвинений, в числе которых была «религиозная ересь». Несколько недель его пытали на дыбе, затем повесили на цепях на кресте и сожгли на том самом месте на площади делла Синьория, где пылали «костры тщеславия». Огонь поддерживали несколько часов, затем останки мелко изрубили и несколько раз перемешали с углями, дабы никто из его почитателей не мог сохранить их как реликвии. Затем его прах сбросили в Арно, чьи воды веками принимали и уносили многое.

Ренессанс вернулся. Кровь и красота питали историю и процветание Флоренции. Однако ничто не вечно, и с течением веков город постепенно утратил ведущее положение в Европе. Он стал тихой заводью, славной своим прошлым, но неизвестной в настоящем, а между тем в силу входили другие города: Рим, Неаполь, Милан.

Современные флорентийцы — в значительной степени замкнутая общность людей, и другие итальянцы считают их медлительными, заносчивыми, чрезмерно приверженными классовым различиям и этикету, обращенными в прошлое консерваторами. Но флорентийцы обладают трезвым умом, пунктуальны и трудолюбивы. В глубине души они сознают свое культурное превосходство над остальными итальянцами. Они дали миру все, что в нем есть утонченного и прекрасного, и этого довольно. Теперь они вправе закрыть двери и не отвечать на стук.

Когда объявился Флорентийский Монстр, Флоренция отреагировала на убийства недоверием, болью, ужасом и болезненным любопытством. Горожане попросту не могли смириться с тем, что их изысканно прекрасный город, воплощение Ренессанса, колыбель западной цивилизации, мог породить такое чудовище.

И менее всего они готовы были поверить, что убийца — один из них.

Глава 4

Вечер вторника 22 октября 1981 года выдался дождливым и холодным не по сезону. На следующий день была назначена всеобщая забастовка: все магазины, конторы и школы закрывались в знак протеста против экономической политики правительства. В результате вечер стал праздничным. Стефано Бальди отправился в гости к своей подружке, Сюзанне Камби, пообедал с ней и ее родителями и повел девушку в кино. После фильма они заехали

на поля Бартолине к западу от Флоренции. Стефано вырос в этих местах и хорошо знал их, а на полях играл мальчишкой. Днем на полях Бартолине бывали старики-пенсионеры, они разводили там крошечные огородики, дышали свежим воздухом и сплетничали между собой. К ночи начинали появляться и отъезжать машины с юными парочками, искавшими уединения. И, само собой, появлялись любители подглядывать. Одна из дорожек через поля заканчивалась тупиком в винограднике. Там и остановились Стефано с Сюзанной. Перед ними вздымались тяжелые темные очертания гор Кальвана, а сзади доносился шум машин на шоссе. В ту ночь звезды и тонкий серп луны были скрыты тучами и все погрузилось в непроницаемый мрак.

На следующее утро в одиннадцать часов пожилая пара, пришедшая полить свой огород, обнаружила страшную картину. Черный «фольксваген-гольф» стоял, перегородив дорожку, левая дверца оставалась закрытой, по стеклу расплзлась густая паутина трещин, а правая дверца была открыта настежь — все в точности так, как в двух предыдущих двойных убийствах.

Специ прибыл на место преступления вскоре после полиции. И в этот раз ни полиция, ни карабинеры не пытались отгородить место преступления и предотвратить доступ зевакам. Кругом толпился народ, отпускали грязные шутки — шутки, которые ни у кого не вызывали смеха и были лишь попыткой кое-как прикрыть ужас случившегося.

Специ быстро высмотрел знакомого полковника карабинеров, одетого в щегольскую серую кожаную куртку, застегнутую от осеннего холода доверху, и без перерыва дымившего американскими сигаретами. Полковник держал в руке камень, найденный в двадцати метрах от места убийства. Кусок гранита был отесан в виде усеченной пирамидки со стороной около трех дюймов. Специ узнал в нем подпорку для двери — такие часто используют в тосканских домах, чтобы в жаркое лето не давать захлопываться уличным дверям и оставлять шелку для сквозняка.

Полковник, вертя камень в руках, подошел к Специ.

— Этот упор для двери — единственная находка, которая может иметь значение. Возьму в качестве улики за неимением лучшего. Может, он выбил им окно в машине.

Двадцать лет спустя этот самый обычный дверной упор, случайно подобранный в поле, станет центром нового необычайного расследования.

— И больше ничего, полковник? — спросил Специ. — Ни следа? Земля влажная, мягкая...

— Мы нашли отпечаток резинового сапога на земле рядом со шпалерой виноградных лоз, тянувшейся перпендикулярно дорожке, почти у самой машины. Мы зафиксировали этот отпечаток, но, как вы сами понимаете, оставить его мог кто угодно. Как и этот камень.

Специ, не забывая, что его долг журналиста — увидеть все своими глазами и не пересказывать в статье сообщений с чужих слов, нехотя отправился осматривать убитую женщину. Ее тело оттащили от машины больше чем на десять метров и оставили, как и в прошлые разы, на самом видном месте. Она лежала в траве, со скрещенными руками, и была так же изувечена, как и в предыдущих случаях.

Жертву осматривал медэксперт Мауро Маурри, заключивший, что разрезы в половых органах были сделаны тем же зазубренным ножом, напоминавшим скубу. Он отметил, что, как и в предыдущих убийствах, отсутствуют следы насилия на теле и нет следов спермы. Выездная бригада собрала на земле девять гильз от патронов «винчестер» серии «Н» и еще две нашла в машине. Экспертиза показала, что пули были выпущены из того же оружия с характерным дефектом бойка.

Специ попросил начальника выездной бригады прокомментировать тот необъяснимый, по-видимому, факт, что в магазине «беретты» помещается всего девять патронов, здесь же было выпущено одиннадцать пуль. Тот объяснил, что умелый стрелок может втиснуть в магазин десятый патрон, а если еще один заранее загнать в ствол, то девятизарядная «беретта» может дать одиннадцать выстрелов.

На следующий день после убийства Энцо Спаллетти освободили.

Реакцию на это новое двойное убийство можно без преувеличения назвать «истерической». Полицию и карабинеров засыпали письмами, подписанными и анонимными. Все эти письма следовало проверять. В них обвинялись врачи, хирурги, гинекологи и даже священники, а заодно отцы, зятья, любовники и соперники в любви. До сего времени итальянцы видели в серийных убийствах североевропейский феномен. Такое могло случиться в Англии, в Германии или Скандинавии — и, конечно, в Америке, где все ужасы в десять раз ужаснее. Но только не в Италии.

Молодежь была напугана. Сельская местность по ночам обезлюдела. Зато некоторые темные переулки в городе, особенно вокруг базилики Сан-Миниато-аль-Монте, были забиты стоявшими бампер к бамперу машинами: окна завешены газетными листами или полотенцами, а внутри — молодые любовники.

После убийства Spezi без отдыха трудился целый месяц, написав пятьдесят семь статей для «Ла Нацоне». Почти всегда он первым узнавал о свежих новостях, и тираж газеты впервые за всю ее историю взлетел до небес. Многие журналисты повадились ходить за ним хвостом, пытаясь обнаружить его источники.

За годы работы Spezi изобрел множество хитроумных трюков, помогавших добывать информацию в полиции и прокуратуре. Каждое утро он совершал турне по кабинетам трибунала, проверяя, нет ли свежих новостей. Он слонялся по коридорам, болтал с адвокатами и полицейскими, собирая крохи информации. Кроме того, он звонил Фоско, ассистенту судмедэксперта, интересуясь, не всплыло ли каких любопытных зацепок, и даже установил связь с пожарной командой, поскольку пожарных порой вызывали для извлечения трупов, особенно если они оказывались в воде.

Однако основным источником информации для Spezi был маленький человечек, работавший в недрах трибунала, — незаметный тип с непримечательными обязанностями, на которого другие журналисты вовсе не обращали внимания. Его работой было смахивать пыль и содержать в порядке тома ежедневных записей о том, кто и по каким причинам оказывался «indagato» — то есть под следствием. Spezi одарил этого простака бесплатной подпиской на «Ла Нацоне», и тот, гордясь таким подарком, в благодарность позволил Spezi шарить в регистрационных книгах. Чтобы скрыть золотую жилу информации от выслеживавших его коллег, Spezi дожидался часа дня, когда журналисты высыпали из суда, чтобы разойтись по домам на обед. Сам он нырял в боковой проулок, кривыми путями выводивший к задней двери трибунала, и навещал своего тайного друга.

Собрав несколько загадочных кусочков головоломки — достаточно, чтобы почуять под ними хороший сюжет, — он заходил в кабинет прокурора и притворялся, будто ему все известно. Обеспокоенный прокурор, стремясь выяснить, что именно он знает, втягивался в беседу, и Spezi посредством отговорок, оговорок и блефа удавалось получить подтверждение полученных сведений и заполнить пропуски, между тем как прокурор утверждался в своих опасениях, что газетчику известно все.

Последим неисчерпаемым источником информации были молодые адвокаты, заходившие в трибунал. Им не терпелось увидеть свои имена в газете: такая известность была необходима для карьерного продвижения. Если Spezi нужно было получить в руки важный документ, например протокол суда или следствия, он просил молодого адвоката раздобыть его, намекая, что благосклонно отзовется о нем в статье. Если тот колебался, а документ был совершенно необходим, Spezi мог и пригрозить: «Если вы не окажете мне эту услугу, я позабочусь, чтобы ваше имя по меньшей мере год не появлялось в газетах». Это был откровенный блеф, такой властью Spezi не обладал, зато наивный молодой адвокат приходил в ужас от подобной перспективы. Запуганные Spezi адвокаты порой позволяли ему уносить домой целые досье. Журналист проводил ночь, делая с них фотокопии, а к утру возвращал.

Новости о следствии по делу Монстра шли неиссякаемым потоком. Когда же новости отсутствовали, Spezi все равно находил тему для статьи, описывая слухи, теории заговоров и общую истерию, которую возбудило это дело.

А диких слухов и невероятных домыслов хватало с избытком. Многие затрагивали профессиональных медиков. Spezi описывал все. Неудачный заголовок в «Ла Нацьоне» дал пищу нарастающему безумию. «Хирург-убийца вернулся!». Автор сенсационного заголовка воспользовался метафорой, однако многие поняли ее буквально, и усилились слухи, что убийца — наверняка врач. Многие врачи внезапно обнаружили, что стали объектами недоброжелательного любопытства и сплетен.

Часть анонимных писем, поступавших в полицию, давала достаточно специфические сведения, направляя следствие во врачебные кабинеты и вынуждая полицию производить в них обыски. Прокуроры пытались избежать шумихи, чтобы не возбуждать новых слухов, но в таком маленьком городе, как Флоренция, каждый шаг следствия оказывался на виду, подбрасывал дров в костер истерии и убеждал горожан, что убийца — врач. В общественном мнении постепенно складывался портрет Монстра: мужчина, образованный, из хорошей семьи, из высших классов общества и прежде всего хирург. Разве медэксперт не заявил, что операции, произведенные над Кармелой и Сюзанной, были «сделаны умело»? Разве не поговаривали, что надрезы, возможно, сделаны скальпелем? Да еще хладнокровная расчетливость, проявленная убийцей, наводила на мысль, что тот умен и образован. По тем же причинам полагали, что он принадлежит к знатному роду. Флорентийцы издавна с подозрением смотрели на городскую знать — настолько, что в ранний период Флорентийской республики ее представителям запрещалось занимать общественные должности.

Через неделю после убийства на полях Бартолине полицию, редакцию «Ла Нацьоне» и прокуратуру захлестнула волна телефонных звонков. Коллеги, друзья и начальство известного гинеколога Гариметы Джентиле требовали подтвердить то, о чем говорила вся Флоренция, но что отказывались признать полиция и пресса: что он был арестован как убийца. Джентиле был одним из известнейших гинекологов Тосканы, директором клиники «Вилла ле Розе», расположенной близ Фьезоле. Его жена, уверяли сплетники, нашла в холодильнике, между свертками с моцареллой и руколой, ужасные трофеи его преступлений. Слухи начались с того, что кто-то сообщил полиции, будто Джентиле держит в банковском сейфе пистолет. Полиция произвела обыск с полным соблюдением секретности, однако кто-то из банковских служащих проговорился, и слух пошел гулять по городу. Следователи самым категорическим образом отрицали обвинение, но шум продолжал нарастать. Перед домом врача собралась толпа погромщиков, которую пришлось разгонять силами полиции. В конце концов главный прокурор вынужден был выступить по телевидению, чтобы прекратить слухи, угрожая судебным преследованием их распространителей.

В конце ноября Spezi получил журналистскую премию за работу, никак не связанную с этим делом. Его пригласили в Урбино для вручения приза — килограмма прекрасных белых трюфелей из Умбрии. Редактор дал ему отпуск с условием, что Spezi будет работать над статьями и в Урбино. Оторванный от своих источников, лишившись свежих новостей, Spezi перебирал в статье истории знаменитых серийных убийц прошлого: от Джека Потрошителя до Дюссельдорфского Вампира. Закончил он словами, что теперь во Флоренции есть свое чудовище — и таким образом, вдохновленный благоуханием трюфелей, он дал убийце имя: «il Mostro di Fienze», Флорентийский Монстр!

Глава 5

В «Ла Нацьоне» Spezi стал постоянно освещать ход дела Флорентийского Монстра, которое предоставляло молодому журналисту ослепительное богатство сюжетов, чем он пользовался неукоснительно. Следствие, не упускавшее ни одной, самой невероятной нити, выкапывало десятки странных происшествий, оригинальных характеров и живописных случайностей, и Spezi, знаток человеческих слабостей, подхватывал и описывал их — сюжеты, упущенные другими журналистами. Его статьи были увлекательны и, хотя в них часто упоминались диковинные и неправдоподобные события, всегда оставались

правдивыми. Spezi прославился суховатым стилем и лаконично-выразительным построением фраз, после которых жуткие подробности оставались с читателем еще долго после утреннего кофе.

Однажды он узнал от отставного полицейского, что следователь допросил и отпустил странную личность, выдававшую себя за профессионального медэксперта. Звали этого человека «доктор» Карло Сантанджело. Тридцатилетний флорентинец приятной наружности, любитель одиночества, был разведен, расхаживал в очках с дымчатыми стеклами и носил в левой руке сумку врача. На его визитке значилось:

ПРОФ. Д-Р КАРЛО САНТАНДЖЕЛО

медэксперт

Институт патологии, Флоренция

Институт патологии, Пиза — отдел судебной медицины

В неизменно сопутствовавшей ему докторской сумке хранились профессиональные инструменты — идеально заточенные блестящие скальпели. Доктор Сантанджело вместо того чтобы избрать себе постоянное место жительства, предпочитал сменять отели и пансионы в маленьких городках вокруг Флоренции. И отели он выбирал такие, чтобы неподалеку непременно располагалось маленькое кладбище. Если находилась комната с видом на надгробия — тем лучше. Лицо доктора Сантанджело и его очки с толстыми темными стеклами были знакомы всем служащим крупнейшего похоронного бюро Флоренции. Он часто проводил там часы, словно бы придя по важному делу. Доктор в темных очках выписывал рецепты, осматривал пациентов и даже подрабатывал психоаналитиком.

Одна беда — доктор Сантанджело не был ни медэкспертом, ни патологоанатомом. Он и врачом не был, хотя, по показаниям одного из свидетелей, брал на себя смелость проводить операции на живых людях.

К разоблачению Сантанджело привело серьезное крушение на автострате к югу от Флоренции. Кто-то вспомнил, что в соседнем отеле живет врач. Послали за доктором Сантанджело, чтобы он оказал пострадавшим первую помощь, и тогда-то с изумлением услышали, что он — тот самый эксперт, который проводил вскрытие тел Сюзанны Камби и Стефано Бальди, последних жертв Монстра. По крайней мере несколько служащих отеля утверждали, что так говорил им сам доктор Сантанджело, с гордостью открывая сумку и показывая орудия своего ремесла.

Карабинеры услышали о необычных претензиях Сантанджело и без особого труда выяснили, что он вовсе не врач. Они узнали о его пристрастии к маленьким кладбищам и моргам и услышали еще более насторажившее их описание коллекции скальпелей. Карабинеры незамедлительно пригласили Сантанджело на допрос.

Самозванный доктор легко признался в обмане и необоснованном бахвальстве, хоть и не смог объяснить своей любви к ночным кладбищам. Однако он горячо отрицал как клевету рассказ своей любовницы о том, как он прервал страстное ночное любодеяние, чтобы принять дозу снотворного, сказав, что только оно поможет ему устоять перед искушением покинуть ложе любви и устремиться к могилам.

Подозрения, что доктор Сантанджело мог оказаться Монстром, моментально рассеялись. На каждую ночь двойных убийств у него имелось алиби, заверенное служащими отелей, где он тогда проживал. Доктор, заявляли свидетели, отправлялся в постель рано: в полдевятого-девять, чтобы подняться в три утра на зов кладбища.

— Я знаю, что веду себя странно, — сказал Сантанджело допрашивавшему его чиновнику. — Иногда мне приходит в голову, что я не совсем нормален.

История Сантанджело дала жизнь одной из блестящих статей, написанных Spezi, ставшим признанным специалистом-«монстрологом». Он описывал и духовидцев, и гадателей по картам Таро, ясновидящих, геомантов и провидцев с хрустальными шарами, предлагавших свои услуги полиции. Услуги некоторых из них полиция даже принимала,

протоколы их «прозрений» скрупулезно записывались, заверялись и подшивались в дело. Не в одной из гостиных среднего класса вечеринка зачастую заканчивалась тем, что хозяин и гости рассаживались вокруг трехногого столика, поставив на него перевернутый стаканчик, расспрашивали жертв Монстра и получали от них загадочные ответы. Результаты сеансов нередко присылали в «Ла Нацоне» Специ, или в полицию, или передавали из уст в уста другим верующим. Параллельно с официальной линией расследования шло следствие в ином мире, и Специ забавлял своих читателей, описывая столоверчение или сеансы духовидения на кладбищах, где медиумы пытались завести беседу с покойными.

Дело Монстра так потрясло город, что казалось, возвращаются времена мрачного монаха Савонаролы из обители Сан-Марко и его сокрушающих проповедей против пороков века сего. Нашлись и такие, кто использовал Монстра как предлог вновь обвинить Флоренцию в моральной и духовной ущербности, а ее средний класс — в жадности и прагматизме. «Монстр, — писал один корреспондент, обращаясь в газету, — это живое выражение этого города лавочников, погрязших в оргии самолюбования и распушенности, охватившей священников, крупных брокеров, надутых профессоров, политиканов и разных самозванных писак... Монстр — дешевый мститель из среднего класса, прячущийся за фасадом бюргерской респектабельности. У него попросту дурной вкус».

Другие считали, что Монстр должен оказаться буквально монахом или священником. В одном из писем, полученных «Ла Нацоне», утверждалось, что гильзы, найденные после убийств, обесцвечены, «потому что в монастырях старые пистолеты и патроны целую вечность валяются в каком-нибудь темном углу, забытые всеми». Далее автор письма проводил мысль, уже широко обсуждавшуюся во Флоренции: что убийцей мог оказаться священник савонароловского типа, карающий молодых людей за разврат и прелюбодеяние. Он указывал, что обломок виноградной лозы, которым проткнули первую жертву, мог быть намеком на слова Иисуса: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает...»²

Детективы из полиции тоже серьезно рассматривали савонароловскую версию и негласно начали поиски священников, отличавшихся странными или необычными привычками. Несколько флорентийских проституток сообщили полиции, что их время от времени нанимает священник с достаточно эксцентричными вкусами. Он щедро платил им не за обычный секс, а за возможность выбрить им лобок. Полиция заинтересовалась сведениями о человеке, который получает удовольствие, действуя бритвой на этом участке тела. Девушки смогли назвать его имя и адрес. Однажды холодным воскресным утром небольшая группа карабинеров и полицейских в штатском в сопровождении пары мировых судей вошла в старинную сельскую церковь, прятавшуюся среди кипарисов в красивой холмистой местности к юго-западу от Флоренции. Визитеры проследовали в ризницу, где священник переодевался и готовил Святые Дары для утренней мессы. Ему показали ордер и объяснили причину визита, уведомив, что намерены обыскать церковь, исповедальни, алтарь и раку, где хранились мощи.

Священник пошатнулся и едва не лишился чувств. Он и не пытался отрицать свое хобби ночного дамского цирюльника, но клялся всеми святыми, что он — не Монстр. Он сказал, что понимает, почему они считают обыск необходимым, но умолял сохранить в тайне его действительную причину и дать ему возможность сначала отслужить мессу.

Священнику позволили отслужить мессу перед прихожанами, к которым присоединились полисмены и следователи. Во время мессы они вели себя как обычные горожане, заглянувшие на службу в сельской церкви. И глаз не спускали со священника, чтобы не дать ему во время службы скрыть какую-либо важную улику.

Как только прихожане разошлись, начался обыск, но единственной находкой оказалась бритва священника, и вскоре подозрение было с него снято.

² Ин 15:1, 2.

Глава 6

Хотя журналистской карьере Spezi роль хроникера Монстра принесла огромную пользу, он чувствовал себя не лучшим образом. Дикая жестокость преступлений тяжело сказалась на его психике. Его стали мучить кошмары, тревога за безопасность красавицы жены, фламандки Мириам, и их маленькой дочки Элеоноры. Spezi жили на старой вилле, превращенной в дом на несколько квартир, и стояла она высоко на холме над городом, в той самой местности, где таился Монстр. Работа над этим делом вызвала у него множество раздумий над мучительными, не имеющими ответов вопросами о добре и зле, Боге и человеческой природе.

Мириам настойчиво уговаривала мужа обратиться за помощью, и он наконец согласился. Однако вместо визита к психиатру Spezi, будучи благоверным католиком, обратился к монаху, который немало внимания уделял практике душевного здоровья в своей маленькой келье в развалинах францисканского монастыря одиннадцатого века. Брат Галилео Баббини был мал ростом, носил очки, напоминавшие донышки бутылки из-под коки, за стеклами которых его пронзительные черные глаза казались еще больше. Он вечно мерз, поэтому даже летом носил под монашеским одеянием косматую меховую безрукавку. На вид он казался настоящим средневековым монахом, а между тем получил полноценное образование психоаналитика и докторскую степень в университете Флоренции.

Брат Галилео, консультируя людей, страдающих от тяжелых травм, сочетал психоанализ с христианской мистикой. Его методика не отличалась мягкостью, и он был беспощаден в поисках истины. Он с почти сверхчеловеческой проницательностью открывал темные стороны души. Spezi, посещавший его, пока длилось дело, говорил мне, что брат Галилео сохранил ему душевное здоровье, а может быть, и спас жизнь.

В ночь убийства на полях Бартолине пара, проезжавшая по этой местности, разминувшись с красным «альфа ромео» в сужении узкой, окаймленной стенами дорожки, столь обычной в окрестностях Флоренции. Две машины разъехались в дюйме друг от друга, и пара отчетливо разглядела водителя встречной машины. Это был, рассказывали они полиции, мужчина в таком возбуждении, что лицо его передергивалось от беспокойства. По их описанию эксперты составили фоторобот: получилось лицо мужчины с жесткими грубыми чертами. Лоб с глубокими морщинами нависал над странным лицом с большими злобными глазами и крючковатым носом, а линия губ была тонкой и плотной, как шрам.

Однако прокуратура, опасаясь истерии, охватившей город, не решилась обнародовать портрет, который мог дать толчок охоте на ведьм.

После убийства на полях Бартолине прошел год, а следствие все топталось на месте. С приближением лета 1982 года город охватила тревога. Словно по расписанию в первую субботу безлунной летней ночью 19 июня 1982 года Монстр нанес удар в самом сердце района Кьянти к югу от Флоренции. Жертвами стали Антонелла Мильорини и Паоло Маинарди. Обоим было едва за двадцать, и они собирались пожениться. Молодые люди так много времени проводили вместе, что друзья прозвали их Винавил по названию популярной марки суперклея.

Пара приехала из Монтеспертоли, городка, прославленного винами и белыми трюфелями, а также несколькими гигантскими замками на вершинах окрестных холмов. Вечер они провели в толпе молодежи на пьядце дель Пополо: пили колу, ели мороженое и слушали поп-музыку, которая в тот теплый субботний вечер гремела над киоском с мороженым.

Потом Паоло сумел уговорить Антонеллу, не скрывавшую страха перед Монстром, прокатиться за город в бархатную тосканскую ночь по дороге, тянувшейся вдоль шумного ручья, стекавшего с холмов. Они проехали ворота в стене с бойницами гигантского замка Поппиано, которым девять столетий владели графы Гуччярдини, и свернули на тупиковую дорожку. В теплой темноте стрекотали кузнечики, в небе мерцали звезды, две темные стены

благоуханной зелени по сторонам дороги скрывали их от нескромных глаз.

Так Антонелла и Паоло оказались почти точно в географическом центре карты прошлых и будущих преступлений Монстра.

Реконструкция преступления показала следующее. Молодые люди закончили заниматься любовью, и Антонелла перебралась на заднее сиденье, чтобы одеться. Паоло, по-видимому, заметил таившегося у машины убийцу, ударил по акселератору и на высокой скорости задним ходом стал выбираться из тупика. Захваченный врасплох преступник обстрелял машину и ранил Паоло в левое плечо. Перепуганная девушка обхватила голову любовника с такой силой, что в его волосах впоследствии нашли запутавшуюся пряжку наручных часов. Машина задом выбралась из тупика, проскочила большую дорогу и въехала в кювет на противоположной стороне. Паоло переключил мотор на обычный режим и попытался выбраться из канавы, но задние колеса прочно завязли и буксовали.

Между тем Монстр, стоя на противоположной стороне дороги, был теперь ярко освещен светом фар. Он хладнокровно навел свою «беретту» и разбил пулями обе фары, одну за другой, двумя идеально точными выстрелами. Две гильзы, найденные на обочине, указали место, с которого он целился. Перейдя дорогу, он распахнул дверцу машины и выпустил еще две пули, по одной в голову каждому из любовников. Он выдернул юношу из машины, занял место водителя и попытался вывести машину на дорогу. Машина завязла прочно. Он сдался и, вопреки обыкновению не искалечив тело женщины, побежал вверх по холму, бросив ключи от машины примерно в трехстах футах от нее. Рядом с ключами следствие обнаружило пустой флакон пирасетама — препарата, продающегося в аптеках без рецепта. Считалось, что это средство улучшает память и функции мозга. Происхождение находки проследить не удалось.

Монстр шел на огромный риск, совершая преступление у самой дороги, на которой в субботний вечер было много машин. Его спасло только нечеловеческое хладнокровие. Позже следствие установило, что за час, в течение которого совершалось преступление, по дороге прошло не менее шести машин. Километром дальше по дороге совершали, пользуясь ночной прохладой, пробежку еще два человека, а у поворота к замку Поппиано у дороги сидела в машине и болтала при включенном в салоне свете еще одна парочка.

Следующая проезжавшая машина остановилась. Водитель предположил, что произошла авария. К тому времени как прибыли врачи, девушка была мертва. Молодой человек еще дышал. Он умер в больнице не приходя в сознание.

На следующее утро прокурор по делу, Сильвия делла Моника, вызвала к себе Марио Spezi и еще нескольких журналистов.

— Мне нужна ваша помощь, — сказала она. — Я прошу вас написать, что пострадавший, доставленный в больницу, жив и, возможно, заговорит. Может быть, это напрасные усилия, но если это напугает кого-то и вынудит совершить ошибку, то как знать?

Журналисты выполнили просьбу. Результата не было — или так тогда казалось.

В тот же день, после долгих обсуждений, следственный судья решил обнародовать фоторобот подозреваемого, составленный после двойного убийства на полях Бартолине. 30 июня зверское лицо неизвестного подозреваемого появилось на первых страницах газет по всей Италии — вместе с описанием красного «альфа ромео».

Реакция ошеломила следователей. В полицию, в прокуратуру, к карабинерам и в местные газеты хлынули мешки писем и бесчисленные телефонные звонки. Многие узнавали в этом грубом и злобном лице соперника в любви, соседа, местного врача или мясника.

«Монстр — это профессор родовспоможения, бывший начальник отделения гинекологии в больнице такой-то...» — гласило типичное заявление. В других утверждалось, что это — сосед, «которого бросила первая жена, потом любовница и еще одна любовница, так что теперь он живет с матерью». Усилия по проверке каждого обвинения парализовали полицию и карабинеров.

Десятки людей оказались объектами клеветы и подозрений. В день, когда опубликовали портрет, грозная толпа собралась перед лавкой мясника близ Порта Романа во

Флоренции. Многие сжимали в руках газету с фотороботом. Подходили новые люди, заглядывали в лавку, чтобы увидеть хозяина своими глазами, и присоединялись к толпе перед дверью. Мясницкая лавка закрылась на неделю.

В тот же день пицца-мастер в пиццерии «Красный пони» вызвал на себя подозрения, поскольку сильно напоминал фоторобот. Компания мальчишек издевалась над ним, заходя в пиццерию с газетой, демонстративно сравнивая его лицо и портрет и в притворном ужасе вылетая наружу. На следующий день после ленча этот человек перерезал себе горло.

В полицию поступило тридцать два телефонных звонка с утверждением, что некий таксист из старого квартала Флоренции Сан-Фреддиано — Монстр.

Инспектор полиции решил проверить сведения: он позвонил в компанию и заказал такси с этим водителем, попросил отвезти его в главное управление, где его люди окружили такси и приказали шоферу выйти. Увидев его лицо, полицейские изумились: фоторобот походил на него, как фотография. Инспектор приказал привести шофера к нему в кабинет и удивился, услышав от него вздох облегчения.

— Если бы вы меня не вызвали, — сказал таксист, — я сразу после смены пришел бы сам. С тех пор как вышли газеты с этим снимком, начался настоящий ад. Клиенты то и дело выскакивают из такси посреди маршрута.

Следствие быстро установило, что таксист не мог совершить преступлений — сходство оказалось случайным.

Похороны Паоло и Антонеллы собрали большую толпу. Кардинал Бенелли, архиепископ Флоренции, произнес проповедь, превратив ее в обвинительный приговор современному миру.

— В наши скорбные времена, — наставлял он, — много говорят о монстрах, о безумцах, о невообразимо жестоких преступлениях, но мы хорошо знаем, что безумие не вырастает на пустом месте: безумие — это иррациональный и насильственный взрыв мира, общества, утратившего свои ценности, когда каждый новый день все более враждебен человеческой душе. Сегодня, — заключил архиепископ, — мы, стоящие здесь — немые свидетели одного из жесточайших ударов, нанесенных всему, что есть доброго в человеке.

Обрученных похоронили рядом, и единственную фотографию, где они оказались вместе, поместили между их могилами.

В лавине обвинений, писем и звонков, засыпавших штаб-квартиру карабинеров во Флоренции, одно странное письмо стояло особняком. В конверте оказалась лишь пожелтевшая, потертая вырезка из старой статьи, опубликованной в «Ла Нацьоне», с рассказом о давно забытом убийстве пары, занимавшейся любовью в машине в окрестностях Флоренции. Любовников застрелили патронами «винчестер» серии «Н», на месте преступления были найдены гильзы. Кто-то небрежно приписал на вырезке: «Обратите внимание на это преступление». Самой леденящей душу подробностью оказалась дата публикации: 23 августа 1968 года.

Преступление было совершено ровно четырнадцать лет назад.

Глава 7

Благодаря счастливой бюрократической небрежности гильзы, подобранные на месте преступления, которые давно полагалось бы выбросить за давностью лет, остались лежать в нейлоновом мешочке в пыльной папке досье.

На кромке каждого капсюля имела неповторимая метка оружия Монстра.

Следователи жадно набросились на давно закрытое старое дело. И были жестоко разочарованы. В 1968 году виновный был найден. Это было дело типа «застал и застрелил». Виновный признался и был осужден за двойное убийство, но он никак не мог оказаться Монстром, поскольку во время первого убийства еще сидел в тюрьме, а с момента освобождения находился в учреждении для недавно освобожденных под бдительным присмотром монахинь и был так слаб, что едва мог ходить. Он никоим образом не способен

был совершить ни одного из преступлений Монстра. И признание его не было ложным: в нем содержалось точное и подробное описание двойного убийства — подробности, которые могли быть известны только тому, кто присутствовал на месте преступления.

На первый взгляд, убийство 1968 года казалось простым, жалким и даже банальным. Замужняя женщина, Барбара Лоччи, вступила в связь с каменщиком-сицилийцем. Однажды ночью, съездив в кино, они остановились на тихой дорожке, чтобы заняться сексом. Ревнивый муж застал их в разгар действия и застрелил. Муж, иммигрант с острова Сардиния по имени Стефано Меле, был схвачен через несколько часов. Когда парафиновый тест показал, что он недавно стрелял из огнестрельного оружия, он сломался и признал, что в припадке ревности убил жену и ее любовника. Ему смягчили наказание, дав всего четырнадцать лет, по причине «психической неустойчивости».

Дело закрыто.

Пистолет, из которого стреляли, так и не был обнаружен. Меле тогда заявил, что выбросил его в ирригационную канаву. Но канаву, как и весь участок вокруг, в ночь преступления тщательно обыскиали, а пистолета не нашли. В то время никого особенно не заботило пропавшее оружие.

Следователи побывали в заведении под Вероной, где проживал Меле. Они подвергли его безжалостному допросу. Они в особенности хотели знать, что он сделал с пистолетом после убийства. Но в ответах Меле не было смысла: он стал полоумным. Он постоянно сам себе противоречил, создавая впечатление, будто он что-то скрывает, держался напряженно и настороженно. Если он и скрывал какую-то тайну, то цеплялся за нее так крепко, что, казалось, унесет ее с собой в могилу.

Стефано Меле проживал в уродливом белом здании на плоской равнине у реки Адидже, в окрестностях романтического городка Верона. Он жил там с другими бывшими заключенными, выплатившими свой долг обществу, которым теперь некуда было деваться. У них не было ни семьи, ни надежды найти достойную работу. Священник, надзиравший за этим богоугодным заведением, неожиданно для себя обнаружил, что ко множеству других неотложных забот добавилась еще одна: защищать беспомощного сарда от стаи алчных журналистов. Каждый честолобивый итальянский журналист жаждал получить интервью с Меле — священник с не меньшей решимостью отбивал их натиск.

Отделаться от Spezi, «монстролога» из «Ла Нацционе», оказалось не так легко. Он прибыл с кинодокументалистом под предлогом, что хочет сделать фильм о добрых делах приюта для бывших заключенных. После лестного для священника интервью, задав для вида еще несколько вопросов другим обитателям приюта, он наконец встретился лицом к лицу со Стефаном Меле.

Первый взгляд обескураживал: еще не старый сард расхаживал по комнате крошечными нервными шажками на прямых ногах, и казалось, он вот-вот опрокинется. Чтобы подвинуть стул, ему требовалось почти сверхъестественное усилие. Невыразительная улыбка, застывшая на его лице, обнажала кладбище гнилых зубов. Он мало напоминал бездушного убийцу, который пятнадцать лет назад умело и хладнокровно умертвил двух человек.

Интервью поначалу шло туго. Меле был насторожен и полон подозрений. Но мало-помалу он оттаял и стал спокойнее относиться к двум «киношникам», радуясь, что нашел наконец сочувственных слушателей, перед которыми можно откровенно выговориться. Он даже пригласил их в свою комнату, где показал старые фотографии своей «хозяйки» (как он называл убитую им жену Барбару) и их сына, Наталино.

Но едва Spezi коснулся истории давнего преступления, ответы Меле стали уклончивыми. Он подолгу бормотал что-то невнятное, как будто выговаривал все, что приходило в голову. Дело казалось безнадежным.

Под конец он сказал странную фразу:

— Им надо бы найти тот пистолет, не то будут еще убийства... Они будут убивать дальше. Они будут убивать...

Перед уходом Spezi Меле вручил ему подарок — почтовую открытку с изображением дома с балконом, под которым, как рассказывали в Вероне, Ромео открылся в любви к Джульетте.

— Возьмите, — сказал Меле, — я «парный человек», а эта пара — самая знаменитая в мире.

«Они будут убивать...» Только на улице до Spezi дошла странность употребленного Меле множественного числа. Меле повторял «они», словно речь шла не об одном Монстре. Почему он мог решить, что их несколько? Это наводило на мысль, что он не один участвовал в убийстве жены и ее любовника. У него были сообщники. Очевидно, Меле полагал, что эти сообщники продолжают убивать пары любовников.

Тогда Spezi осознал тот факт, который уже был известен полиции: преступление 1968 года не было убийством из ревности. Это было групповое убийство, клановое убийство. Меле был не один на месте преступления, у него были сообщники.

Не мог ли кто-то из этих сообщников стать Флорентийским Монстром?

Полиция начала поиски тех, кто мог оказаться рядом с Меле в ту роковую ночь. Эта стадия расследования заставила их углубиться в историю странного и жестокого сардинского клана, к которому принадлежал Меле. Появилось выражение «Pista Sarda» — сардинский след.

Глава 8

Расследование сардинского следа осветило любопытный и почти забытый эпизод итальянской истории — массовую эмиграцию с острова Сардиния на материк в шестидесятых годах двадцатого века. Многие из тех иммигрантов осели в Тоскане, навсегда изменив характер провинции.

Перенестись в Италию начала шестидесятых означает совершить путешествие не на сорок пять лет назад, а дальше и глубже во времени. Италия тогда была другой страной, миром, теперь окончательно исчезнувшим.

Единое государство, созданное в 1871 году, было составлено из различных княжеств и феодов: древние земли на скорую руку подшили в единую нацию. Население говорило на шестистах языках и диалектах. Когда итальянский народ избрал диалект Флоренции «государственным языком», на нем в действительности могли говорить всего два процента итальянцев. (Флоренцию предпочли Риму и Неаполю, потому что ее язык был языком Данте.) Еще в шестидесятых меньше половины граждан владели стандартным итальянским. Страна была бедной и изолированной, еще не оправилась от тяжелого ущерба, нанесенного Второй мировой войной, страдала от голода и малярии. Немногие из итальянцев жили в домах с водопроводом и электричеством, владели машинами. Чудо промышленного и экономического возрождения современной Италии только начиналось.

В 1960-х наиболее отсталой областью Италии были голые, выжженные солнцем горы в глубине острова Сардиния.

Той Сардинии далеко было до Коста Смеральда, ее гаваней и яхт-клубов, до богатых арабов на лужайках для гольфа и приморских вилл за миллионы долларов. На острове существовала изолированная культура, отвернувшаяся от моря. Сарды испокон веков боялись моря, потому что оно веками приносило им лишь смерть, грабителей и насильников. «Кто пришел с моря, ограбит», — гласила древняя сардская поговорка. С моря подходили корабли из Пизы, украшенные христианским крестом, чтобы вырубить сардинские леса для верфей. С моря появлялись черные фелуки арабских пиратов, похищавших женщин и детей. А много веков назад — так говорила легенда — с моря пришла гигантская волна цунами, смывшая прибрежные селения и навсегда загнавшая островитян в горы.

Сардинский след привел полицию и карабинеров в те же горы, на много лет назад, в селение Виллачидро, уроженцами которого были многие члены клана Меле.

В 1960 годах почти никто на Сардинии не говорил по-итальянски. В ходу был особый

язык островитян, логудорский, считавшийся старейшим и наиболее чистым из романских языков. Сарды с полным равнодушием относились к законам, которые устанавливали для них «эти итальянцы», как называли они жителей большой земли. Они жили по собственным неписаным законам, по барбаджийскому кодексу, зародившемуся в древней области центральной Сардинии, называемой Барбаджа. Эта область относилась к самым диким и малонаселенным в Европе.

Центральной фигурой барбаджийского кодекса был мужчина «баленте» — вольный разбойник, коварный, искусный и отважный, сам бравший от жизни все, что ему понадобится. Воровство, особенно угон скота, было согласно барбаджийскому кодексу похвальным деянием, если урон несло другое племя. Такое воровство рассматривалось не просто как прибыльное дело, но и как акт мужества, поступок настоящего баленте. Вор доказывал свою хитрость и превосходство над соперником, каковой по справедливости расплачивался за свою неспособность усмотреть за своим скотом и своим имуществом. Сходным образом оправдывалось и похищение, и убийство. Баленте внушал страх и почтение.

Сарды, в особенности пастухи, которые большую часть жизни проводили в изоляции, кочуя с пастбища на пастбище, относились к итальянскому государству как к оккупантам. Если пастух, повинаясь кодексу баленте, нарушал закон, установленный «чужестранцами» (итальянцами), он, спасаясь от позора тюремного заключения, становился человеком вне закона, присоединяясь к группе таких же беглецов и разбойников, скрывавшихся в горах и грабивших селения. Но и оказавшиеся вне закона продолжали тайно жить в своих селениях, где им давали укрытие и принимали радушно, больше того, с восхищением. Бандит выделял односельчанам часть добычи и никогда не разбойничал на своей территории. Жители Сардинии видели в разбойниках доблестных защитников их прав и чести общины против иноземных угнетателей. Разбойники становились объектами почти легендарного почитания, романтическими и героическими персонажами.

В этом-то клановом мирке и оказались следователи, прослеживая запутанные повороты сардинского следа. Им открывалась древняя культура, перед которой сицилийская «омерта» выглядела едва ли не современным нововведением.

Городок Виллачидро был изолированным даже по сардинским меркам. Живописное, хотя и нищее селение стояло на высоком плоскогорье, разрезанном рекой Лени и окруженном скалистыми вершинами. В дубравах бродили олени, а над утесами красного гранита парили орлы. Величественный водопад Ла Спендула, чудо природы Сардинии, вдохновил поэта Габриэле д'Аннунцио в 1882 году посетить остров. Дивясь на каскад струй, обрушивавшихся со скал среди валунов, он заметил одного из местных жителей.

В зеленой долине бдительный пастырь
В одежде из шкур звериных
Стоит на крутом известковом утесе,
Как бронзовый фавн, неподвижен и тих.

Но многие сарды видели в Виллачидро «проклятую землю», «страну теней и ведьм», как говорили старики. Все знали, что ведьмы из Виллачидро носят длинные юбки, чтобы скрыть под ними хвосты.

Виллачидро был родиной семьи Винчи.

В семье Винчи было трое братьев. Старший, Джованни, изнасиловал свою сестру и был изгнан из общины. Младший, Франческо, славился жестокостью и умелым обращением с ножом — он в рекордный срок мог зарезать, ободрать, выпотрошить и разделать барана.

Имя среднего было Сальваторе. Он взял в жены девочку-подростка, Барбарину. «Маленькая Барбара» родила ему сына, Антонио. Однажды ночью Барбару нашли в постели мертвой. Ее гибель приписали сознательному отравлению пропаном. Однако в Виллачидро об этом мнимом самоубийстве ходили недобрые слухи. Шептались, что кто-то, прежде чем

открыть баллон с газом, забрал из постели матери маленького Антонио и тем спас ему жизнь — а мать оставил на смерть. Большинство односельчан были уверены, что ее убил Сальваторе.

Смерть Барбары стала последней каплей, объединившей селение против братьев Винчи. Их вынудили покинуть селение. В один прекрасный день 1961 года они отплыли на большую землю вместе с множеством других эмигрантов с Сардинии. Высадившись в Тоскане, они начали новую жизнь.

На другом берегу моря их ожидала еще одна Барбара.

Глава 9

Братья Винчи, сошедшие на пристань в Ливорно, не походили на типичных иммигрантов с малой горсткой лир в карманах, вцепившихся в свои картонные чемоданчики, ошалело озиравшихся кругом, впервые увидевших нечто, кроме своей захолустной деревушки.

Винчи были уверены в себе, легко приспосабливались к новому и на удивление хорошо знали жизнь.

Сальваторе и Франческо предстояло сыграть главную роль в истории Флорентийского Монстра. Внешне они были похожи: невысокие, крепкие, недурны собой, с курчавыми черными шевелюрами и быстрыми беспокойными глазками в глубоких глазницах грубых надменных лиц. Оба были куда умнее, чем можно было ожидать от парней, выросших в таком захолустье. Но при всем внешнем сходстве братья были как нельзя более разными. Сальваторе — спокойный, задумчивый интроверт, любил умные разговоры и споры, которые вел в сладкоречивой старосветской манере. Он носил очки, придававшие ему сходство с преподавателем латыни.

Младший брат Франческо был экстравертом, заносчивым и скорым на руку, с обаянием настоящего мачо — из двух братьев истинным баленте был он.

Попав в Тоскану, Сальваторе быстро нашел работу каменщика. Франческо большую часть времени проводил в баре на окраине Флоренции, где околачивались криминальные элементы с Сардинии. Этот бар был негласной штаб-квартирой трех знаменитых сардинских гангстеров, экспортировавших в Тоскану классический сардинский бизнес: похищение ради выкупа. Эти люди несут на себе часть ответственности за волну похищений, захлестнувшую Тоскану в конце шестидесятых и в семидесятых годах. Один раз, когда выкуп задерживался, они убили похищенного графа и избавились от тела, скормив его свиньям-людоедам — подробность, которую Томас Харрис эффектно использовал в своем «Ганнибале». Франческо Винчи, насколько нам известно, не принимал участия ни в одном похищении. Он посвятил себя мелкому грабежу, воровству и еще одной почтенной сардинской традиции — угону скота.

Сальваторе снял комнату в ветхом доме, который занимала сардинская семья Меле. Стефано Меле жил там с отцом, братьями и сестрами и женой, Барбарой Лоччи (в Италии жена по традиции после замужества оставляет за собой девичью фамилию). Барбара Лоччи обладала изящной фигуркой, томным взглядом, слегка приплюснутым носом и полными, красивыми губами. Она любила носить красные юбки, плотно облегавшие ее выразительные формы. Она была еще девочкой, когда ее впавшая в нищету семья на Сардинии уговорилась о ее замужестве со Стефано, который был в сравнении с ними человеком состоятельным. Стефано был гораздо старше жены, и, сверх того, «uno stupido», слабоумным. Когда семья Меле иммигрировала в Тоскану, Барбара уехала с ними.

Едва оказавшись в Тоскане, молоденькая страстная Барбара принялась губить честь семьи Меле. Она часто воровала деньги у родственников мужа и убегала в город, подыскивала себе мужчину, давала ему деньги и украдкой проводила в дом Меле. Стефано был совершенно не в состоянии справиться с ней.

Стремясь покончить с ее ночными авантюрами, глава семьи Меле, отец Стефано,

вставил в окна первого этажа железные решетки и попытался запереть ее в доме. Это не помогло. Барбара связалась с жильцом, Сальваторе Винчи.

Муж Барбары не препятствовал их связи. Он даже поощрял ее. Впоследствии Сальваторе Винчи показал:

— Он не был ревнив. Он сам пригласил меня поселиться у них, когда узнал, что я ищу жилье. «Живи у нас! — сказал он. — У нас есть свободная комната». «А как с оплатой?» «Заплатишь сколько сможешь». Так я оказался в доме Меле. И он сразу подsunул мне в постель жену. Уговаривал меня сводить ее в кино. Говорил, ему это все равно. Или уходил в клуб играть в карты, а меня оставлял с ней наедине.

Был случай, когда Стефано, ехавшего на мотоцикле, сбила машина, и его на несколько месяцев положили в больницу на реабилитацию. На следующий год Барбара родила ему сына, Наталино, но всякий, способный сосчитать до девяти, вправе был усомниться в отцовстве Стефано.

Глава семьи, досыта наевшись глумлением над честью фамилии, выгнал Стефано с женой из дома, а вместе с ними и Сальваторе. Стефано с Барбарой сняли хибару в рабочем предместье на западе от Флоренции. Жена продолжала встречаться с Сальваторе при полной (и вполне активной) поддержке мужа.

— Чем она привлекала? — свидетельствовал позднее Сальваторе, говоря о Барбаре. — Ну, занимаясь любовью, она ничуть не походила на статую. Она знала, что это за игра, и умела в нее играть.

Летом 1968 года Барбара оставила Сальваторе и связалась с его братом Франческо, баленте, разыгрывавшем мачо. При нем Барбара играла роль подружки гангстера, захаживала в бар, где собирались сарды, перешучивалась с крутыми парнями, крутила задницей. Она одевалась в стиле «роковой женщины». Однажды, когда она зашла слишком далеко, во всяком случае по мнению Франческо, тот за волосы выволок ее на улицу и сорвал с нее вызывающее платье, оставив посреди толпы зевак в одном белье.

В начале августа 1968 года на горизонте появился новый любовник, Антонио Ло Бьянко, каменщик родом с Сицилии, высокий, мускулистый и черноволосый. Он тоже был женат, но это не помешало ему бросить вызов Франческо.

— Барбара? — по слухам, говаривал он. — Через неделю я ее поимею.

И он выполнил обещание.

Теперь и у Сальваторе, и у Франческо были основания считать себя униженными и оскорбленными. В довершение всего Барбара выкрала у Стефано шестьсот тысяч лир — деньги, полученные в возмещение ущерба при аварии. Клань Винчи и Меле боялись, что она отдаст деньги Ло Бьянко. Они решили вернуть украденное.

История Барбары приближалась к последней главе.

Конец наступил 21 августа 1968 года. Тщательная реконструкция преступления, произведенная много лет спустя, обнаружила, как это было. Барбара отправилась с новым любовником, Антонио Ло Бьянко, посмотреть новый японский фильм ужасов. Она взяла с собой сына, шестилетнего Наталино. Затем они втроем уехали на белом «альфа ромео», принадлежавшем Антонио. Машина проехала часть пути к городу и свернула на грунтовую дорожку, огибавшую кладбище. Они проехали несколько сот футов и остановились у тростниковых зарослей, в том месте, где часто занимались сексом.

Стрелок с сообщниками заранее спрятались в тростниках. Они дождались, пока Барбара с Антонио занялись сексом — она была сверху, оседлав партнера. Левое заднее окно машины оставалось открытым — ночь была теплая — и стрелок, тихо приблизившись к машине, просунул в окно руку с «береттой» двадцать второго калибра и прицелился. Дуло было нацелено несколькими футами выше головы Наталино, спавшего на заднем сиденье. Почти в упор — остались пороховые ожоги — убийца сделал семь выстрелов: четыре в него и три в нее. Каждый выстрел попал точно в цель, поразив жизненно важные органы, и оба скончались на месте. Наталино проснулся от первого выстрела и увидел перед глазами яркие желтые вспышки.

В магазине оставался еще один патрон. Стрелок передал пистолет Стефано Меле, который взял оружие, направил в голову мертвой жены и неверной рукой нажал курок. Даже на таком близком расстоянии он промахнулся и попал в плечо. Это не играло роли — женщина была мертва, а выстрел сделал свое дело: оставил на руке Стефано следы пороха, которые и выявил парафиновый тест. Слабоумный Меле стал ответчиком за всех. Кто-то обыскал ящик для перчаток, но шестисот тысяч лир в нем не нашел (следствие обнаружило деньги, спрятанные в машине, в другом месте).

Оставалась проблема с ребенком, Наталино. Оставить его в машине с мертвой матерью было нельзя. После убийства он, увидев отца с оружием в руке, воскликнул:

— Этот пистолет убил маму!

Меле отбросил пистолет, подхватил сына, посадил его на плечи и ушел. На ходу, чтобы успокоить ребенка, он напевал ему песню про закат. Пройдя два с половиной километра, он оставил ребенка у дверей незнакомого дома, позвонил в дверь и скрылся. Хозяин дома, выглянув в окно, увидел перепуганного маленького мальчика, стоящего под лампочкой у входной двери.

— Мама и дядя в машине, мертвые! — крикнул мальчик тонким дрожащим голосом.

Глава 10

Еще при расследовании двойного убийства в 1968 году следствие обнаружило много улик, указывавших, что его совершила группа людей, но тогда этими уликами пренебрегли.

Тогда же полиция допросила шестилетнего Наталино как единственного свидетеля преступления. Его показания были невнятными. Отец там был... Один раз во время допроса он сказал: «Я видел в тростниках Сальваторе». Мальчик тут же отказался от этих слов, сказав, что это был не Сальваторе, а Франческо, и добавил, что это отец велел ему сказать, что он видел Франческо. Он описал «тень» еще одного человека на месте преступления, смутно упомянул «дядю Пьеро», который тоже был там, — человека, «который зачесывает волосы направо и работает по ночам», — это мог быть его дядя Пьеро Муччарини, работавший пекарем. Потом он сказал, что ничего не помнит.

Один из карабинеров, раздраженный противоречивыми показаниями ребенка, пригрозил ему: «Если не будешь говорить правду, я отведу тебя назад к мертвой матери».

Единственное, что следователи несомненно узнали от мальчика — это что он видел на месте преступления своего отца с пистолетом в руках.

Оскорбленный муж был идеальным претендентом на роль подозреваемого. Стефано Меле арестовали в ту же ночь, мгновенно опровергнув жалкое алиби: он якобы в тот вечер лежал дома больной. Парафиновый тест обнаружил следы пороха между большим и указательным пальцами правой руки — классические следы, остающиеся после недавнего выстрела из пистолета. Даже слабоумный Меле сообразил, что после этого теста нет смысла отрицаться, и признал, что был на месте преступления. Возможно, до него даже начало доходить, что его подставили.

Робко, боязливо Меле сообщил допрашивавшему его карабинеру, что настоящим убийцей был Сальваторе Винчи.

— Однажды, — сообщил Меле, — он сказал мне, что у него есть пистолет. Это был он, он ревновал к моей жене. Это он, когда она его бросила, угрожал ее убить и повторял это не раз. Однажды я попросил его вернуть мне долг, и знаете, что он ответил? «Я избавлю тебя от жены, — сказал он, — и тем выплачу долг!» Он так и сказал!

Но затем Меле вдруг отказался от обвинений против Сальваторе Винчи и принял на себя всю ответственность за убийство. О том, куда девался пистолет, он так ничего вразумительного и не сказал.

— Я бросил его в ирригационную канаву, — заявил он, однако тщательные поиски, произведенные в ту же ночь в канаве и вокруг, ничего не дали.

Карабинерам не понравилась его версия. Казалось невероятным, что этот человек,

способный заблудиться в комнате, мог отыскать ночью место преступления, добраться туда в одиночку, без машины, пройдя много километров от дома, подстеречь любовников и всадить в них несколько пуль. Когда Стефано прижали, он снова вернулся к обвинениям против Сальваторе.

— Это у него была машина, — сказал он.

Карабинеры решили устроить им очную ставку. Они доставили Сальваторе в казармы карабинеров. Те, кто присутствовали при этой встрече, говорили, что никогда ее не забудут.

Сальваторе внезапно вошел в комнату: настоящий баленте, преисполненный самоуверенности. Он остановился и устремил на Меле безмолвный суровый взгляд. Меле расплакался, бросился к ногам Сальваторе, рыдая и хныча:

— Прости меня! Пожалуйста, прости меня! — кричал он.

Винчи развернулся и вышел, так и не сказав ни слова. Он обладал непререкаемой властью над Меле, властью заставить его соблюдать «омерта», так что Меле предпочел годы в тюрьме неповиновению. Он немедленно взял назад свои обвинения и показал, что стрелял не Сальваторе, а его брат Франческо. Однако под давлением Меле в конце концов вернулся к показаниям, что все выстрелы сделаны им самим.

Этим и удовлетворились следователи и следственный судья. Не считая мелких деталей, в общем преступление было раскрыто: они получили признание оскорбленного мужа, подтвержденное судебной экспертизой и показаниями его сына. Обвинение в убийстве было предъявлено одному Меле.

На суде ассизи,³ когда Сальваторе Винчи был вызван для свидетельских показаний, разыгралась примечательная сцена. Говоря, Сальваторе жестикулировал, и внимание судьи привлекло женское обручальное кольцо у него на пальце.

— Что это за кольцо? — спросил судья.

— Это обручальное кольцо Барбары, — ответил свидетель, не глядя на судью, а снова устремив суровый взор на Меле. — Она мне его подарила.

Меле был осужден за двойное убийства и приговорен к четырнадцати годам.

В 1982 году следствие принялось составлять список возможных сообщников в преступлении 1968 года. В список попали два брата Винчи, Сальваторе и Франческо, а также Пьеро Муччарини — «тень», замеченная Наталино.

Следователи не сомневались, что пистолет не был выброшен в канаву, как упорно твердил Стефано. Оружие, использованное при убийстве, почти никогда не продают, не отдают и не выбрасывают. Они были уверены, что кто-то из сообщников Меле забрал его домой и тщательно спрятал. Через шесть лет пистолет извлекли из тайника вместе с той же коробкой патронов, и он стал оружием Флорентийского Монстра.

Они поняли, что, проследив судьбу пистолета, найдут разгадку дела Монстра.

Сардинский след в первую очередь нацелил следствие на Франческо Винчи, поскольку тот был баленте — наглым парнем, замешанным во многих преступлениях. Он жестоко избивал своих подружек и водился с гангстерами. Между тем Сальваторе — тихий трудолюбивый человек — никогда не ввязывался в скандалы. У него было безупречно чистое досье. Для тосканской полиции, не имевшей опыта раскрытия серийных убийств, Франческо представлялся естественным подозреваемым.

Следователи раскопали множество мелких косвенных улик против Франческо. Они установили, что в те ночи, когда совершались преступления, он находился неподалеку от мест убийств. Он, занимаясь грабежами, воровством скота и интрижками с женщинами, не сидел на месте. Например, относительно убийства в Борго Сан-Лоренцо в 1974 году они сумели выяснить, что он был в этих местах, благодаря его ссоре с очередным ревнивым мужем, в которой участвовал и его племянник Антонио, сын Сальваторе Винчи. Во время

³ Специальный суд в Италии для рассмотрения особо тяжких преступлений, включает двух профессиональных судей и шесть народных заседателей. — *Примеч. ред.*

убийства на Монтеспертоли Франческо тоже был поблизости — навещал Антонио, проживавшего в то время в городке в шести километрах от места преступления.

Однако прямых улик против Франческо пока не обнаруживалось. В середине июля карабинеры из городка на юге Тосканы сообщили флорентийским прокурорам, что 21 июня они нашли спрятанную в лесу и прикрытую ветвями машину. Когда они наконец собрались проверить номера, оказалось, что машина принадлежит Франческо Винчи.

Это обстоятельство выглядело многозначительным: как раз 21 июня Spezi и его коллеги опубликовали (ложное) сообщение, что мужчина, раненный на Монтеспертоли, может быть, выживет и заговорит. Возможно, это известие спугнуло убийцу и заставило его спрятать свою машину.

Карабинеры задержали Винчи и потребовали объяснений. Он выдал им историю о женщине и ревнивом муже, но она не выдерживала проверки, а главное, не объясняла, зачем было прятать машину.

Франческо Винчи был арестован в августе 1982 года, через два месяца после убийства на Монтеспертоли. Тогда ведущий дело следственный судья заявил прессе:

— Опасность теперь в том, что может произойти новое убийство, еще более ужасающее, чем прежние. Монстр, возможно, пожелает утвердить свое право на убийство новым преступлением.

Странно было слышать эти слова от судьи при аресте подозреваемого, однако они показывали неуверенность следствия в том, что арестован истинный виновник преступлений.

Осень и зима прошли без новых убийств. Однако флорентийцы не вздохнули спокойно: Франческо не подходил под общее представление об интеллигентном и аристократичном Монстре — он был слишком мелкой сошкой, бабником и хулиганом.

Вся Флоренция с трепетом ожидала летнего тепла — времени, излюбленного Монстром.

Глава 11

За ту осень и зиму 1982/83 года Марио Spezi написал книгу о деле Флорентийского Монстра. Она вышла в мае под заголовком «Флорентийский монстр». В ней излагалась история дела от убийств 1968 года до двойного убийства в Монтеспертоли. Читатели, в ужасе перед приближающимся летом, жадно раскупали тираж. Но благоуханные летние ночи опустились на флорентийские холмы, а вестей о новых убийствах не было. Флорентийцы начинали надеяться, что полиция в конце концов арестовала истинного преступника.

Кроме книги и статей о деле Монстра, Spezi в том году написал похвальную статью, посвященную начинающей кинематографистке Чинции Торрини, создавшей очаровательную документальную короткометражку о жизни Берто — последнего паромщика на реке Арно. Этот старик развлекал своих пассажиров байками, легендами и старинными тосканскими поговорками. Торрини понравилась статья Spezi, и его книгу о Монстре она прочла с интересом. Позвонив ему, она предложила сделать фильм о Флорентийском Монстре. Spezi пригласил ее на обед к себе домой. Обед был поздним даже по итальянским меркам, потому что Spezi, как все журналисты, днем был очень занят.

Так случилось, что вечером 10 сентября 1983 года Торрини ехала вверх по крутому холму к дому Spezi. Как и следует режиссеру, Торрини обладала живым воображением. Потом она рассказывала, что ветви деревьев представлялись ей руками скелетов, сгибающимися и тянущимися к ней на ветру. Она невольно задавалась вопросом, благоразумно ли ехать в сердце флорентийских холмов в безлунную субботнюю ночь ради беседы с незнакомым человеком об ужасных убийствах, совершавшихся в флорентийских холмах безлунными субботними ночами. За поворотом извилистой дороги фары ее старенького «Фиата 127» высветили посреди дороги что-то белесое.

«Предмет» разворачивался, рос на глазах. Он оторвался от асфальта и взмыл вверх,

бесшумно, как грязная простыня на ветру, и оказался огромной белой совой. Торрини ощутила комок под ложечкой, ибо верила, подобно всем итальянцам, что встретиться ночью с совой — не к добру. Она едва не повернула назад.

Она оставила машину на маленькой площадке у высоких железных ворот старой виллы, разделенной на несколько квартир, и позвонила при входе. Едва Специ открыл зеленую дверь своей квартиры, ее тревоги рассеялись. Дом был гостеприимным, теплым и оригинальным: ломберный стол семнадцатого века — «скаголия» — использовался как кофейный столик, на стенах висели старинные дагерротипы и гравюры, в углу был камин. Стол на террасе уже был накрыт к обеду. Из-под белого полотняного навеса открывался вид на мерцающие в холмах огоньки. Торрини посмеялась над своими нелепыми страхами и выбросила их из головы.

Они провели большую часть вечера, обсуждая возможности создания фильма.

— Мне кажется, это будет трудно, — говорил Специ. — В сюжете недостает центрального персонажа — убийцы. Я не совсем уверен, что полиция задержала того, кого следовало, хотя Франческо Винчи в тюрьме уже ожидает суда. Может получиться детективная история без концовки.

— Ничего страшного, — возразила Торрини. — Главный герой не убийца — это сам город, Флоренция, город, скрывающий в себе Монстра.

Специ объяснил, почему он не верит, что Монстр — это Франческо Винчи.

— Все, что они могут ему предъявить, — это что он был любовником первой из убитых женщин, что он колотил своих подружек и вообще мерзавец. На мой взгляд, это свидетельствует в его пользу.

— Как так? — переспросила Торрини.

— Он любитель женщин. Он пользуется большим успехом у женщин, и одного этого довольно, чтобы убедить меня, что он не Монстр. Монстр уничтожает женщин. Он их ненавидит, потому что желает и не может получить. Это его фрустрация, его проклятие, и вот он обладает ими единственным способом, который для него возможен, — похищает самую суть их женственности.

— Если вы так считаете, — заметила Торрини, — то Монстр — импотент? Так вы рассуждаете?

— Более или менее.

— А что вы думаете о ритуальном аспекте убийств, о тщательном размещении тел? Виноградная лоза, воткнутая в вагину, например, приводит на ум слова из Евангелия от Иоанна, что лоза отсечена.

Убийца карает пары за внебрачную связь?

Специ выпустил к потолку струйку дыма и рассмеялся:

— Полная чушь. Знаете, почему он воспользовался старой виноградной лозой? Если вы видели фотографии места преступления, то знаете, что машина стояла прямо у виноградника! Он просто подобрал первую попавшуюся палку. По мне, то, что он насилует женщину палкой, явно доказывает, что он вовсе не супермен. Он не насиловал своих жертв; возможно, не мог.

Под конец вечера Специ открыл свою книгу и вслух прочитал с последней страницы:

Многие следователи полагают, что дело Флорентийского Монстра раскрыто. Но если под конец ужина в приятной компании вы спросите меня, что я думаю, — скажу вам правду: я с большой тревогой снимаю трубку в ответ на первый телефонный звонок воскресным утром. Особенно, если на предыдущую субботнюю ночь пришлось новолуние.

Марио Специ отложил книгу, и на террасе, с которой открывались флорентийские холмы, воцарилась тишина.

И тогда зазвонил телефон.

Звонил лейтенант местных карабинеров, один из контактов Специ.

— Марио, только что найдены двое убитых в микроавтобусе «фольксваген». В Джоголи, над Галуццо. Монстр? Не знаю. Оба убитых — мужчины. Но на твоём месте я бы подъехал посмотреть.

Глава 12

Чтобы добраться до Джоголи, Спеи с Торрини выехали на дорогу, взбирающуюся по крутизне холма за большим монастырем Чертоза. Дорога эта называется виа Волтеррана и считается одной из самых древних в Европе. На вершине холма виа Волтеррана совершает плавный поворот и дальше следует вдоль гребня. Справа от нее проходит другая дорога, виа ди Джоголи — узкий проезд между замшелыми каменными стенами. Стена справа замыкает участок виллы Сфаччата, принадлежащей знатному роду Мартелли. «Сфаччата» по-итальянски означает «нахальный» или «наглый», а происхождение этого имени кроется в истории пятисотлетней давности, во временах, когда живший здесь человек дал свое имя Америке.

За левой стеной виа ди Джоголи раскинулась оливковая роща. Примерно в пятидесяти метрах от начала дороги, почти напротив виллы, в стене есть проем, который позволяет сельхозтехнике проезжать в рощу. Проем выводит на ровный участок, с которого открывается волшебный вид на южные холмы Флоренции, в которых можно различить шпили старинных замков, башни, церкви и виллы. В нескольких сотнях метров дальше, на вершине ближайшего холма, стоит знаменитая башня в романском стиле, известная под названием «Сант'Алессандро а Джоголи». Следующий холм украшает изящная вилла шестнадцатого века — И Коллацци. Она принадлежит семье Марчи. Одна из наследниц этого рода после замужества стала маркизой Фрескобальди. Она состояла в личной дружбе с принцем Чарльзом и леди Дианой и принимала наследную чету вскоре после их бракосочетания.

Миновав эти живописные места, виа ди Джоголи крутым серпантином спускается мимо деревушек и мелких ферм и теряется в плотной застройке рабочих предместий Флоренции, лежащей в долине. Ночью серые здания предместий светятся, как ковер огоньков.

Во всей Тоскане едва ли найдешь место красивее.

Впоследствии — когда было уже поздно — флорентийские власти установили на этом месте знак, предостерегавший на немецком, английском, французском и итальянском языках: «Парковка запрещена с 7 вечера до 7 утра. Ночевка опасна».

В тот вечер, в ночь 10 сентября 1983 года, знака там не было, и кто-то остановился переночевать.

Спеи и Торрини, прибыв на место, застали там всех участников следствия по делу Монстра. Здесь были прокурор Сильвия делла Моника и главный прокурор, красавец Пьеро Луиджи Винья, такой бледный и мрачный, что казалось, он вот-вот упадет в обморок. Медэксперт Мауро Маурри, поблескивая холодными голубыми глазами, занимался трупами. Главный инспектор Сандро Федерико тоже был здесь и нервно расхаживал из стороны в сторону.

Прожектор, установленный на крыше полицейской машины, будто огни рампы, освещал происходящее призрачным сиянием, рисуя длинные тени людей, выстроившихся полукругом у небесно-голубого микроавтобуса «фольксваген» с немецкими номерами. Жесткий свет подчеркивал жестокость сцены: царапины на побитом домике на колесах, мрачные складки усталости на лицах следственной бригады, корявые ветви олив на фоне черного неба. Слева от машины поле уходило вниз, в темноту, к нескольким каменным домикам. Двадцать лет спустя я поселюсь там со своей семьей.

Подъехав, они увидели, что левая дверь домика на колесах открыта, и изнутри слышались последние такты трека к фильму «Бегущий по лезвию бритвы». Музыка играла весь день, не умолкая: автоматический переключатель вновь и вновь запускал запись с начала. Инспектор Сандро Федерико подошел и показал на открытой ладони две гильзы

двадцать второго калибра. На капсулях — те же несомненные метки оружия Монстра.

Монстр вновь нанес удар. На его счету было уже десять жертв. Франческо Винчи, находясь в тюрьме, не мог совершить этого преступления.

— Почему на этот раз двое мужчин? — спросил Spezi.

— Загляните внутрь, — инспектор мотнул головой.

Специ подошел к фургону. Проходя мимо, он отметил, что в верхней части бокового окошка, на тонкой полоске, где стекло оставалось прозрачным, видны пулевые отверстия. Чтобы заглянуть внутрь, ему пришлось встать на цыпочки. Убийца, который сумел прицелиться на такой высоте, несомненно, был выше Spezi — ростом по меньшей мере пять футов десять дюймов. Spezi заметил пулевые отверстия и в борту машины.

У открытых дверей фургона собралось много народа — полицейские в штатском, карабинеры, эксперты; на росистой траве повсюду виднелись отпечатки их ног, стерших все следы убийцы. Который раз, подумал Spezi, место преступления открыто для всех желающих.

Еще не успев заглянуть внутрь, Spezi заметил разбросанные по земле листки — страницы, вырванные из порнографического журнала «Золотой гей».

Внутрь пробивался скудный свет. Два передних сиденья пустовали. Прямо за ними лежало тело молодого человека с тонкими усиками, с остановившимся взглядом, он вытянулся на двойном матрасе ногами к заднику фургона. Второе тело обнаружилось в заднем углу. Труп сохранял положение скорчившегося от ужаса, окаменевшего в страхе человека. Его лицо было скрыто волной длинных светлых волос. Волосы слиплись от ручейков черной запекшейся крови.

— Похож на девушку, как вы считаете? — Голос Сандро Федерико вернул в реальность застывшего в удивлении Spezi. — Мы сперва тоже попались. Но это мужчина. Похоже, наш дружок совершил ту же ошибку. Представляете, что он чувствовал, когда понял, что ошибся?

В понедельник, 12 сентября, заголовки газет кричали:

ФЛОРЕНЦИЯ В УЖАСЕ!

МОНСТР НАНОСИТ УДАРЫ НАУГАД!

Двое убитых, Хорст Мейер и Уве Рюш, оба двадцати четырех лет, вдвоем путешествовали по Италии и остановились на месте, где были найдены, 8 сентября. Их почти нагие тела были обнаружены около семи часов вечера 10 сентября.

К этому времени Франческо Винчи провел в тюрьме тринадцать месяцев и все привыкли к мысли, что он и есть Флорентийский Монстр. Казалось, Монстр вновь, как и в случае с Энцо Спаллетти, доказывает невиновность подозреваемого.

Теперь Флорентийский Монстр попал и в международные новости. Лондонская «Тайме» посвятила этому делу целый раздел воскресного выпуска. Телевизионная команда прибыла из самой Австралии.

«На его счету двенадцать жертв,⁴ а все, что мы о нем знаем — это что Монстр на свободе, и его „беретта“ двадцать второго калибра еще может убивать», — писала «Ла Нацционе».

После убийства, совершенного Монстром в то время, когда Франческо Винчи пребывал в тюрьме, освобождение сарда представлялось неизбежным. Но проходили дни, а Винчи оставался за решеткой. Следствие подозревало, что двойное убийство «подстроено». Возможно, рассуждали следователи, некто, близкий к Винчи, хотел доказать, что тот не мог быть убийцей. Преступление в Джоголи было аномальным, импровизированным, отличным по стилю. Казалось странным, как мог Монстр совершить столь серьезную ошибку,

⁴ В то время многие приписывали двойное убийство 1968 года Монстру — отсюда и двенадцать, а не десять жертв. — *Примеч. автора.*

учитывая, что убийца, по всей видимости, наблюдал за парами, занимавшимися сексом. К тому же убийство пришлось на ночь пятницы, а не на субботнюю, как обычно.

Новый надзирающий за делом судья прибыл во Флоренцию незадолго до убийства и теперь занялся следствием по делу Монстра. Звали его Марио Ротелла. Он окатил общественность холодной водой, заявив в своем первом публичном выступлении:

— Мы никогда не отождествляли Флорентийского Монстра с Франческо Винчи. Он лишь подозреваемый по делу об убийстве 1968 года. — После чего он добавил, вызвав настоящий фурор: — И не единственный подозреваемый.

Прокурор Сильвия делла Моника вызвала еще большее смятение загадочными словами:

— Винчи — не Монстр. Но вина на нем есть.

Глава 13

Через несколько дней после убийства на Джоголи в прокуратуре, на втором этаже барочного здания палаццо Сан Фиренце (этот дворец — одна из немногих в городе построек семнадцатого века, которые флорентийцы пренебрежительно называют «новостройками»), состоялось срочное серьезное совещание. Собрались в маленьком кабинете Пьеро Луиджи Винья. Атмосфера была густой, как туман в Маремме. У Виньи была привычка разламывать сигареты надвое и выкуривать обе половины — ему казалось, что так он меньше курит. Была там и Сильвия делла Моника — маленькая блондинка в неизменном облаке выпущенного ею дыма; и еще присутствовал офицер карабинеров с двумя пачками его любимого «Мальборо» и главный инспектор Сандро Федерико, вечно терзавший зубами смятую сигару «Тоскано». Помощник прокурора приканчивал пачку за пачкой смолистых «Голуаз». Единственным некурящим был Адольфо Иццо, которому достаточно было подышать этим воздухом, чтобы стать курильщиком.

Федерико и полковник карабинеров представили реконструкцию убийства на Джоголи. С помощью диаграмм и схем они восстановили последовательность событий: как убийца застрелил через окошко одного из мужчин, а потом стрелял сквозь борт фургона, убивая второго, скорчившегося в углу. Затем Монстр вошел в фургон, выпустил в них еще несколько пуль и обнаружил свою ошибку. В ярости убийца подобрал журнал геев, разорвал его, разбросав листы снаружи, и скрылся.

Прокурор Винья высказал мнение, что преступление выглядит аномальным, отдельным и импровизированным — короче, что оно совершено не Монстром, а кем-то, стремившимся доказать невиновность Франческо Винчи. Следователи подозревали, что племянник Винчи, Антонио, совершил убийство ради того, чтобы вытащить из тюрьмы любимого дядю. (Антонио, как вы помните, был тот младенец, которого спасли от отравления газом на Сардинии.) В отличие от других членов семьи он был достаточно высоким, чтобы прицелиться сквозь прозрачную полоску стекла наверху окна фургона.

Был запущен в действие план изощенной тонкости. Его действие проявилось через десять дней, когда газеты напечатали на последних страницах мелкую и, по всей видимости, не связанную с делом новость: что Антонио Винчи, племянник Франческо Винчи, арестован за незаконное хранение огнестрельного оружия. Антонио и Франческо были очень близки, сотрудничали во множестве темных дел и сомнительных приключений. Арест Антонио был знаком, что следствие продолжает разрабатывать сардинский след. Судья Марио Ротелла, надзиравший за ведением дела Монстра, и ведущий дело прокурор Сильвия делла Моника были убеждены, что и Антонио, и Франческо известна личность Флорентийского Монстра. Собственно, они не сомневались, что страшная тайна известна всему клану сардов. Монстром был один из них, и остальные об этом знали.

Теперь, когда оба подозреваемых оказались в тюрьме «Ле Мурате», их можно было вынудить играть друг против друга и, возможно, сломать. Подозреваемых содержали порознь, а в тюрьме циркулировали искусно запущенные слухи. Была приведена в действие

программа допросов, создававшая у каждого из допрашиваемых впечатление, что второй заговорил. Якобы случайно, при допрашиваемом проговаривались, что второй выдвинул против него серьезные обвинения и что спастись каждый может, только рассказав правду о другом.

Метод не сработал. Ни один из них не заговорил. Однажды прокурор Пьеро Луиджи не выдержал при допросе в допросной камере «Ле Мурате». Он решил прижать Франческо Винчи всем, что имел. Винья, красивый, уверенный и культурный человек с орлиным профилем, за время своей карьеры сходил лицом к лицу с донами мафии, убийцами, похитителями людей, вымогателями и королями наркобизнеса. Но справиться с маленьким сардом оказалось ему не по силам.

Прокурор полчаса обрушивал на Винчи речь, в которой с жесткой логикой перечислял улики, свидетельства и ход доказательств, указывавших его вину. Затем он совершенно неожиданно, воспользовавшись штампом прямо из голливудских фильмов, приблизил лицо к самому носу бородатого сарда и заорал, брызжа на него слюной:

— Признавайся, Винчи! Монстр — это ты!

Франческо Винчи сохранил невозмутимое спокойствие. Он улыбался, поблескивая черными, как уголь, глазами. Спокойным негромким голосом он задал вопрос, казалось бы, не имевший никакого отношения к происходящему.

— Прошу прощения, синьор, если вы хотите, чтобы я ответил, скажите мне сначала, что это у вас на столе? Прошу вас.

Он указал рукой на пачку сигарет, лежащую на столе перед Винья.

Прокурор, пытаясь понять ход мыслей обвиняемого, ответил:

— Как видите, пачка сигарет.

— Прошу прощения, но не пуста ли она?

Винья признал, что это так.

— Тогда, — продолжал сард, — это не пачка сигарет. Это была пачка сигарет. Теперь это просто коробка. А теперь, могу ли я просить вас еще об одной услуге? Пожалуйста, возьмите ее в руку и сомните.

Любопытствуя, к чему ведет Винчи, Винья смял пачку в комок.

— Вот! — Винчи сверкнул белозубой усмешкой. — А теперь это даже и не коробка. Таковы и ваши доказательства, синьор: вы можете мять их и подгонять под свои теории, но они остаются тем, что они есть — пустыми словами без доказательств.

Племянник Антонио показал себя не глупее дяди. Он не только стойко держался на допросах, но и на суде по обвинению в хранении незарегистрированного оружия выступил в роли собственного адвоката. Он отметил, что оружие было найдено не у него в доме, а на некотором расстоянии от него, и что отсутствуют доказательства, связывающие его с указанным оружием. Разве его не могли подложить, возможно, с целью упрятать его за решетку и допросить, чтобы выжать показания против дяди?

Он легко выиграл дело и был освобожден.

Глава 14

Шло время, и объяснять содержание Франческо Винчи в заключении становилось все труднее. После оправдания его племянника и неудачных допросов, на которых ни один вопрос не увенчался желаемым ответом, его освобождение стало только делом времени.

Раздраженный отсутствием результатов, сам ведущий дело следственный судья Марио Ротелла взялся лично допросить Стефано Меле в последней попытке получить от него показания. Ротелла хорошо подготовился к поездке в Верону. В его тяжелом портфеле была собрана масса свидетельств, выбранных из старых протоколов по делу об убийстве 1968 года, в том числе показания маленького Наталино и его отца, Стефана Меле, брата Меле, трех его сестер и шурина. Кроме того, он собрал более свежие показания различных лиц, участвовавших в деле. Он был убежден, что в 1968 году произошло клановое убийство и что

все его участники знали, кто унес с собой пистолет. Все они знали, кто был Флорентийским Монстром. Ротелла твердо решил пробить стену молчания.

Допрос происходил 16 января 1984 года. Ротелла спросил Меле, участвовал ли в убийстве Франческо Винчи. Меле отвечал:

— Нет, Франческо Винчи не было со мной в ночь 1 августа 1968 года. Я обвинял его, только чтобы сквитаться за то, что он был любовником моей жены.

— Тогда скажите мне, кто был с вами в ту ночь?

— Я уже не помню.

Он явно и откровенно лгал. Кто-то — быть может, Монстр? — крепко держал его в своей власти. Зачем? Какая тайна пугала Меле больше тюрьмы?

Ротелла вернулся во Флоренцию. Пресса полагала, что его миссия провалилась. Между тем он привез среди других бумаг обрывок листка, рукописную записку с замятыми сгибами, которую явно множество раз разворачивали и складывали снова. Эту записку он нашел в бумажнике Стефано Меле. Ротелла придавал этому документу первостепенное значение.

25 января 1984 года Ротелла сообщил, что в его офисе на следующий день в 10:30 утра состоится пресс-конференция по важному вопросу. Двадцать шестого офис был битком набит репортерами и фотографами. Большинство из них ожидали сообщения об освобождении Франческо Винчи.

Ротелла припас для них сюрприз.

— Следствие, — заявил он, — с согласия государственного обвинителя провинции Флоренция, задержало двух лиц за преступления, приписывавшиеся Франческо Винчи.

Через два часа после этой сенсационной пресс-конференции на газетных прилавках первым появился экспресс-выпуск «Ла Нацционе». Заголовок раскинулся на весь первый лист:

**АРЕСТОВАНЫ!
МОНСТРОВ ДВОЕ!**

Под растянувшимся на девять колонок заголовком поместили парные фотографии, представлявшие публике лица предполагаемого «двойного Монстра»: Джованни Меле, брата Стефано, и его шурина Пьеро Муччарини.

Большинство флорентийцев скептически разглядывало фотографии. Туповатые лица подозреваемых не сочетались с их представлением о коварном, хитроумном Монстре.

Скоро стало известно, как эти люди попали под подозрение. Закончив допрос Меле, Ротелла обыскал его бумажник и обнаружил крошечный обрывок бумаги, спрятанный в складке. Это была своего рода грубая памятка о том, как ему следует отвечать на вопросах. Записка была написана его братом, Джованни Меле, и передана около двух лет назад, когда забытое убийство 1968 года впервые связали с преступлениями Монстра. Линии были нечеткими и неуверенными, как будто писал второклассник — половина букв печатные, половина прописью, в словах полно грамматических ошибок, возникших от смешения итальянского и сардинского языков:

Наталино сказал о дяде Пьетро.

Ты должен был назвать имя, лишь когда отбудешь срок.

Как все было, показала баллистическая экспертиза.

Когда Ротелла представил Меле записку, тот признался, что да, действительно, в 1968 году у него было два сообщника, его брат Джованни и Пьеро Муччарини, и что выстрелы, убившие жертв, сделал последний — «или нет, мой брат, я уже не помню, семнадцать лет прошло».

Судья Ротелла целыми днями размышлял над загадочными фразами. После долгих трудов он наконец решил, что разгадал их смысл. При первом допросе в 1968 году шестилетний Наталино говорил о «дяде Пьетро, или Пьеро», присутствовавшем при убийстве. Подробности, упомянутые Наталино, указывали на его дядю Пьеро Муччарини, пекаря. Но у

Барбары Лоччи был брат по имени Пьетро, и Ротелла истолковал первое указание записки как приказ навести следствие на мысль, что ребенок говорил об этом дяде. Иными словами, записка наставляла Стефано отвечать на вопросы следующее: «Теперь, отбыв срок, я могу говорить. Относительно слов Наталино, что там был дядя Пьетро, могу теперь наконец сказать, что это был брат моей жены Пьетро, об этом Пьетро и говорил мальчик. Баллистическая экспертиза показала бы, что стрелял он».

Другими словами, Стефану велели отвести подозрения от мужа его сестры Пьеро Муччарини, обвинив покойного брата жены, Пьетро. Ротелла пришел к выводу, что Пьеро Муччарини виновен, как и автор записки, Джованни Меле. Иначе к чему бы им отводить подозрения? Что и требовалось доказать: оба они — Монстры.

Если эта логика кажется вам сомнительной, вы не одиноки. Едва ли кто-нибудь, кроме Марио Ротеллы, претендовал на понимание этой запутанной дедуктивной цепочки.

Ротелла приказал обыскать дом и машину Джованни. При обыске нашли скальпель, несколько ножей для раскроя кожи странного вида, моток веревки в багажнике, пачку порнографических журналов и бутылку воды с парфюмом для мытья рук. Дополнительные подробности следователи получили у бывшей подружки Джованни, рассказавшей о его извращенных сексуальных пристрастиях и о необычном размере его члена, непомерная величина которого затрудняла нормальный секс.

Все весьма подозрительно.

«Прежнего» Монстра, Франческо Винчи, все еще держали под замком. Его больше не считали Монстром, однако Ротелла подозревал его в утаивании информации. Франческо Винчи и «двойной Монстр» — за решеткой оказались уже трое членов сардинского клана. Следователи повели прежнюю игру, распускали слухи и сеяли подозрения, настраивая допрашиваемых друг против друга в надежде отыскать щель в стене омерты.

Вместо нее они обнаружили дыру в собственном расследовании.

Глава 15

К тому времени число прокуроров, работавших по делу Монстра, разрослось чуть ли не до полудюжины. Самым активным и харизматичным из них был Пьеро Луиджи Винья. Эти прокуроры исполняли роль, сходную с ролью помощников прокурора в США: направляли ход следствия, следили за сбором доказательств и анализом их, разрабатывали теории преступления и стратегию поиска виновных. В итальянской системе эти прокуроры действуют независимо друг от друга, и каждый отвечает за свой участок дела, точнее, за то убийство, которое случилось, когда он был, так сказать, «на дежурстве». (Таким образом, нагрузка распределяется в группе прокуроров. Каждый берет дела, которые начались в его смену.) Кроме того, один из прокуроров носит высокий титул государственного обвинителя — *pubblico ministero*. Он (обычно по совместительству он же и судья) представляет интересы итальянского государства и ведет дело в суде. Государственные обвинители по делу Монстра неоднократно сменялись — по мере того, как совершались новые убийства и в дело вступали новые прокуроры. Над всеми прокурорами, полицией и карабинерами надзирает следственный судья по данному делу — *giudice istruttore*. В деле Монстра таким следователем был Марио Ротелла. В его обязанности входило надзирать за действиями полиции, прокуроров и государственных обвинителей, проверяя, чтобы все их действия выполнялись законно, правильно и на основании серьезных доказательств. Чтобы такая система работала, прокуроры, государственный обвинитель и следственный судья должны пребывать в относительном согласии по поводу основного направления расследования.

В случае с делом Монстра Винья и Ротелла — главный прокурор и следственный судья — оказались весьма разными по характеру людьми. Трудно было бы подобрать двоих людей, менее пригодных для сотрудничества. При том давлении, которое на них оказывалось, у них, вполне естественно, возникли разногласия.

Кабинет Виньи располагался на втором этаже трибунала Флоренции — в длинном ряду

помещений вдоль узкого коридора. В минувшие века эти комнаты были монашескими кельями. Теперь их превратили в кабинеты прокуроров. В этих древних стенах журналистов всегда принимали радушно. Они заглядывали в кабинеты, перешучивались с прокурорами, встречавшими их как друзей. Сам Винья был почти легендой. Он покончил со шквалом похищений в Тоскане при помощи простого средства: при любом похищении власти немедленно замораживали все счета семьи пострадавшего, чтобы не дать выплатить выкуп. Винья отказывался от телохранителей, его имя значилось в телефонном справочнике и на двери, как у рядового гражданина, — отважный жест, вызывавший восхищение итальянцев. Пресса подхватывала его прогнозы, острые словечки и суховатую иронию. Будучи флорентийцем, он и одевался соответственно — в костюмы отличного покроя с щегольскими галстуками. К тому же в стране, где внешность так много значит, он был незаурядно красив: тонкие черты лица, холодные голубые глаза и открытая улыбка. Его коллеги-прокуроры обладали не меньшим обаянием. Блестящий новичок Паоло Канесса был откровенным и разговорчивым. Сильвия делла Моника, вспыльчивая и привлекательная дама, часто баловала журналистов историями о своих первых расследованиях. Журналист, заглянувший на второй этаж трибунала, неизменно удалялся с блокнотом, полным заметок и звучных цитат.

На третьем этаже располагались такие же ряды монашеских келий, но царил совсем иная атмосфера. Здесь властвовал Марио Ротелла. Он был выходцем с юга Италии — вполне достаточная причина, чтобы флорентийцы отнеслись к нему настороженно. Своими старомодными усами и очками в широкой черной оправе он больше походил на зеленщика, чем на судью.

Рафинированный интеллигент, человек большого ума, он в то же время был педантом и занудой. На вопросы журналистов он отвечал длинными речами, умудряясь ничего не сказать по существу. В рыхлых, неудобоваримых фразах, пересыпанных юридическими терминами и цитатами, неюристу трудно было уловить суть, чтобы потом вразумительно растолковать ее простому читателю. Уходя от Ротеллы, журналисты вместо блокнота с пометками, легко собиравшимися в статью, уносили в голове мутный поток слов, не поддававшийся популярному и ясному изложению.

Интервью, которое взял Spezi после ареста Джованни Меле и Пьеро Муччарини, объявленных «двойным Монстром», достаточно типично.

— У вас есть доказательства? — спросил Spezi.

— Да, — лаконично отвечал Ротелла.

Speci напирал в надежде вытянуть фразу на заголовок:

— Вы арестовали двоих: верно ли, что оба они — Монстр?

— Монстр как таковой не существует. Существует некто, кто воспроизводил первое убийство, — ответил Ротелла.

— Признание Стефано Меле было ложным?

— Сказанное Меле имело большое значение. Имеются подтверждающие обстоятельства. У нас имеется не одно, но пять существенных доказательств, однако я сообщу о них не раньше, чем представлю этих двоих новых обвиняемых суду трибунала.

Эти уклончивые ответы сводили с ума и Spezi, и других журналистов.

Только один раз Ротелла сделал прямое заявление.

— Я могу сказать вам только одно: Флоренция теперь может спать спокойно.

В доказательство того, что не все так замечательно, журналисты немедленно обзавелись противоположным заявлением прокурора со второго этажа, который сказал прессе:

— Я бы от всей души посоветовал молодым людям найти другое средство для укрепления здоровья, нежели дышать ночным воздухом за городом.

Ни публика, ни пресса не приняла теории «двойного Монстра». С приближением лета 1984 года напряженность во Флоренции нарастала. Молодой член городского совета в ответ на растущее напряжение предложил создать «места любви» — охраняемые спецслужбами и

огороженные площадки для развлечений среди загородных садов, которые гарантировали бы уединение. Предложение вызвало скандал, кто-то возразил, что с тем же успехом можно открыть во Флоренции публичные дома. Автор защищал свою мысль:

— «Места любви» станут подтверждением, что каждый из нас имеет право на свободную и счастливую сексуальную жизнь.

Когда город согрели первые теплые дни 1984 года, уровень тревоги полез вверх. К тому времени Монстр привлек внимание всего мира. Многие газеты, в том числе лондонская «Санди таймс» и токийская «Асахи симбун», посвятили ему специальные репортажи. Документальные фильмы транслировались во Франции, Германии и Британии. За границей интерес вызывал не просто серийный убийца как таковой: иностранцев зачаровывал главный герой истории — город Флоренция. Для большей части мира Флоренция — не обычный город, где живут люди, это огромный музей, где женская красота многократно воспета в образе Мадонны поэтами и художниками, а мужская красота — в прославленном «Давиде». Это город изящных дворцов, загородных вилл, садов, мостов, сувенирных лавок и превосходных кафе и ресторанов. В этом городе не могло быть грязи, преступлений, уличного шума, отравленного воздуха, граффити и торговцев наркотиками, тем более — серийных убийц. Появление Монстра сорвало с Флоренции волшебное покрывало, под которым оказалось не чудо Ренессанса для туристов, а трагедия и убожество современности.

Летом напряжение стало почти невыносимым. Мало кто из флорентийцев верил, что Монстр за решеткой. Марио Специ сверился с календарем и убедился, что до конца лета осталась всего одна безлунная субботняя ночь: с 28 на 29 июля. За несколько дней до конца той недели Специ навестил в управлении полиции главного инспектора Сандро Федерико. Поболтав немного о том о сем, он сказал:

— Сандро, боюсь, надо постараться, чтобы в ночь на воскресенье никто не выезжал за город.

Полицейский сложил пальцы рожками, отгоняя дьявола.

Воскресенье двадцать девятого настало и прошло мирно. В понедельник, тридцатого, еще затемно в доме Специ зазвонил телефон.

Глава 16

Это было великолепное утро — одно из тех, что кажутся божьим даром. Вокруг Специ расстилались идиллические цветущие луга, изобилующие лекарственными травами, рядом раскинулся городок Викио, родина художника Джотто. Отсюда до Флоренции было сорок километров.

Трупы новых жертв, Пии Ронтини и Клаудио Стефаначчи, обнаружили перед рассветом на заросшей травой тропинке проискавшие их всю ночь друзья. Ей было девятнадцать, ему только что исполнилось двадцать. Отсюда было не больше двадцати километров до Борго Сан-Лоренцо, где в 1974 году Монстр совершил первые убийства.

Клаудио так и остался в машине, стоявшей у лесистого склона холма с названием Ла Бочетта — «Лесок». Пию оттащили на несколько десятков метров в поле, снова выбрав открытое место не более чем в двухстах метрах от крестьянского дома. Она была искалечена так же, как другие убитые женщины. Но на сей раз убийца пошел еще дальше. Он вырвал — слово «удалил» здесь не подходит — ее левую грудь. Время смерти установили по свидетельским показаниям: крестьянин слышал выстрелы в 9:40 вечера и принял их за выхлоп мотоцикла.

Новое преступление произошло в то время, когда три главных подозреваемых на роль Монстра — Франческо Винчи, Пьеро Муччарини и Джованни Меле — сидели в тюрьме.

Новое двойное убийство вызвало ужас, смятение и ливень жестких упреков в адрес полиции. Дело опять попало на первые страницы газет по всей Европе. Людям казалась, что, пока убийца преспокойно пополняет свой список жертв, полиция ничего не делает, разве что арестовывает подозреваемых, чья невиновность подтверждается очередным ударом

Монстра. Тем не менее Марио Ротелла отказался освободить трех подозреваемых из заключения. Он был убежден, что они участвовали в убийствах 1968 года и, стало быть, им известна личность Монстра.

Полиция и прокуроры, участвовавшие в деле, ударились в панику. Винья обратился к общественности.

— Тот, кто знает, должен заговорить, — убеждал он. — Наверняка есть те, кто знают и, по тем или иным причинам, молчат. Подобная патология не может не проявляться каким-то признаками или намеками, заметными для близких.

Снова накатило цунами анонимных писем — их были тысячи, иной раз составленные из вырезанных из газеты букв. Анонимки, заполняя полку за полкой в полицейском управлении, подозревали Монстра в соседе, родственнике, человеке с необычными сексуальными пристрастиями, в местном священнике или семейном враче. И снова под подозрением оказались многие гинекологи. Под другими письмами стояли подписи, порой известных интеллектуалов, предлагавших сложные теории, пестрящие учеными цитатами и латинскими вставками.

После двойного убийства в Викио Флорентийский Монстр стал не просто преступником, он превратился в темное зеркало, отражающее потаенные истоки самого города — его самые темные фантазии, самые странные мысли, самые устрашающие суеверия и предрассудки. Многие обвинители утверждали, что за убийствами стоит эзотерический или сатанинский культ. Разные профессора и самозванные эксперты, понятия не имевшие о криминалистике и серийных убийцах, выступали со своими теориями по телевидению и на страницах газет.

Один «эксперт» озвучил распространенное убеждение, что Монстр, возможно, англичанин.

— Эти преступления более типичны для Англии или соседней с ней Германии.

Другой красноречиво иллюстрировал ту же теорию в письме в газету:

«Вообразите Лондон. Сити. Непроглядный ночной туман. Образцовый горожанин неосяземо, внезапно возникает из тумана и набрасывается на невинную юную пару. Вообразите жестокость, эротизм, бессилие, муку...»

Советам не было конца.

«Вы можете легко выследить, разыскать и арестовать убийцу, надо только знать, где искать: в лавках мясников и в больницах, ведь очевидно, что мы имеем дело с мясником, врачом или санитаром».

И еще:

«Он, несомненно, холостяк, около сорока лет, живет с матерью, которая знает его „тайну“, знает и его священник, из исповеди, поскольку он регулярно посещает церковь».

Феминистический вариант:

«Монстр — женщина, мужеподобная англичанка, преподающая в флорентийской школе детям старше тринадцати».

Сотни самозванных частных детективов понаехали во Флоренцию со всей Италии, у многих разгадка дела была уже в кармане. Иные бродили ночами по холмам в окрестностях Флоренции, вооруженные до зубов, то ли высматривая Монстра, то ли позируя с пистолетом в руке для впечатляющих фотографий, которые охотно печатали газеты.

Несколько человек сами явились в главное управление полиции, уверяя, что они и есть Монстры. Один умудрился даже прорваться на радиочастоту городской службы «скорой помощи» с заявлением:

— Я Монстр, и я еще нанесу удар.

Многие горожане поражались, сколько извращенности, заговоров и просто доброго старого безумия таилось в головах у живущих рядом с ними таких же флорентийцев.

— Никогда бы не подумал, что во Флоренции столько людей со странностями, — сказал Паоло Канесса, один из участвовавших в расследовании прокуроров.

— Самое горькое, — сокрушенно заметил инспектор Сандро Федерико, — что где-то в

этой трясине анонимного безумия таится нужный нам ключ — и мы его пропустим.

Многие анонимные письма адресовались прямо Марио Spezi — «монстрологу» из «Ла Нацоне». Одно из таких посланий, написанное заглавными буквами, явно выделялось из общего ряда. Spezi сам не знал, почему оно леденило ему кровь. Ему казалось, что в нем одном кроется проблеск истины.

Я ОЧЕНЬ БЛИЗКО. ВЫ НИКОГДА НЕ ВОЗЬМЕТЕ МЕНЯ, ЕСЛИ Я НЕ ЗАХОЧУ. ДО ПОСЛЕДНЕГО НОМЕРА ЕЩЕ ДАЛЕКО. ШЕСТНАДЦАТЬ — ЭТО НЕ МНОГО. У МЕНЯ НИ К КОМУ НЕТ НЕНАВИСТИ, НО Я ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ ЭТО, ЧТОБЫ ЖИТЬ. КРОВЬ И СЛЕЗЫ ПРОЛЬЮТСЯ СКОРО, ВЫ НИЧЕГО НЕ НАЙДЕТЕ ТАМ, ГДЕ ИЩЕТЕ. ВЫ ВСЕ НЕПРАВИЛЬНО ПОНЯЛИ. ТЕМ ХУЖЕ ДЛЯ ВАС. Я БОЛЬШЕ НЕ СДЕЛАЮ ОШИБКИ, НО ПОЛИЦИЯ БУДЕТ ОШИБАТЬСЯ. ВО МНЕ ВЕЧНАЯ НОЧЬ. Я ОПЛАКИВАЮ ИХ. ЖДИТЕ МЕНЯ.

Упоминание шестнадцати жертв звучало загадочно, потому что к тому времени, вместе с убийством под Виккьо, начитывалось лишь двенадцать жертв двойных убийств (четырнадцать, если считать убийство 1968 года). Это наводило на мысль, что письмо написал очередной душевнобольной. Однако кто-то припомнил, что в прошлом году в Лукке тоже была убита пара любовников в машине. Оружие было другое, и жертва не была изувечена. То убийство никогда не приписывали Флорентийскому Монстру, однако оно и по сей день не раскрыто.

Слухи бурлили по всей Флоренции до происшествия, которое обратило бурные воды в лед. 19 августа 1984 года, спустя почти три недели после убийства под Виккьо, князь Роберто Корсини исчез в огромном лесу, окружающем родовой замок Скарперия, в десятке километров от Виккьо.

Наследник последнего княжеского рода в Тоскане, князь Роберто происходил из большой и богатой семьи. Род Корсини дал миру папу Климента XII и выстроил во Флоренции прекрасный большой дворец на берегу реки Арно. В палаццо Корсини потомки сохраняли тронную залу своего папы и бесценную коллекцию шедевров Ренессанса и барокко. Хотя в последние годы семья нуждалась в наличных — настолько, что во дворце Корсини все еще не было проведено электричество, — но за вековую историю Корсини скопили огромные земельные богатства. Дед Роберто, князь Нери, хвастал, бывало, что может проехать на коне от Флоренции до Рима — около трехсот километров — не сходя со своей земли.

Князь Роберто был человеком резким и молчаливым, чуждался светской жизни и презирал аристократические условности.

Он предпочитал одинокую жизнь в сельском фамильном замке и виделся только с близкими друзьями. Он никогда не был женат и, кажется, не особенно водился с женщинами. Те, кто его хорошо знал, дали ему прозвище «Медведь» — за нелюдимость и жизнь одиночки. Прочие просто считали его чудаком.

Около четырех часов дня в воскресенье 19 августа 1984 года князь Роберто покинул компанию друзей из Германии, гостивших у него в замке, и один ушел в лес. Он был без оружия, но взял с собой бинокль. Когда он не вернулся к девяти вечера, друзья встревожились и позвонили его родственникам, а потом и карабинерам в близлежащем городке Борго Сан-Лоренцо. Вместе с карабинерами они чуть не всю ночь прочесывали лес вокруг замка, но все напрасно — князь пропал бесследно.

На рассвете поиски в огромном поместье возобновились. Один из друзей заметил ветку, испачканную кровью. Пробравшись в расщелину шумного ручья, он обнаружил разбитые очки князя. Немного дальше трава была выпачкана красным. Еще несколько шагов, и он увидел мертвую куропатку, убитую дробью. В наносе на берегу ручья нашелся бинокль князя. А вскоре он увидел и тело самого князя, лежащего вниз лицом, по пояс в воде. Голову его течением вбило в щель камня.

Когда тело перевернули, стало очевидным, что князь убит выстрелом в упор из

дробовика.

Слухи пронесли по Флоренции лесным пожаром. Ум, коварство, хладнокровие и скрупулезность Монстра давно наводили на подозрения, что он принадлежит к богатым аристократам. Князь был известен своими странностями, одиноко жил в мрачном зловещем замке в тех самых местах, где Монстр совершил несколько убийств, и это заставляло многих горожан подозревать, что он и был Флорентийским Монстром. Загадочное убийство заставило их об этом вспомнить и поставило в тупик.

Ни следователи, ни пресса ни намеком не связывали убийство князя с Монстром. Общественное мнение истолковало это молчание как дополнительное доказательство его вины — естественно, большая влиятельная семья Корсини должна была любой ценой защитить свою репутацию. И разве не выгоден для семьи такой исход: князь мертв и не предстанет перед судом, очернив тем их имя?

Два дня спустя второе событие вдохнуло в сплетни новую жизнь. В замок Корсини проникли взломщики, однако похищено ничего не было. Никто не мог объяснить, что понадобилось взломщикам в замке, где кишмя кишели полицейские, расследовавшие убийства. Разошелся слух, что взломщики были не ворами, а людьми, нанятыми для того, чтобы вынести из замка некую важную и, возможно, ужасную улику, еще не найденную полицией.

Слухи разрастались даже после того, как на пятый день убийца был схвачен — и сознался. Им оказался молодой браконьер, незаконно стрелявший куропаток в поместье. Князь увидел, как тот подстрелил птицу, и погнался за стрелком. Браконьер утверждал, что целил в ноги, чтобы остановить преследователя, но Корсини, увидев наведенное на него дуло, невольно присел, и заряд попал прямо ему в лицо.

«Чушь!» — гласило общественное мнение. Никто не убивает человека из-за такой малости. Эта история не может быть правдой, напротив, она лишний раз показывает, что семья Корсини старается замать дело. Кроме того, история с браконьером не объясняла таинственного взлома замка два дня спустя.

Из залов флорентийских аристократов сплетня перешла в трактиры, где собирались рабочие. По городу ходила сложная версия, претендующая на истинность. Князь Корсини был Флорентийским Монстром. Его родные узнали и сделали все возможное, чтобы это скрыть. Но некто — никто не знает кто — открыл ужасную тайну. Вместо того чтобы обратиться в полицию, тот человек оставил открытие при себе и шантажировал князя, периодически требуя огромные суммы за сохранение тайны. В то воскресенье, 19 августа, через двадцать дней после убийства в Виккьо, эти двое договорились встретиться на берегу ручья. Там они поссорились. Произошла яростная схватка, и шантажист застрелил князя.

Говорили, что был некто третий, знавший, что Корсини — Монстр. Шантаж продолжался, но теперь его объектом стали родственники князя. Однако шантажисту требовались доказательства, что князь Роберто был Монстром — ужасные доказательства, скрытые в недрах замка. Так объясняли взлом: воры стремились получить улики, возможно «беретту», оставшиеся патроны «винчестер» серии «Н» и бог весть какие трофеи, изъятые Монстром на телах его жертв.

Эти слухи, плоды мрачных фантазий флорентийцев, были абсолютно ложными, совершенно неправдоподобными и не подтверждались ни публикациями в газетах, ни заявлениями следствия. Фантастическая история продержалась год и была опровергнута самым решительным образом — новым убийством.

Глава 17

К концу 1984 года дело о Флорентийском Монстре стало одним из самых заметных и обсуждаемых криминальных расследований в Европе. Французский интеллектуал, член Академии Жан-Пьер Ангрени (Пьер Жан Реми), бывший в то время консулом во Флоренции, пленился этим сюжетом и положил его в основу романа «Бессмертный город». Итальянская

писательница Лаура Гримальди написала известный роман об этом деле — «Подозрение». Англичанка Магдален Набб, автор детективных романов, — книгу «Флорентийский Монстр». Так начался ливень публикаций документальной и художественной литературы, посвященной этому делу. Оно привлекло даже внимание Томаса Харриса, который воплотил историю Монстра в своем романе «Ганнибал» — сиквеле «Молчания ягнят». (В «Ганнибале» Ганнибал Лектер жил во Флоренции под псевдонимом доктор Фелл. Он стал хранителем архива и библиотеки во дворце семьи Каппони, создав для себя вакансию убийством своего предшественника на этой должности.) Крупнейшее издательство Японии обратилось к Специ с просьбой написать книгу о Монстре, и он выполнил заказ. (Сейчас в печати ее шестое издание.) О деле Монстра вышло более дюжины книг — и даже комикс-ужастик для подростков под названием «Il Monello» — «Негодяй». Комикс произвел фурор. Создатель благоразумно не оставил подписи под своим творением.

Разумеется, о расследовании создавались фильмы, и два фильма вышли в прокат одновременно в 1984 году. Продюсер первого предпочел дать персонажам псевдонимы, чтобы избежать осложнений с законом, зато второй строго следовал документам и реалиям, а в концовке предлагал версию разгадки: Монстр был плодом кровосмесительного брака, и его мать знала, что он убийца. Многие флорентийцы возмутились и взволновались, узнав, что кинематографисты снимали реальные места преступлений. Родители жертв наняли адвоката, чтобы запретить показ документального фильма. Они не в силах были запретить ленту, но их усилия привели к удивительному судебному решению: судья объявил, что фильм можно показывать по всей Италии, за исключением Флоренции.

Полиция и карабинеры отозвались на возмущение общества, организовав особый следственный отдел «Сквадра Анти-Мостро», или САМ, под руководством главного инспектора Сандро Федерико. САМ занял большую часть четвертого этажа главного полицейского управления Флоренции. В его распоряжение выделили огромные средства, в том числе одну из новейших машин, будто бы обладавших чудесной способностью находить ответ на любой вопрос — компьютер PC IBM. Впрочем, он некоторое время простоял без дела — никто не знал, как им пользоваться.

Приблизительно в одно время с убийствами в Вилльо Флоренцию поразило появление нового серийного убийцы. В центре города одна за другой были убиты шесть проституток. Даже учитывая деяния Монстра, убийства во Флоренции еще оставались редким явлением, и потому город был потрясен. Хотя «модус операнди» этих преступлений был различным и отличался от убийств Монстра, некоторые элементы навели полицию на мысль, что они связаны между собой. Убийства были откровенно садистскими, и убийца, или убийцы, никогда не брал денег и драгоценностей. Мотивом убийств не было ограбление.

Медэксперт Мауро Маурри, занимавшейся экспертизой жертв Монстра, был озадачен, когда осматривал труп одной из женщин, убитой ножом после пыток. Доктор Маурри увидел сходство ножевой раны с раной на одной из жертв Монстра. И здесь, возможно, пользовались ножом-скубой.

Возможно ли, чтобы Монстр изменил способ убийства и избрал новых жертв?

— Не знаю, — отвечал Маурри, когда Специ обратился к нему с этим вопросом. — Стоит внимательно изучить и сравнить ножевые раны на трупах проституток и жертвах Монстра.

Следствие, по неизвестным причинам, так и не потребовало проведения такой экспертизы.

Последняя из убитых проституток жила на виа делла Чьеза — в то время трущобной улице в районе Олтарно. В ее квартирке было немного обшарпанной мебели, стены украшены простыми рисунками ее дочери, опеку над которой за несколько лет до того приняло государство. Проститутку нашли на полу под окном. Убийца воспользовался свитером, чтобы связать ее как смиренной рубашкой, а затем задушил, забив кусок тряпки ей в горло.

Полиция в поисках улик прочесала всю квартиру. Увидели, что водонагреватель

недавно ремонтировался и что фирма «Срочный домашний ремонт» отметила свою работу фирменным ярлыком. Один из полицейских, увидев название и сделав важное заключение, вернулся в комнату, где главный инспектор Федерико продолжал осмотр тела убитой проститутки.

— Дотторе, — взволнованно позвал он. — Пройдите в соседнюю комнату, там кое-что очень интересное.

Он знал, что фирма «Срочный домашний ремонт» принадлежала Сальваторе Винчи.

Глава 18

Это открытие наконец заставило следствие пристальней присмотреться к Сальваторе Винчи. Именно его имя первым назвал Стефано Меле, говоря о своих сообщниках в 1968 году. Ротелла полагал, что в тот раз Сальваторе был четвертым соучастником, наряду с Пьеро Муччарини, Джованни Меле и (возможно) Франческо Винчи. Поскольку трое из них во время последнего убийства Монстра в 1984 году находились в тюрьме, Сальваторе оставался единственным возможным подозреваемым.

Занявшись изучением его прошлого, следователи скоро наткнулись на слухи об убийстве его жены Барбары в селении Виллачидро. Ротелла возобновил следствие о причине ее смерти, и на сей раз ее рассматривали не как самоубийство, а как преднамеренное убийство. В 1984 году следователи отправились на Сардинию, где среди красот дикой природы и жесточайшей нищеты Виллачидро начали раскапывать прошлое личности, по-видимому, способной стать Флорентийским Монстром.

Барбарине ко времени ее смерти в 1961 году было всего семнадцать лет. Она встречалась с парнем по имени Антонио, которого терпеть не мог Сальваторе. Сальваторе подстерег ее в поле и изнасиловал, возможно, чтобы унижить Антонио. Она забеременела, и Сальваторе «исполнил свой долг», женившись на ней. Все селение говорило, что он жестоко обращался с женой, бил и давал слишком мало денег на еду — едва хватало, чтобы купить молока для младенца. Ребенок был ее единственной отрадой. Она назвала его Антонио, именем своего любимого, и продолжала украдкой видеться с первым любовником.

Это имя и сам младенец уязвляли самолюбие Сальваторе: поговаривали, что он даже сомневался в своем отцовстве. С годами ненависть между отцом и сыном, между Сальваторе и Антонио, стала полной и беспощадной.

Причиной убийства Барбары — если это было убийство — стало событие в ноябре 1960 года, когда кто-то подстерег ее с любовником Антонио и сфотографировал свидание. Измена стала известна всему селению. У Сальваторе, уроженца Сардинии, где испокон веков чтили барбаджийский кодекс, было два способа отстоять свою честь: он мог либо выгнать жену, либо убить ее.

Сначала казалось, что он предпочтет первый путь. Он сказал жене, что она должна уехать, и начал подыскивать ей работу на стороне. В январе 1961 года она получила письмо от монахини, которая соглашалась принять ее с ребенком в сиротский приют, если она, за стол и кров, будет прислуживать в трапезной. Она должна была явиться в приют 21 января.

Она туда не приехала.

Вечером 14 января 1961 года Барбарина с ребенком остались одни в крошечном домике Сальваторе. Тот, как обычно, проводил время в местном баре, пил и играл в бильярд.

Во время обеда Барбарина обнаружила, что баллон с пропаном пуст и она не может вскипятить молока для ребенка. Она попросила у соседки разрешения воспользоваться ее плитой. Казалось бы, незначительный эпизод, но несколько часов спустя он приобрел большое значение, опровергнув официальную версию смерти женщины — самоубийство, отравление газом. Если за три часа до ее смерти баллон был пуст и она не могла его зарядить, откуда взялось столько газа, что она отравилась насмерть?

В тот вечер, незадолго до полуночи, Винчи оставил шурина в баре и вернулся домой. Впоследствии он говорил, что нашел дверь запертой и открыл ее сильным толчком. Включив

свет, он увидел, что колыбель с одиннадцатимесячным Антонио, стоявшая обычно в спальне, вынесена в кухню. Дверь в спальню была закрыта изнутри, и это, сказал он, его встревожило. Особенно потому, добавил он, что в щель под дверью он, в столь поздний час, увидел свет.

— Я сразу постучал и окликнул Барбарину, — рассказывал он несколько часов спустя карабинерам, — но никто не ответил. Я сразу подумал, что она там с любовником, и выбежал из дома, боясь нападения.

Если такое малодушие — убежать из дома в страхе перед человеком, который наставляет ему рога в его собственной постели — кажется маловероятным в наши дни, то для двадцатичетырехлетнего мужчины на Сардинии в 1961 году оно выглядело совершенно абсурдным. Сальваторе бросился к дому своего тестя и с ним зашел в бар за другом — кстати, братом Барбарины. Все вместе они вернулись в дом.

Через много лет один из их односельчан выразил общее мнение:

— Он просто собирал свидетелей подстроенного им подобия самоубийства.

На глазах тестя и шурина Сальваторе открыл дверь легким толчком — дверь не оказала ни малейшего сопротивления. Сальваторе тут же закричал, что чувствует запах газа, хотя остальные его не чувствовали. Баллон с пропаном был придвинут к кровати, клапан открыт, трубка тянулась к подушке, на которой лежала голова Барбарины. Предполагалось, что Барбарина лишила себя жизни пропаном из баллона, в котором несколькими часами раньше не хватало газа, чтобы подогреть молоко. Однако в то время никто не обратил внимания на это противоречие — ни карабинеры, ни медэксперт, ни друзья. Медэксперт, кроме того, не придал значения синякам у нее на шее и легким царапинам на лице, выглядевшим так, будто она сопротивлялась удушению.

Заново открыв дело, следователи обнаружили все эти факты и пришли к твердому убеждению, что Сальваторе убил свою жену.

Ротелла пытался определить, привез ли с собой Сальваторе, иммигрировав в Италию, «беретту» двадцать второго калибра. Следствие установило, что в 1961 году в селении Виллачидро имелось одиннадцать таких «беретт» и что одна из них была украдена как раз перед отъездом Сальваторе Винчи в Тоскану. Пистолет принадлежал пожилому родственнику Винчи, который привез его из Голландии, куда ездил на заработки.

В то же время следователи на большой земле присмотрелись к жизни, которую вел Сальваторе после прибытия в Тоскану в 1961 году. Они нашли новые свидетельства, наводившие на мысль, что он мог оказаться Монстром. Выяснилось, что сексуальным пристрастиям и жизни Сальваторе Винчи позавидовал бы маркиз де Сад.

— Мы только поженились, — рассказывала карабинерам Розина, его новая жена, — когда Сальваторе вечером привел домой пару друзей и сказал, что они останутся на ночь. Отлично. Позже я встала сходить в туалет, услышала шепот из комнаты гостей и узнала голос мужа! Я вошла, и что же я увидела? Сальваторе в постели с теми двумя! Конечно, я взбесилась. Я велела женщине и ее мужу — если он был ей мужем — немедленно убираться. А знаете, что сделал Сальваторе? Он пришел в ярость, схватил меня за волосы, заставил опуститься на колени перед той парочкой и просить прощения! И это, — продолжала она, — было еще не все. В другой раз он познакомил меня с другой молодой парой, с молодоженами, и мы стали их навещать. Однажды мы заночевали у них в гостях. И вот ночью я почувствовала на себе холодные руки и услышала странный звук, будто что-то упало. Я встала зажечь свет и услышала голос мужа, который приказал мне не делать этого, уверяя, что ничего не случилось. Прошел час, и я снова ощутила те же руки на своем бедре, и тогда я вскочила и зажгла свет. Так вот, со мной в постели, кроме мужа, был еще и его дружок Саверио! Я выскочила на кухню, как во сне, не понимая, что происходит. Тут ко мне вышел Сальваторе. Он старался меня успокоить, говорил, что тут нет ничего особенного, ничего странного, и звал меня обратно в постель. А потом, на следующий день, он снова об этом заговорил, сказал, что они уже занимались любовью втроем с Джиной, женой его друга, и предлагал мне заняться тем же. Говорил, что это забавно, что на континенте так принято. Так что в конце концов я оказалась в постели с Сальваторе и Саверио, который сначала

занимался сексом со мной, а потом со своим другом. Так продолжалось некоторое время. Если я возражала, он меня бил. Он заставил меня заниматься сексом с Саверио у него на глазах, а потом мы занимались этим вчетвером. И в таких случаях Сальваторе и Саверио трогали, ласкали друг друга, и каждый по очереди играл роль то мужчины, то женщины, и все при мне и при Джине! С тех пор Сальваторе начал водить меня в дома своих друзей, даже случайных знакомых, и мне приходилось быть с ними. Он водил меня на порнофильмы. Положит на кого-нибудь глаз и представляет меня, а потом мне приходится заниматься с ними сексом, хорошо, если дома, а не в машине. Мне пришлось еще хуже, когда с Сардинии прислали его сына Антонио, которому было всего четыре года. Они тогда называли его Антонелло. Я боялась, что ребенок увидит, чем эти извращенцы занимаются с другими парочками, и как мы ссоримся, и как он надо мной измывается.

В конце концов Розина не выдержала и сбежала в Триест с другим мужчиной.

— Могу вам сказать, — отвечала полиции одна из любовниц Сальваторе, — что Сальваторе был единственный мужчина, который давал мне полное удовлетворение. У него странности, так что из этого? Ему нравилось, чтобы когда он занимался со мной любовью, другой мужчина брал его сзади...

Сальваторе Винчи подбирал участников своих оргий где только мог: с помощью подружек, выставляя их как приманку на стоянках грузовиков, в кварталах «красных фонарей», в парке Кассине на окраине Флоренции. Сексуальность его, по показаниям его знакомых, не имела границ. Он мог заниматься сексом почти с кем угодно, будь то мужчина или женщина, и применял широкий ассортимент дополнительных приспособлений, включая вибраторы, цуккини и баклажаны. Если женщина противилась, он лупил ее, чтобы добиться повиновения.

Когда появилась Барбара Лоччи, все стало проще. Сальваторе наконец отыскал женщину, которая разделяла его вкусы и отличалась не меньшим аппетитом. Она так успешно завлекала мужчин и мальчиков на оргии, что Сальваторе прозвал ее Королева Пчел.

Среди всего этого в том же маленьком доме подрастал сын Сальваторе, Антонио Винчи. До юноши дошли слухи, что его мать не покончила с собой, а была убита, и что убийцей был его отец. Антонио глубоко привязался к Розине, второй жене Сальваторе. Когда она сбежала в Триест, Антонио словно вторично лишился матери. И опять по вине отца. Кончилось тем, что он ушел из дома и проводил время с дядей Франческо, заменившим ему отца. Этого-то Антонио по обвинению в хранении оружия и арестовала полиция, чтобы заставить заговорить его дядю Франческо.

Следствие, производившееся в Виллачидро и Тоскане, убедило Марио Ротеллу и следователей-карабинеров, что нужный человек наконец найден. Сальваторе Винчи участвовал в убийстве Барбары Лоччи. У него, возможно, была «беретта» 22 калибра. У него, единственного из заговорщиков, была машина. Он доставил оружие на место преступления, он сделал смертельные выстрелы, и он забрал оружие к себе домой. Следствие доказало, что он — хладнокровный убийца и сексуальный маньяк.

Сальваторе Винчи был Флорентийским Монстром.

Глава 19

Среди всей неразберихи, громких заявлений и множества версий существовали и неопровержимые факты, установленные в ходе серьезной работы полиции и подтвержденные экспертизой.

Первым из таких фактов был пистолет. Не менее пяти баллистических экспертиз пришли к общему выводу: Монстр использовал один пистолет, «беретту» двадцать второго калибра, «старую и бывшую в употреблении», с дефектом бойка, оставлявшим очевидный след на каждой гильзе. Вторым фактом были пули. Все патроны были марки «винчестер» серии «Н». И все пули, выпущенные убийцей, были взяты из двух коробок. Это было доказано сканированием на электронном микроскопе: «Н», отштампованное на основании

каждой гильзы, имело одни и те же микродефекты, указывавшие, что они выбиты одной матрицей. Матрица сменяется по мере износа. Она же доказывала, что коробки патронов были выпущены в продажу не ранее 1968 года.

В каждой коробке помещалось пятьдесят патронов. Начиная счет от первого преступления в 1868 году убийца выпустил пятьдесят зарядов и вскрыл вторую коробку. В первой пули были с медной «рубашкой», во второй — со свинцовой. Не было никаких указаний на то, что в преступлениях стреляли еще из чего-то или что убийца был не один. В самом деле, тела жертв волокли по земле, что предполагало отсутствие помощника.

То же относилось к использованному убийцей ножу. Каждая экспертиза подтверждала, что используется тот же нож, необычайно остро заточенный, с особой зазубриной или меткой и тремя зубцами около двух миллиметров в глубину. Некоторые эксперты предполагали, что это «паттада» — пастушеский нож на Сардинии, — но большинство придерживалось мнения, хотя и без полной уверенности, что речь идет о скубе. Все эксперты соглашались, что разрезы однотипны и явно сделаны правой рукой.

И наконец — Монстр избегал прикасаться к своим жертвам без необходимости и раздевал их, срезая одежду. Ни разу не обнаружилось признаков насилия или сексуального домогательства. Специалисты-психологи единодушно признавали психическую патологию Монстра. «Он действует один, — писал один из экспертов. — Чужое присутствие лишило бы его всей сладости автора преступлений, несомненно относящихся к сексуальному садизму. Монстр — серийный убийца и действует только в одиночку... Примечательное отсутствие всякого сексуального интереса, не связанного с изъятием органов, заставляет предположить импотенцию или существенно затрудненный коитус».

В сентябре 1984 года Ротелла наконец выпустил «двойного Монстра» — Пьеро Муччарини и Джованни Меле, находившихся в тюрьме во время убийства в Виккьо. Еще через два месяца он освободил Франческо Винчи, также находившегося в тюрьме во время последних убийств Монстра.

Список подозреваемых свелся к одному: Сальваторе Винчи. За его домом наблюдали двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Его телефон поставили на прослушивание. Когда он выходил из дома, за ним часто устанавливалась слежка.

Проходила зима, и близилось следующее лето — лето 1985 года. Следователи и горожане ждали его с нарастающим ужасом. Никто не сомневался, что Монстр нанесет новый удар. Новое элитное подразделение, ответственное за поиски Монстра — САМ, — работало с лихорадочной активностью, однако по-прежнему без особого успеха.

Когда Франческо Винчи выпустили из тюрьмы, Марио Spezi, не раз высказывавшийся в пользу его невиновности, был приглашен на семейное торжество в доме Винчи в Монтелупо. Spezi принял необычное приглашение, надеясь заодно добыть интервью. Столы были заставлены острой салями, солеными сардинскими овечьими сырами, кувшинами с сардинским верментино и крепкой граппой. Под конец вечеринки Винчи согласился дать Spezi интервью. Он отвечал на вопросы разумно, сдержанно и с подчеркнутой осторожностью.

— Сколько вам лет?

— Сорок один. Насколько я знаю.

Интервью не дало ничего, кроме ответа на один вопрос, преследовавший Spezi много лет. Spezi спросил, каким Франческо представляется настоящий Монстр.

— Он очень умен, — ответил Винчи. — Человек, который и с закрытыми глазами найдет дорогу в этих холмах. Он лучше многих умеет обращаться с ножом. Он, — добавил Винчи, устремив на Spezi взгляд блестящих черных глаз, — когда-то испытал очень-очень большое разочарование.

Глава 20

Лето 1985 года было одним из самых жарких на памяти горожан. Тоскану поразила

сильная засуха, холмы Флоренции неумолимо жгло солнце. Земля потрескалась, листья засыхали и опадали с ветвей. Вода в городском акведуке стала иссякать, и священники вместе со своей паствой горячо молили Господа о дожде. Вместе со зноим город, как одеяло, накрыл страх перед Монстром.

8 сентября было таким же жарким безоблачным днем в бесконечной веренице знойных дней. Но для Сабрины Карминьяни это был замечательный день — день ее девятнадцатилетия — и он запомнился ей навсегда.

В то воскресенье около пяти часов вечера Сабрина со своим парнем выехали на маленькую полянку в лесу чуть поодаль от главной дороги на Сан-Кашано. Полянка называлась Скопети, по названию проходившей через нее дорожки, от дороги ее закрывали дубы, кипарисы и сосны, и местная молодежь знала, что это отличное местечко для занятий сексом. Место находилось в самой середине района Кьянти, почти в виду старинного каменного дома, в котором Никколо Макиавелли провел годы изгнания и написал «Государя». Сейчас в этой местности со множеством вилл, замков, красивых ухоженных виноградников и маленьких деревень самые высокие в мире цены на недвижимость.

Молодые люди остановили свою машину рядом с другой — белым «фольксвагеном-гольф» с французскими номерами. Посреди заднего сиденья они заметили закрепленное привязными ремнями детское креслице. В нескольких метрах перед «фольксвагеном» стояла маленькая палатка с дуговым каркасом, голубая с металлическим отливом. Свет падал так, что просвечивал силуэт человека, находящегося внутри.

— Он был один, — рассказывала позже Сабрина, — и вытянулся так, будто спал. Палатка выглядела помятой, готова была рухнуть. А у входа грязь, полно мух, и пахло мертвечиной.

Им все это не понравилось, и они развернулись, чтобы уехать. Когда они выбирались с поляны, другая машина как раз сворачивала на нее с большой дороги. Водитель подал назад, давая им проехать. Ни Сабрина, ни ее приятель не обратили внимания на вид машины и на водителя.

Еще немного, и они обнаружили бы новых жертв Монстра.

На следующий день в два часа понедельника, 9 сентября, один азартный грибник заехал на поляну Скопети. Едва он вышел из машины, как в нос ему ударил «странный запах». Громко жужжали мухи. Я решил, что где-то рядом валяетсядохлая кошка. Вокруг палатки я ничего не заметил. Потом я прошел в заросли кустов на другой стороне поляны. И там я увидел их: две босые ступни торчали из зарослей... Я не отважился подойти ближе».

Недавно сформированная команда САМ вступила в действие. Жертвами оказалась пара французских туристов, расположившихся на поляне Скопети. Впервые охрана места преступления была налажена как следует. САМ закрыло доступ не только на поляну, но и на километр вокруг нее. Обнаруженное на заднем сиденье детское креслице несколько часов продержало следователей в мучительном напряжении, но наконец из Франции пришел ответ на запрос: маленькая дочка убитой женщины осталась во Франции у родственников.

Вертолет доставил на место преступления известного криминалиста, ранее составившего психологический и поведенческий портрет Монстра. Журналистов и фотографов нехотя допускали внутрь, однако им полагалось оставаться за красно-белой пластиковой загородкой, растянутой между деревьями в сотне ярдов от места преступления, под бдительным присмотром двух полицейских, вооруженных автоматами. Журналистов разозлило ограничение привычной свободы. Наконец помощник прокурора разрешил одному из них, Марио Spezi, осмотреть место преступления и описать его остальным. Spezi под свирепыми взглядами коллег пролез под пластиковой ленточкой. Увидев результаты последнего злодеяния Монстра, он позавидовал тем, кого не пустили.

Убитую женщину звали Надин Марио. Ей было тридцать шесть лет, она владела обувным магазином в Монбельяре, на французской стороне недалеко от франко-швейцарской границы. Она развелась с мужем и несколько месяцев жила с Жаном-Мишелем Кравешвили, двадцатичетырехлетним фанатиком стометрового спринта,

которым он и занимался в местной атлетической команде. Они отправились в путешествие по Италии, а к понедельнику должны были вернуться во Францию, потому что это был первый школьный день дочери Надин.

Услышав о новом убийстве, Сабрина и ее парень сразу обратились к карабинерам и рассказали, что видели накануне вечером, 8 сентября. Точно ту же историю девушка повторила через много лет на суде ассизи. Двадцать лет спустя, давая интервью Специ, она по-прежнему не сомневалась в дате, поскольку то воскресение было днем ее рождения. Ее показания играли важнейшую роль в определении времени преступления. От них непосредственно зависело, произошло ли убийство французов в субботнюю ночь, как указывали свидетельства, или в воскресную, как позже утверждало следствие. Показания девушки не устраивали следователей — и те полностью игнорировали их как тогда, так и теперь.

Было еще одно весомое обстоятельство, указывавшее, что пара была убита субботней ночью: если французы рассчитывали вернуться домой так, чтобы успеть проводить дочь Надин в школу в первый день занятий, в воскресенье они должны были уже ехать в сторону Франции.

К вечеру в понедельник труп Марио был в ужасающем состоянии. Лицо женщины уродливо вздулось и почернело, став неузнаваемым. Сказалась жара под пологом палатки — тело было покрыто червями. Следователи САМ реконструировали обстоятельства последнего убийства, они были, коротко говоря, кошмарными.

Убийца подкрался к палатке, где обнаженные французские туристы занимались любовью. Он объявил о своем присутствии, проделав кончиком ножа семидюймовый разрез в тенте палатки, не повредив внутреннюю оболочку. Шум, должно быть, спугнул любовников. Они расстегнули молнию входа, чтобы посмотреть, в чем дело. Монстр уже занял позицию и навел пистолет, так что в выглянувших наружу французов тут же ударил град пуль. Надин погибла сразу. Четыре пули поразили Жана-Мишеля: в запястье, в палец, в локоть и — вскользь — по губе. Все ранения оказались легкими.

Молодой атлет вскочил, вылетел из палатки, возможно, сбив с ног Монстра, и в темноте понесся к лесу. Сверни он налево, и через несколько шагов оказался бы на большой дороге, где мог бы спастись. Но он бежал прямо вперед, к лесу. Монстр гнался за ним. Жан-Мишель вломился в подобие живой изгороди, делившей поляну надвое. Монстр, преследуя его, нагнал через двенадцать метров, ударил ножом в спину, в грудь и в живот, а потом перерезал горло.

Рассматривая лежавший в кустах труп, Специ заметил, что нижние листья деревьев в шести футах над мертвым телом забрызганы кровью.

Убив Жана-Мишеля, Монстр вернулся к палатке. Он за ноги вытянул Надин и дважды искалечил тело, вырезав вагину и левую грудь. Затем он снова втащил тело в палатку и застегнул молнию. Тело мужчины он спрятал под мусором, собранным на поляне, и прикрыл голову крышкой от найденного тут же пластикового ведерка из-под краски. Криминалисты, прилежно обыскавшие поляну в поисках улик, практически остались с пустыми руками. Преступление выглядело почти идеальным.

Во вторник в прокуратуру пришло письмо. Буквы адреса были вырезаны из журнала и наклеены на конверт.

В конверте, завернутый в фотобумагу, лежал фрагмент груди убитой француженки. Письмо было отправлено в один из выходных из маленького поселка близ Виккьо и поступило в почтовую систему в понедельник утром.

Сильвия делла Моника была единственной женщиной среди ведущих дело Монстра. Это письмо перевернуло ее жизнь. Ужас сломал ее. Она немедленно отказалась от работы по делу, к ней приставили двух телохранителей, которые оставались с ней даже во время работы в запертом кабинете, потому что она боялась, что Монстр, смешавшись с людьми у

входа в палатцу Джустития, проникнет внутрь и проберется к ней в кабинет. Больше она не вмешивалась в это дело.

Письмо, воспроизведенное на газетных страницах, вызвало бурю предположений, поскольку убийца сделал ошибку в итальянском слове «геруббика», написав его с одним «b». Была ли то обычная ошибка неграмотного человека, или Монстр был иностранцем? Во всех романских языках Европы, кроме итальянского, это слово пишется с одним «b».

Впервые Монстр попытался скрыть тела своих жертв. В сочетании с присланным письмом это вызвало бы лихорадочные поиски убитых, если бы их не обнаружили раньше. Это наводило на мысль, почему Монстр сменил привычный образ действий — он стремился унижить полицию. Ему это почти удалось.

Глава 21

После убийства на поляне Скопети власти Флоренции и соседних городков и селений провели профилактическую кампанию. Хотя молодежь Флоренции была настолько перепугана, что никому и в голову не приходило выехать за город после захода солнца, но в Тоскане каждый год бывали миллионы иностранцев, живших в домиках на колесах и в палатках и не подозревавших об опасности. Во всех местах, где часто останавливались на ночлег туристы, развесили предупреждения на нескольких языках, сообщавшие об опасности оставаться здесь от заката до восхода. Однако упоминания о серийном убийце тщательно избегали, чтобы совсем не распугать туристов. Во Флоренции напечатали тысячи плакатов по проекту знаменитого художника-графика Марио Ловерне, нарисовавшего пристальный глаз, окруженный листьями. «Берегите молодежь! Внимание! Опасность насилия!» — предупреждали плакаты. Были выпущены десять тысяч почтовых открыток того же дизайна, распространявшихся в разменных киосках, в железнодорожных кассах, в кемпингах, молодежных гостиницах и в общественных автобусах. Телевидение тоже поддержало кампанию.

Несмотря на все усилия, следователи ушли с поляны Скопети практически без новых улик. На них оказывали огромное давление.

Томас Харрис в своем романе «Ганнибал» описал некоторые приемы, использовавшиеся для поимки Монстра. «В иных излюбленных парочками переулках и на укромных кладбищах полицейских, сидящих парами в машинах, было больше, чем настоящих любовников. Недоставало женщин-полицейских. В жаркую погоду мужчины по очереди надевали парик, и многим пришлось пожертвовать усами».

Идея предложить награду прежде была отвергнута, однако теперь прокурор Винья, убежденный, что Монстр пользуется прикрытием «омерты», сломить которую могла лишь крупная сумма, возродил эту мысль. Это было спорное предложение. Награды и призы за поимку никогда не были в традиции итальянской культуры, о них знали лишь по американским вестернам. Многие опасались, что предложенная награда вызовет «охоту на ведьм» и приманит толпы сумасшедших охотников за призами. Сомнения были так велики, что принимать решение пришлось самому премьер-министру Италии, который назначил награду полмиллиарда лир — по тому времени огромную сумму.

Награда была объявлена, но никто не предложил сведений, которые того стоили.

Как и прежде, САМ донимали анонимные доносы и необоснованные слухи, которые приходилось проверять, какими бы неправдоподобными те ни были. В их числе было письмо, полученное полицией, датированное 11 сентября 1985 года. Оно предлагало полиции «допросить жителя нашего города, Пьетро Паччани, уроженца Виккьо». Автор письма продолжал: «Говорят, что этот тип отбыл срок за убийство своей нареченной. Он человек на все руки, проникательный, хитрый. Деревенщина с большими неуклюжими ножищами, но смекалистый. Он держит в заложниках всю свою семью: жена его полоумная, дочерей никогда не выпускают из дома, друзей у них нет».

Следователи проверили информацию. Слух о том, что Паччани убил свою невесту,

оказался ложным, однако в 1951 году он убил мужчину, застав его, когда тот соблазнял его невесту в стоящей машине, и отбыл за это убийство большой срок в тюрьме. Паччани жил в Меркатале, в полудюжине километров от поляны Скопети. Полиция произвела обычный обыск его дома, не обнаружив ничего интересного.

Однако имя старого крестьянина осталось в списке.

Через несколько недель пришел новый слух, на сей раз с другой стороны, из Перуджи, расположенной за сто пятьдесят километров. Молодой врач Франческо Нардуччи, отпрыск одной из богатейших семей города, по-видимому, покончил с собой, утопившись в Тразименском озере. Сплетники немедленно зашумели, что Нардуччи и был Монстром и покончил с собой под гнетом раскаяния. Короткое расследование показало, что этого быть не могло, и дело было отложено на полку вместе с прочими надоедливymi ложными нитями.

Тем временем в 1985 году команда следователей, на которую безжалостно давили, требуя результатов, начала рас сыпаться. Разлад между прокурором Пьеро Луиджи Винья и следственным судьей Марио Ротеллой нарастал.

Разногласие вызвало следствие по сардинскому следу. Ротелла был убежден, что оружие, использованное в клановом убийстве 1968 года, так и осталась в кругу сардов и, стало быть, Монстром должен быть один из них. Он остановил свои подозрения на Сальваторе Винчи и тщательно выстраивал против него обвинение с помощью карабинеров. Винья, со своей стороны, считал сардинский след тупиковым. Он предпочел бы выбросить все и начать розыск заново. Полиция соглашалась с Винчи. Особая команда, названная САМ, была собрана из полицейских и карабинеров, которым полагалось сотрудничать. Беда в том, что полиция редко ладила с карабинерами, и они часто противодействовали друг другу. Государственная полиция — гражданское учреждение, а карабинеры — военные. И то и другое является органом государственной безопасности. Когда совершаются крупные преступления, такие как убийство, бывает, что к месту преступления бросаются обе правоохранные структуры, и каждый пытается взять расследование на себя. Одна история, возможно апокрифичная, повествует об ограблении банка, когда полиция и карабинеры одновременно гнались за преступниками и схватили их. На глазах у преступников начался спор, кому кого хватать за шиворот. Сошлись на том, что разделили трофеи: полиции достались грабители, а карабинеры увезли угнанные машины, наличные и оружие.

Разногласия между Винья и Ротеллой, неуклонно обостряясь, много лет оставались тайной следователей. Со стороны казалось, что главной линией расследования оставался сардинский след, однако критика этой линии и судьи Марио Ротеллы нарастала.

В 1985 году Ротелла ненадолго засадил за решетку Стефано Меле — под надуманным предлогом, в последней надежде заставить его разговариваться. Этот поступок вызвал хор возмущенных голосов, обвинявших Ротеллу в том, что тот без нужды мучает сломленного старика, чьи бредовые показания уже нанесли несказанный ущерб следствию и людям, которых он обвинял. Ротелла попал под удар, оказался в изоляции от коллег и под постоянным давлением прессы. Крупнейшая газета Сардинии «Унионе Сарда» постоянно допрашивала его.

«Вечно одно и то же, — писала газета. — Стоит расследованию дела Флорентийского Монстра увязнуть, неизменно воскрешают так называемый сардинский след». Сардинские землячества в Тоскане также возмутились политической некорректностью, и следствие со всех сторон осаждал негодующий хор. Склонность Ротеллы изъясняться невразумительно и уклончиво только ухудшала дело.

Все же Ротелла, будучи следственным судьей по делу Монстра, располагал значительной властью и использовал ее. Краткосрочный арест и допрос Стефано Меле, осуждавшийся так единодушно, наконец открыл тайну одного из существенных обстоятельств дела — почему Меле так долго покрывал Сальваторе Винчи, даже ценой пятнадцатилетнего тюремного заключения. Почему он так покорно сдался, когда его подставили за убийства Барбары Лоччи и Антонио Ло Бьянко, если преступление задумал, организовал и исполнил Сальваторе. Почему он смолчал на суде, когда Сальваторе, давая

свидетельские показания, бесстыдно выставил напоказ обручальное кольцо его жены. Почему, уже отбыв четырнадцать лет тюремного заключения, Меле отказывался признать перед следователями, что одним из его соучастников был Сальваторе.

Причиной тому, как наконец признал Меле, был стыд. Он участвовал в сексуальных забавах Сальваторе Винчи, и ему нравился секс с мужчинами, в особенности с самим Сальваторе. Вот какую ужасную тайну чуть не двадцать лет держал Сальваторе Винчи над головой Меле, вынуждая его к молчанию. Вот почему один суровый взгляд Сальваторе в 1968 году вызвал у Стефано слезы и стечения. Он угрожал разоблачить его как гомосексуалиста.

Двойному убийству туристов из Франции на поляне Скопети предстояло стать последним известным преступлением Флорентийского Монстра. Хотя прошло немало времени, пока флорентийцы осознали, что цепь преступлений, так долго державших их в страхе, прервалась.

Расследование, однако, только начиналось. Со временем оно само стало монстроподобным и поглощало все на своем пути, не заботясь о множестве жизней невинных людей, которых погубило.

Тысяча девятьсот восемьдесят пятый год был лишь началом.

Глава 22

К концу 1985 года судья Марио Ротелла твердо уверился, что Монстром был Сальваторе Винчи. Просматривая собранное на него досье, он приходил все в большую ярость, обнаруживая упущенные возможности уличить его. Например, в 1984 году, после убийств в Виккьо, в доме Сальваторе произвели обыск, и следователи нашли в его спальне тряпку, втиснутую в женскую соломенную сумочку, покрытую следами пороха и пятнами крови. Тридцать восемь кровавых пятен! Ротелла просмотрел материалы дела и убедился, что тряпка не попала на экспертизу. В ярости он поднял вопрос о вопиющей некомпетентности следователей. Прокурор, отвечавший за эту улику, беспомощно оправдывался: невозможно было поверить, что человек, уже знающий, что он в списке подозреваемых, хранил бы у себя в комнате столь очевидную улику.

Ротелла потребовал экспертизы тряпки. Лаборатория, проводившая экспертизу, не смогла определить, принадлежит ли кровь одной или двум группам крови, и не имела возможности сравнить ее с кровью жертв, поскольку, как ни трудно в это поверить, следствие не сохранило образцов крови жертв убийства 1984 года. Тряпку отослали в Великобританию для дальнейшего анализа, однако лаборатория ответила, что следы для анализа не годятся. (Сегодня анализ ДНК мог бы извлечь из этой ветоши важную информацию, однако, насколько мы знаем, такое исследование не планируется.)

У Ротеллы был и еще один повод негодовать. Карабинеры более года держали Сальваторе Винчи под неотступным наблюдением, особенно по выходным дням. Сальваторе, зная, что за ним следят, временами забавлялся, проезжая на красный свет или выкидывая другие трюки, чтобы сбить преследователей со следа. Так вот, в те субботу и воскресенье, когда произошло убийство на поляне Скопети, карабинеры по неизвестным причинам сняли наблюдение. Сальваторе внезапно получил возможность незаметно отправиться, куда ему вздумается. Ротелла полагал, что если бы слежка продолжалась, последнего убийства могло вообще не произойти.

В конце 1985 года Ротелла вручил Сальваторе Винчи «avviso di garanzia» — уведомление, что он официально подозревается в шестнадцати убийствах, совершенных с 1968 по 1985 год.

К этому моменту главный прокурор Пьеро Луиджи Винчи потерял терпение. Он был по горло сыт методичным формалистом Ротеллой и его манией расследования сардинского следа. Винчи и полицейским следователям не терпелось начать все заново, и они только и ждали, чтобы Ротелла сделал ошибочный ход.

11 июня 1986 года Марио Ротелла приказал арестовать Сальваторе Винчи как убийцу. К всеобщему великому удивлению, он обвинялся не в убийствах, совершенных Монстром, а в убийстве своей первой жены Барбары 14 января 1961 года, еще в Виллачидро. Стратегия Ротеллы состояла в том, чтобы добиться приговора по делу, которое представлялось более ясным и неопровержимым, а уже потом доказывать, что тот же преступник является Флорентийским Монстром.

Два года, которые Сальваторе провел в тюрьме, Ротелла методично готовил против него обвинение в убийстве семнадцатилетней жены. Монстр больше не совершал убийств, и Ротелла еще больше утверждался в мысли, что захватил того, кого следовало.

Суд над Сальваторе Винчи за убийство жены начался 12 апреля 1988 года в Кальяри, столице Сардинии. Специ освещал процесс для «Ла Нацъоне».

Поведение Винчи на скамье подсудимых поразило всех. Он все время стоял, стиснув кулаки на решетке клетки, в которую его заперли, и с методической осторожностью отвечал на вопросы судей любезным, высоким голосом, почти фальцетом. Во время перерывов он беседовал со Специ и другими журналистами на такие темы, как сексуальные свободы и отношение суда к *habeas corpus*.⁵

Его сына, Антонио, которому к тому времени исполнилось двадцать семь лет, вызвали в суд как свидетеля обвинения. Он отбывал срок по другому делу и давал показания в наручниках. Все отметили, насколько он был напряжен. Сидя справа от судей, напротив отца, молодой человек ни разу не снял больших черных очков. Губы его были сжаты, ноздри орлиного носа раздувались от ярости. Даже черные стекла очков не скрывали, что он упорно смотрел только на отца, ни разу не оглянувшись ни на кого другого в зале суда. Отец его стоял перед ним неподвижно с непроницаемым лицом. В таком положении эти двое оставались часами. Воздух в зале наэлектризовался от их натянутого, молчаливого противостояния.

Антонио Винчи отказался говорить. Он только смотрел. Позже он признался Специ, что если бы в фургоне, увозившем их, между ним и отцом не сидели карабинеры, он задушил бы его.

Суд закончился катастрофой. Сальваторе Винчи неожиданно оправдали. Преступление было совершено слишком давно, свидетели умерли или все позабыли, вещественные доказательства пропали, и мало что удавалось доказать.

Винчи вышел из зала суда свободным человеком. Он остановился на ступенях, чтобы обратиться к прессе.

— Я вполне удовлетворен решением суда, — сказал он спокойно и пошел дальше.

Он направился в горы в глубине острова, чтобы посетить свою родину — Виллачидро, — после чего, подобно сардинским разбойникам прежних времен, он пропал навсегда.

Оправдание Сальваторе Винчи вызвало бурю негодования против Ротеллы. Эта была та самая ошибка, которой дожидались Винья и сочувствовавшие ему прокуроры. Они двигались, как акулы, бесшумно, незаметно, избегая шумихи и публичности. Следующие несколько лет между Виньей и Ротеллой шла замедленная схватка на длинных ножах: полиция и карабинеры обменивались ударами исподволь, не привлекая внимания средств массовой информации.

После оправдания Винчи Винья и полиция пошли своим путем, игнорируя Ротеллу. Они решили забыть обо всем и начать дело о Флорентийском Монстре с чистого листа. Между тем Ротелла с карабинерами не оставлял расследования сардинского следа. Две линии следствия постепенно расходились, становясь несовместимыми.

Рано или поздно кому-то предстояло сдаться.

⁵ Неприкосновенность личности (*лат.*).

Глава 23

Подразделение «Скуадра Анти-Мостро» получило нового главного инспектора, Руджеро Перуджини. Несколькими годами позже Томас Харрис создаст литературный портрет Перуджини в своем романе «Ганнибал», прикрыв его прозрачным псевдонимом Ринальдо Пацци. Собирая материалы для книги, Харрис гостил в доме главного инспектора Перуджини во Флоренции (поговаривают, что Перуджини не обрадовался тому, как ответил Харрис на его гостеприимство, выпотрошив его альтер эго и вывесив его на палаццо Веккьо). Реальный главный инспектор выглядел достойнее, чем его потеющий и суетливый двойник в экранизированном детективе, где его роль сыграл Джанкарло Джанини. Настоящий Перуджини говорил с римским выговором, но повадкой, одеждой и привычкой вертеть в руках вересковую трубку больше напоминал англичанина.

Когда главный инспектор Перуджини возглавил САМ, они вдвоем с Виньи навели полный порядок. Перуджини начал с допущения, что пистолет и патроны каким-то образом еще до начала убийств покинули круг сардов. Сардинский след был тупиковым и больше их не интересовал. Скептически оценивал инспектор и улики, собранные на местах преступлений, — и возможно, он был прав. Экспертиза на местах преступлений проводилась, вообще говоря, некомпетентно. Только последнее место преступления было должным образом огорожено и охранялось полицией. В остальных случаях люди приходили и уходили, подбирали гильзы, делали снимки, курили и бросали на землю окурки, вытапывали траву и рассеивали повсюду собственные волосы и чешуйки кожи. Большая часть собранных улик — а их было до смешного мало — так и не попала на настоящую экспертизу, а часть их, в том числе тряпка и кое-что еще, — пропала или была испорчена. Следователи, как правило, не брали образцов волос, одежды и крови жертв, чтобы проверить, не связаны ли те с кем-либо из подозреваемых.

Вместо того чтобы заново перерывать улики и перечитывать тысячи страниц протоколов допросов, Перуджини решил раскрыть преступления современным методом — с помощью компьютера. Он был поклонником научных методов, которые использовало ФБР для поимки серийных убийц. Он наконец сдул пыль с компьютера, полученного отделением САМ от министерства внутренних дел, и взялся за работу.

Он ввел в компьютер имена всех мужчин в возрасте от тридцати до шестидесяти лет, проживавших в округе Флоренции и когда-либо задерживавшихся полицией, и дал задачу отобрать имена тех, кто обвинялся в сексуальных преступлениях. Затем Перуджини сравнил сроки их заключения с датами, когда Монстр совершал убийства, выявив тех, кто был в тюрьме, когда Монстр не убивал, и на свободе — когда совершались убийства. Список сократился от тысяч до нескольких десятков человек. И вот в этом изысканном обществе обнаружилось имя Пьетро Паччани — крестьянина, которого обвиняло анонимное письмо, полученное после последнего убийства Монстра.

Затем Перуджини провел еще один компьютерный поиск, проверяя, кто из этих подозреваемых проживал неподалеку от мест, где совершались убийства. И тут снова всплыло имя Паччани — после того как Перуджини включил в определение «в местах или поблизости» практически всю Флоренцию и ее окрестности.

Появление имени Паччани в обоих списках возвратило значение анонимному посланию, доставленному 11 сентября 1985 года и предлагавшему «допросить проживающего в нашем городе Пьетро Паччани, уроженца Веккьо». Таким образом современнейшее средство криминалистики — компьютер сошелся с наиболее древней системой — анонимных доносов. И оба уткнулись в одного человека — Пьетро Паччани.

Пьетро Паччани стал главным подозреваемым Перуджини. Теперь оставалось только собрать против него улики.

Инспектор Перуджини приказал обыскать дом Паччани и обнаружил нечто, в чем увидел новые уличающие свидетельства. Первым из них была репродукция боттичеллиевской «Примавера» — знаменитой картины из галереи Уффици, на которой,

среди прочего, фигурирует языческая нимфа, изливающая из рта цветы. Картина напомнила Перуджини о золотой цепочке между губ одной из первых жертв Монстра. Эта картина так заорожила его, что попала на обложку изданной им впоследствии книги об этом деле, только на книжной репродукции из рта у нимфы изливается не поток цветов, а кровь. Еще подтвердила такую интерпретацию картины вставка из порнографического журнала, найденная на стене кухни Паччани в соседстве с образами Мадонны и святых. На развороте вкладки изображалась обнаженная до пояса женщина, призывно зажавшая в зубах цветок.

Сразу после последнего двойного убийства Монстра Пьетро Паччани попал в тюрьму за изнасилование своей дочери. Для Перуджини это тоже стало важным доказательством. Оно объясняло, почему на протяжении последних трех лет не было убийств. Более всего внимание Перуджини привлекало убийство 1951 года. Оно совершилось рядом с Вискьо, где родился Паччани и где дважды наносил удар Монстр. Внешне оно напоминало преступления Монстра — юная пара предавалась любви в лесу Тассиная, и убийца, прятаящийся в кустах, застрелил их из засады. Девушке, местной красавице, было всего шестнадцать лет, и она была подружкой Паччани. Любовником ее был странствующий коммивояжер, продававший швейные машинки по деревням.

Однако при ближайшем рассмотрении в преступлении обнаружались существенные отличия — оно было грязным, совершено в припадке ярости и без подготовки. Паччани, прежде чем зарезать мужчину, разбил ему голову камнем. Затем он выволок свою подружку на траву и насиловал ее рядом с телом мертвого любовника. Затем он взвалил тело торговца на плечо, чтобы отнести к ближайшему озеру, но не донес и свалил посреди поля. Криминалисты назвали то убийство «неорганизованным» в противоположность «организованным» убийствам Монстра. Собственно, оно было настолько неорганизованным, что Паччани вскоре арестовали и осудили.

Убийство в лесу Тассиная скрывало в себе страсти былых времен. Оно стало, возможно, последней из историй о любви и смерти, увековеченных в народных песнях Тосканы. К тому времени в Тоскане оставался всего один человек, сохранивший искусство «кантастори», или «певца историй» — нечто вроде бродячего менестреля, перелагавшего сюжеты в песни. Альдо Феcci бродил по Тоскане в яркой красной куртке, которую не снимал даже в августовский зной, и распевал свои песни в городках и селениях, поясняя сюжет картинками. Феcci сам сочинял стихи на сюжеты, которые собирал в своих скитаниях: одни были веселыми, скабрёзными, непристойными, в других же повествовалось о ревности и убийствах, о безнадёжной любви и жестокой кровной мести.

Феcci сочинил песню об убийстве в лесу Тассиная и распевал ее по всей северной Тоскане:

Я спою о великой и горькой любви
В городке Вискьо, что в Муджелло.
Там в родительском доме на ферме Иачча
Человек жил жестокий и грубый.
Ты послушай и слезы со щек не стирай!
Двадцать шесть лет лишь было Паччани.
Я спою вам о том, что случилось с ним,
Чтобы кровь ваша в жилах застыла...

Перуджини видел важнейшее доказательство, свидетельствующее против Паччани, в том, что крестьянин рассказывал следователям, как обезумел, увидев, что его милая обнажила перед соблазнителем левую грудь, — именно в этот миг он потерял рассудок. Его рассказ напомнил Перуджини, что у двух убитых женщин была вырезана левая грудь. Он рассуждал так: левая грудь впервые вызвала убийственную ярость Паччани; эта ярость сохранилась у него в подсознании, чтобы проявляться годы спустя в сходных обстоятельствах, когда он видел молодых людей, занимающихся любовью в машине.

Другие указывали, что левая грудь, возможно, просто удобнее захватывается убийцей-правшой — каким, несомненно, был Монстр. Однако, по мнению Перуджини, такое объяснение было слишком простым.

Перуджини отбросил со счетов все прежние реконструкции обстоятельств убийств, в которые не вписывался Паччани. В частности, трудно было представить толстого, коренастого, низкорослого пьяницу-крестьянина ростом пять футов три дюйма убийцей в Джоголи, который целился сквозь полоску окна на высоте пять футов десять дюймов от земли. Еще труднее было представить себе этого неуклюжего крестьянина на месте последнего преступления на поляне Скопети, где убийца сумел догнать двадцатипятилетнего атлета, победителя соревнований в спринте на сто метров. Ко времени преступления на поляне Скопети Паччани исполнилось шестьдесят лет, он страдал сердечными приступами и перенес операцию по коронарному шунтированию. Его медкарта указывала, что у крестьянина сколиоз, больные колени, грудная жаба, эмфизема легких, хроническая инфекция уха, множественное смещение дисков позвоночника, спондилоартроз, гипертония, диабет и полипы в горле и в почках — помимо других немочей.

Другие уличающие «доказательства», обнаруженные в его доме Перуджини и его командой, представляли собой пулю от охотничьей винтовки, две снарядные гильзы времен Второй мировой (одна из них использовалась как цветочная ваза), фотографию молодого Паччани с автоматом, пять ножей, почтовую открытку, отправленную из Каленцано, учетную книгу, на первой странице которой имелся план неизвестно какой дороги, и пачку порнографических журналов. Кроме того, Перуджини допросил нескольких свидетелей, которые отзывались о Паччани как о человеке, склонном к насилию, называли его браконьером, говорили, что на сельских праздниках он не умеет держать при себе руки и постоянно пристает к женщинам.

Однако коронным свидетельством обвинения стала найденная в доме Паччани неприятная картинка. Рисунок изображал большой открытый куб с кентавром внутри. Человеческая половина кентавра была одета в генеральский мундир, в правой руке держала обнаженную саблю, а вместо головы имела череп. Вторая половина была бычьей, причем рога быка переходили в лиру. Это странное существо обладало и мужскими, и женскими половыми органами, а человеческие ноги были в огромных клоунских башмаках. Рядом были нарисованы мумии, походившие на полицейских, и одна из них делала непристойный жест. В углу свернулась кольцами шипящая змея в шляпе. А среди всего этого было главное: семь маленьких крестов, воткнутых в землю и окруженных цветами.

Семь крестов, семь преступлений Монстра.

Рисунок был подписан «Паччани Пьетро» и имел написанное с ошибками название: «Научно-фантастический сон». Главный инспектор Перуджини передал его на психиатрическую экспертизу. Эксперты выдали заключение, что рисунок «сочетается с личностью так называемого Монстра».

К 1989 году Перуджини стянул кольцо вокруг Паччани. Однако для того, чтобы повесить ему на шею ярлык: «Монстр», главному инспектору пришлось бы объяснить, каким образом пистолет, использованный в клановом убийстве 1968 года, оказался в руках Паччани. Инспектор решил проблему наипростейшим способом — он обвинил Паччани и в убийстве 1968 года!

Следственный судья Марио Ротелла с отчаянием наблюдал за деятельностью Перуджини, видя в ней усилия создать Монстра на пустом месте, используя как исходный материал зверский характер Пьетро Паччани. Однако, попытавшись обвинить крестьянина в двойном убийстве 1968 года, для чего не было ни малейших оснований, Перуджини зашел слишком далеко. Это уже был прямой вызов следствию, разрабатывавшему сардинскую версию. Ротелла, как следственный судья, отказался санкционировать обвинение.

У инспектора Перуджини в его преследовании Паччани была двойная поддержка: прокурор Винья и полиция. Карабинеры поддерживали Ротеллу.

Борьба между Винья и Ротеллой, между карабинерами и полицией, наконец стала

явной. Винья возглавил атаку. Он утверждал, что сардинский след — бесполезная версия, основанная на том, что следователи приняли на веру бредовые заявления Стефано Меле. Это был ложный след, уведший следствие в сторону на целых пять лет. Ротелла с карабинерами оказались оправдывающейся стороной. Защищая версию сардинского следа, они попадали в проигрышное положение. Они позволили главному подозреваемому, Сальваторе Винчи, ускользнуть от них после оправдания на Сардинии. Ротелла, со своими высокомерными заявлениями и отсутствием обаяния, совершенно лишился популярности в обществе и в глазах прессы. А Винья стал героем. Да и наконец был сам Паччани — жестокий убийца, насильник дочери, алкоголик, избивавший жену, заставлявший семью питаться собачьим кормом — настоящее чудовище в человеческом облике, с какой стороны ни взгляни. Для очень многих флорентийцев он был если и не самим Монстром, так чем-то очень близким к тому.

Винья победил. Полковник карабинеров, занимавшийся делом Монстра, был переведен из Флоренции на новое место службы, а Ротелла получил приказ закрыть свои досье, подготовить итоговый рапорт и прекратить участие в расследовании. При этом ему было велено очистить всех сардов от подозрений в соучастии в деяниях Монстра.

Карабинеров такой оборот дела привел в ярость. Они официально отстранились от расследования.

— Если однажды, — сказал Специ полковник карабинеров, — настоящий Монстр явится в наши казармы, пусть даже с куском трупа в руках, мы ему скажем: «Обращайтесь в полицию, мы вами больше не занимаемся».

Ротелла подготовил итоговый рапорт. Это был любопытный документ. Он содержал более сотни страниц сухого логичного изложения событий, явно указывающего на вину сардов. В нем подробно описывалось клановое убийство 1968 года, каким образом оно было совершено и кто в нем участвовал. В нем прослеживался вероятный путь «беретты» двадцать второго калибра из Голландии на Сардинию, а затем и в Тоскану, в руки Винчи. В нем выстраивалась убедительная версия, что сарды, замешанные в убийстве 1968 года, знали, к кому попало оружие, и знали, кто стал Флорентийским Монстром. А именно — Сальваторе Винчи.

И вдруг на последней странице он писал: «Р. Q. М. (Per questi motivi⁶) расследование должно прекратить». Он отбрасывал все обвинения и показания против сардов и официально очищал их от подозрений в убийствах Монстра и в убийстве 1968 года. После чего Марио Ротелла отказался от дела и получил пост в Риме.

— Мне ничего другого не оставалось, — сказал он в интервью Специ. — Такой итог оставил горькое чувство у меня и у многих других.

Тогда — как и теперь — было ясно, что Ротелла и карабинеры, несмотря на все их промахи, были, в сущности, на верном пути. Вероятнее всего, Флорентийский Монстр принадлежал к сардинскому клану. Официальное закрытие сардинского следа означало, что следствие может двигаться в любом направлении, кроме верного.

Глава 24

Карабинеры отозвали своих людей из САМ, и особое антимонстровое подразделение было реорганизовано под руководством инспектора Перуджини в полностью полицейское образование. Паччани остался единственным подозреваемым, и они преследовали его во всеоружии. Главный инспектор был убежден, что эндшпиль близок, и полон решимости довести дело до конца.

На дворе был 1989 год, Монстр уже четыре года не совершал убийств. Флорентийцы начинали верить, что полиция в конце концов захватила того, кого следовало. Перуджини

⁶ По изложенным причинам (лат.).

выступил в популярном телешоу и мгновенно стал знаменитостью, когда в конце передачи устремил глаза за тонированными стеклами очков в камеру и проговорил, обращаясь прямо к Монстру:

— Вы не так безумны, как думают люди. Ваши фантазии, ваши импульсы овладели вами и управляют вашими поступками. Я знаю, что даже в эту минуту вы боретесь с ними. Мы хотим, чтобы вы знали: мы постараемся помочь вам преодолеть их. Я знаю, что прошлое научило вас молчанию и подозрительности, но сейчас я вам не лгу и никогда не стану лгать, если вы решитесь освободиться от того Монстра, что жестоко правит вами. — Он выдержал паузу. — Вы знаете, когда, где и как меня найти. Я буду ждать вас.

Эта речь, которую миллионы телезрителей приняли за чудесный экспромт, на самом деле была заранее написана командой психологов. Перуджини выучил ее наизусть. Она была нацелена в первую очередь на Паччани. Известно было, что он будет дома у телевизора. Накануне передачи полиция дала ему отпуск домой в надежде, что он, услышав речь Перуджини, чем-то выдаст себя.

Записи прослушивания были извлечены после программы из дома Паччани и с интересом изучены. Реакция в самом деле наличествовала. Когда Перуджини завершил свое выступление, Паччани разразился потоком брани на тосканском диалекте, столь древнем и забытом, что порадовал бы любого лингвиста. Затем он всхлипнул и на том же диалекте проскулил:

— Хорошо еще, имен не назвал. Ведь я просто бедный невинный неудачник.

Прошло три года. С 1989 по 1992-й расследование Перуджини против Паччани не сильно продвинулось вперед. Они не нашли пахнущего порохом ствола. Трофеи, извлеченные после обыска его дома, разве что тешили фантазии следователей, но никак не позволяли арестовать человека за убийство.

На допросе поведение Паччани сильно отличалось от спокойной собранной манеры братьев Винчи. Он громогласно отрицал каждое слово, врал по пустякам, постоянно сам себе противоречил, разражался рыданиями, твердя, что он бедный невинный человек, жертва несправедливых преследований.

Чем больше лгал и отпирался Паччани, тем более Перуджини утверждался в его виновности.

Как-то утром в начале девяностых годов Марио Spezi, к тому времени ставший писателем на вольных хлебах, заглянул в главное управление полиции повидать старого друга тех времен, когда он был криминальным репортером, в надежде напасть на стоящий сюжет. До него дошли слухи, что несколько лет назад Перуджини и САМ обратились за помощью к ФБР. В результате был составлен секретный профиль Монстра, изготовленный знаменитым отделом исследования человеческой личности в Квонтико. Но никто еще не видел ответа ученых — если таковой существовал.

Знакомый Spezi вышел и вернулся полчаса спустя с какими-то бумагами.

— Я вам ничего не давал, — предупредил он, передавая бумаги Spezi. — Мы даже не встречались.

Speci отправился с папкой в кафе на лоджии пьяцца Кавур. Он заказал пива и стал читать. (Рапорт был любезно переведен на итальянский; я, не сумев достать оригинал, вновь перевожу его на английский.)

Академия ФБР, Квонтико, Виргиния, 22 135.

Запрос о сотрудничестве от государственной
полиции Италии относительно расследования
ФЛОРЕНТИЙСКОГО МОНСТРА

FRM-GCM FBIQ OO: FBINQ

Нижеследующий анализ произведен специальными агентами
Джоном Т. Данном-мл., Джоном Галиано, Мэри Эйлин О'Тул,
Фернандо М. Риверой, Ричардом Робли и Франсом Б. Вагнером
под руководством ответственного специального агента

Рональда Вокера и другими сотрудниками
Национального центра аналитики насильственных преступлений.
2 августа 1989.
Флорентийский Монстр/наше досье 163А-3915

«Просим учесть, — осторожно предваряли анализ американские эксперты, — что прилагаемый анализ основан на материалах, предоставленных вашей службой, и не может считаться заменой полного и тщательного расследования, как не следует считать его и всеохватным и неоспоримым».

В докладе сообщалось, что Флорентийский Монстр — не уникальное явление. Этот тип серийных убийц известен ФБР, и на них имеется база данных: одинокие мужчины, импотенты, с патологической ненавистью к женщинам, удовлетворяющие свое либидо посредством убийств. Сухим языком, излюбленным юридическими службами, рапорт ФБР перечислял вероятные характеристики Монстра, объяснял его вероятные мотивы и обсуждал средства и причины совершаемых убийств: каким образом он выбирает жертву, что делает с частями тел и даже где проживает и есть ли у него собственная машина.

Специ читал как зачарованный. Ему все яснее становилось, почему рапорт остался под спудом: в нем рисовали портрет убийцы, вовсе не похожего на Пьетро Паччани.

В докладе утверждалось, что Монстр выбирает место, а не жертву, и убивает в местах, которые ему хорошо знакомы.

«Агрессор, по всей вероятности, осуществляет наблюдение за жертвами, пока те не переходят к какой-либо форме сексуальной активности. Именно этот момент агрессор выбирает для нападения, пользуясь преимуществом внезапности, скорости и оружия, способного мгновенно подавить сопротивление жертв. Такой метод обычно указывает на сомнения агрессора в своей способности справиться с жертвами, ощущающего свою несостоятельность для общения с живыми жертвами и неспособность встретиться с ними непосредственно.

Агрессор, использующий внезапность нападения, разряжает оружие с близкого расстояния, начиная с жертвы мужского пола, нейтрализуя, таким образом, более опасного противника. Когда мужчина нейтрализован, агрессор чувствует в себе достаточно уверенности, чтобы перенести атаку на женщину. Большое количество выстрелов указывает на желание агрессора удостовериться, что обе жертвы скончались до начала посмертного увечья жертвы женского пола. Такова истинная цель агрессора: мужчина воспринимается только как препятствие, которое следует устранить».

Согласно докладу ФБР Монстр действовал в одиночку. В докладе сообщалось, что убийца, возможно, привлекался к суду, но только по таким поводам, как поджог или мелкое воровство. В обычной жизни он не проявлял жестокости и не совершал серьезных насильственных преступлений. Не был он и насильником.

«Агрессор — личность незрелая и неадекватная в сексуальном отношении, и имел немногочисленные половые контакты только в группе себе подобных». Предполагалось, что причиной таинственного перерыва в убийствах от 1974 до 1981 года было, возможно, отсутствие убийцы во Флоренции в течение этого периода.

«Агрессора точнее будет назвать лицом с заурядным интеллектом. Он, возможно, окончил среднюю школу или ее эквивалент в итальянской системе образования. Он имеет опыт физической работы».

Далее следовало: «Агрессор в годы совершения преступлений предположительно проживал один в рабочем квартале. И имел собственный автомобиль».

Но самая интересная, даже на сегодняшний день, часть касалась стиля преступлений, «подписи», как называет его ФБР.

«Обладание и ритуал для такого рода агрессоров очень важны. Этим объясняется, почему жертва-женщина обычно переносилась на несколько метров от машины, где оставался ее спутник. Необходимость в обладании как в разыгрываемом агрессором ритуале выдает ненависть, направленную на женщин вообще. Извлечение половых органов жертвы

выражает неадекватность агрессора или его отвращение к женщинам».

Доклад ФБР отмечал, что этот тип агрессора часто стремится контролировать следствие посредством прямого или неофициального контакта с полицией, представляясь осведомителем, посылая анонимные письма или контактируя с прессой.

Одна глава рапорта ФБР касалась так называемых «сувениров» — частей тела и, возможно, мелких вещей, которые Монстр уносил с места преступления.

«Эти предметы собираются как сувениры и в течение определенного времени помогают агрессору оживить событие в его фантазиях. Они хранятся долго, а когда надобность в них иссякает, часто возвращаются на место преступления или на могилу жертвы. Иногда — сухо отмечал доклад, — агрессор, для удовлетворения либидо, может поедать части тел жертв для завершения акта обладания».

Один абзац был посвящен письму с вложенным куском женской груди, присланному прокурору Сильвии делла Моника.

«Письмо может указывать на попытку агрессора высмеять полицию, что предполагает, что для него важна публичность и внимание к его делу, а также указывает на возрастающее в нем чувство безопасности».

Что касается использованного при убийстве пистолета, доклад говорил, что «для него пистолет, возможно, является фетишем». Использование одного и того же оружия и патронов из одной коробки относились к ритуальной природе убийств. Возможно, ритуал включал и особую одежду и другие аксессуары, использовавшиеся только при убийствах и тщательно спрятанные в другое время.

«Общее поведение агрессора на месте преступления, в том числе использование определенных аксессуаров и инструментов, предполагают, что ритуальная составляющая убийства для него настолько важна, что он вынужден повторять нападения в том же стиле, пока не достигнет удовлетворения».

Все это никак не подходило Паччани, поэтому рапорт ФБР проигнорировали и забыли.

За три года, от 1989 до 1992-го, Перуджини и его следователи все больше досадовали на недостаток улик для обвинения против Паччани. Кончилось тем, что они решили организовать обширный двенадцатидневный обыск жалкого крестьянского домика и участка.

В апреле 1992 года Перуджини со своими людьми предпринял самый продолжительный и технологичный обыск за всю историю Италии. С 9:50 утра 27 апреля до полудня 8 мая 1992 года вооруженная до зубов бригада отборных следователей обыскивала халупы и садик Паччани: они дюйм за дюймом просматривали стены, простукивали камни мощеных дорожек, заглядывали в каждую щель и в любую дырку, во все шкафы, переворачивали мебель, кровати, диваны, тумбочки и секретеры, одну за другой поднимали черепицы на крыше, раскопали землю в саду чуть не на три фута вглубь и прощупали ультразвуком каждый квадратный миллиметр садовой земли.

Пожарные прошли по участку, применяя свои профессиональные знания. Представители частных фирм применяли металлоискатели и установки, реагирующие на тепло. Техники усердно фиксировали на пленку все стадии обыска. Под рукой был врач, наблюдавший за состоянием здоровья Паччани, поскольку опасались, что у впечатлительного крестьянина во время обыска начнется сердечный приступ. Доставили и специалиста по «диагностике архитектуры», умеющего найти места, где, казалось бы, в сплошной стене могут скрываться ниши и пустоты.

В 5:56 вечера 29 апреля, когда утомленные полицейские готовы уже были прекратить обыск (под небом, сулившем дождь), обнаружилась находка. Руджеро Перуджини впоследствии описал этот миг триумфа в своей книге «Вполне нормальный человек» (в той книге, где на обложке был воспроизведен шедевр Боттичелли с нимфой, изрыгающей кровь).

«В меркнувшем свете дня я уловил едва заметный блеск в земле», — писал инспектор.

Это оказалась совершенно окислившаяся гильза патрона «винчестер» серии «Н». На основании не видно было приметного следа от бойка. Однако удалось определить, что патрон побывал в магазине оружия. Баллистическая экспертиза выдала заключение, что

«нельзя исключить», что патрон побывал в пистолете Монстра. Далее, чем «нельзя исключить», они не пошли, хотя (как признавался позже один из экспертов) на них оказывалось беспощадное давление.

Этого хватило. Паччани арестовали 16 января 1993 года, объявив его Флорентийским Монстром.

Глава 25

Суд над Пьетро Паччани начался 14 апреля 1994 года. Зал суда был полон зрителей, разделившихся на убежденных в его виновности и утверждавших, что он невиновен. Девушки щеголяли в футболках с английской надписью «Я (сердечко) Паччани». В зале собралась толпа фотографов, кинематографистов и журналистов. В центре их, рядом со своим покровителем главным инспектором Руджеро Перуджини, находился писатель Томас Харрис.

Суд — идеальный спектакль: строго размеченные антракты, замкнутое помещение, декламация участников, расписанные роли. Прокуроры, адвокаты, судьи, обвиняемый. Но из суда над Паччани спектакль вышел — хуже некуда. Это была мелодрама, достойная Пуччини.

Крестьянин все заседание раскачивался на месте и всхлипывал, порой вскрикивая на старом тосканском диалекте: «Я невинный ягненок!.. Я здесь, как Иисус на Кресте!» Временами он поднимался во весь свой малый рост, вытаскивал из кармана иконку «Святого Сердца» и размахивал ею перед лицами судей, пока председатель суда, ударив молотком, не приказывал ему сесть. А то он впадал в ярость, лицо его разгоралось, слюна брызгала с губ, когда он проклинал свидетеля или призывал муки ада на голову самого Монстра, взывал к Господу, сложив молитвенно руки и возведя очи и вопя: «Сожги его в вечном аду!»

На четвертый день суда Специ выдал первую большую статью. Основной уликой против Паччани был его жутковатый рисунок — с кентавром и семью крестами, — в котором психологи нашли черты, «сопоставимые» с личностью Монстра. Сам рисунок не был предъявлен суду, однако Специ сумел раздобыть его фотокопию в прокуратуре. Ему понадобилось всего несколько дней, чтобы найти истинного автора: пятидесятилетнего чилийского художника Кристиана Оливареса, изгнанного в Европу в эпоху Пиночета. Оливарес, услышав, что его творение используют как улику против серийного убийцы, впал в ярость.

— На этом рисунке, — сказал он Специ, — я стремился передать гротесковый ужас диктатуры. Нелепо утверждать, что это — работа психопата. Это все равно что, взглянув на «Бедствия войны» Гойи, утверждать, что он был безумец, чудовище, которое следовало держать под замком.

Специ позвонил Перуджини.

— Завтра, — сказал он главному инспектору, — моя газета опубликует статью с сообщением, что рисунок, который вы приписываете Паччани, нарисован не им, а чилийским художником. Хотите сделать комментарии?

Статья вызвала всеобщее смущение. Главный прокурор, Винья, пытался принизить значение рисунка.

— Средства массовой информации раздули его значимость, — сказал он.

Другой прокурор, Паоло Канесса, попытался свести ущерб к минимуму, напоминая, что «Паччани подписался под этим рисунком и говорил кое-кому из друзей, что это его сон».

Суд тянулся полгода. В углу зала блестели объективы камер, наведенных на Паччани и свидетелей обвинения. Увеличенное изображение подавалось на экран на левой стене зала, чтобы даже те, кому достались плохие места, могли следить за ходом драмы. Каждый вечер самые острые моменты заседаний транслировались по телевидению, привлекая множество телезрителей. Ко времени ужина все собирались у телевизоров, следя за перипетиями драмы, поставленной лучше, чем иная мыльная опера.

Кульминация наступила, когда на место свидетеля вызвали дочерей Паччани. Вся Италия прилипла к телевизорам, ожидая их показаний.

Флоренция никогда не забудет этого зрелища. Две дочери — одна из них ушла в монастырь, — плача, с мучительными подробностями рассказывали, как отец насиловал их. На глазах у всех возникла картина сельской жизни Тосканы, ничуть не похожая на те, что рисовались в фильме «Под солнцем Тосканы». Показания разоблачали жизнь семьи, где женщины подвергались унижениям, пьяным оскорблениям, побоям палкой и сексуальному насилию.

— Он не хотел дочерей, — плача, говорила одна из них. — У мамы однажды был выкидыш, и он узнал, что это был бы мальчик. Он сказал нам: «Лучше бы вы обе умерли, а он жил». Однажды он заставил нас есть мясо сурка, которое соскреб со шкурки. Он бил нас, если мы не хотели ложиться с ним в постель.

Все это не имело никакого отношения к Флорентийскому Монстру. Когда вопросы обратились к этой теме, дочери не смогли предоставить ни единого порочащего факта — они не видели ни оружия, ни пятен крови, не слышали ничего подозрительного в его ночной пьяной болтовне — ничего, что могло бы связать их отца с Флорентийским Монстром.

Прокурор подытожил скудные свидетельства обвинения. Суду были представлены пуля и тряпка. На видном месте была выставлена пластмассовая мыльница, найденная в доме Паччани, — мать одного из убитых сказала, что похожая была у ее сына. Суду была предъявлена фотография боттичеллиевской нимфы и следом — увеличенный снимок убитой девушки с золотой цепочкой во рту. Уликой сочли и пачку бумаги для зарисовок германского производства, найденную в доме обвиняемого: родственники убитой пары немцев сказали, что у парней могла быть такая же.

Паччани твердил, что нашел этот хлам за много лет до убийства, и заметки, накарябанные им на бумаге, явно подтверждали его правдивость, так как относились к датам до убийства.

Прокурор объявил, что коварный обвиняемый мог сделать эти заметки позднее, чтобы отвести подозрения (Специ в своей статье указал, что еще проще было бы бросить уличающую его бумагу в печь.)

Среди свидетелей были старые приятели Паччани по Каса де Пополо — этот клуб построили коммунисты, и в нем собирались рабочие из Сан-Кашано. Эти друзья были большей частью сельские простаки, невежественные, со следами пьянства и разврата на лицах. Среди них был туповатый бывший почтальон из Сан-Кашано по имени Марио Ванни, прозванный односельчанами Торсоло — «яблочный огрызок», — иначе говоря, та часть яблока, которая уже никуда не годна и ее впору выбросить.

Ванни стоял перед судом смущенный и напуганный. В ответ на первый вопрос (ваше теперешнее занятие?) он без устали твердил одно и то же, что он, да, знаком с Паччани, но только по «пикникам» и не более того. Как видно, опасаясь сбиться, бывший почтальон заучил одну фразу и ею отвечал на все вопросы, и важные, и пустые. «Eravamo compagni di merende» — «Мы были друзьями по пикникам».

«Друзья по пикникам». Несчастный почтальон ввел в оборот фразу, которая вошла в итальянский язык. «Друзья по пикникам» — «compagni di merende» стало разговорным выражением, означающим знакомство под невинным предлогом, прикрывающим темные и тайные преступления. Фраза стала столь популярной, что удостоилась статьи в итальянской версии «Википедии».

— Мы были друзьями по пикникам, — упрямо повторял Ванни на каждый вопрос, упершись подбородком в грудь и стреляя глазами по просторному залу суда.

Прокурор все больше раздражался. Дальше Ванни стал отрицать и то, что прежде говорил на допросах. Он отрицал, что охотился вместе с Паччани, отрицал сделанные им же заявления и наконец отказался от всего, заявил, что знать ничего не знает, что они с Паччани дружки по пикникам и только. Председатель суда наконец вышел из терпения.

— Синьор Ванни, ваше поведение у нас называется умолчанием, и если вы будете

продолжать в том же духе, вас привлекут к ответственности за лжесвидетельство.

Ванни продолжал скулить:

— Но мы же просто друзья по пикникам!

Зал разразился хохотом, и председатель грохнул молотком по столу.

Его поведение на свидетельском месте навело на подозрения офицера полиции Микеле Джуттари, позже ставшего преемником Перуджини на посту главного инспектора по делу Монстра. Перуджини был вознагражден за поимку Монстра (читай, Паччани) почетнейшим назначением, его направили в Вашингтон налаживать связь итальянской полиции с ФБР.

Джуттари предпочел бы перевести расследование дела Монстра на новый, умозрительный уровень. Пока он наблюдал со стороны, присматривался, прислушивался и составлял собственные версии преступлений.

В ходе суда наступил день, который итальянцы называют «твист» — крутой поворот, тот момент, когда какой-нибудь Перри Мейсон приводит в суд ключевого свидетеля и решает судьбу обвиняемого. В деле Паччани таким свидетелем стал человек по имени Лоренцо Неси, тощий вкрадчивый тип с прилизанными волосами и радужными линзами очков, в расстегнутой рубашке, из-под которой на волосатую грудь свешивалась золотая цепочка. Этот умелый говорун был большим любителем мимолетных связей с женщинами. То ли из стремления привлечь к себе внимание, то ли из желания попасть на первые страницы газет, Неси стал настоящим «серийным свидетелем», внезапно возникающим в самый подходящий момент и вдруг вспоминающим события, похороненные за давностью лет. То выступление было его дебютом: впереди их было еще много.

Первым делом Неси по собственному почину заявил, что Паччани хвастался ему, будто ходит по ночам стрелять куропаток из пистолета. Это стало еще одним неопровержимым свидетельством против Паччани, поскольку доказывало, что крестьянин, уверявший, что у него нет пистолета, его все-таки имел — и, несомненно, «тот самый».

Через двадцать дней Неси внезапно припомнил еще кое-что.

В субботний вечер 8 сентября 1985 года, предполагаемое время убийства французских туристов, Неси возвращался из поездки, и ему пришлось сделать крюк мимо поляны Скопети, поскольку автострада Флоренция — Сиена, по которой он обычно ездил, была перекрыта дорожными работами. (Эта дорога вспомнилась в следующие выходные.) Примерно от половины десятого до половины одиннадцатого вечера, говорил Неси, он находился в километре от поляны Скопети и остановился, чтобы пропустить «форд фиеста». Машина была розовой или красной, и он на девяносто процентов уверен, что за рулем был Паччани. Рядом сидел еще кто-то, незнакомый.

Почему он не сообщил об этом десять лет назад?

Неси ответил, что в то время он был уверен лишь на семьдесят или восемьдесят процентов, а доносить надо только о том, в чем ты совершенно уверен. Однако теперь его уверенность возросла до девяноста процентов, и он решил, что этого достаточно для доноса. Судья похвалил его за такую щепетильность.

Трудно было представить, чтобы Неси, мелкий торговец свитерами, мог ошибиться в цвете. Однако цвет машины Паччани он перепутал — она была не розовой и не красной, а абсолютно белой. (Возможно, Неси вспомнился красный «альфа-ромео», описанный свидетелями, показания которых помогли составить пресловутый фоторобот.)

Так или иначе, показания Неси доказали, что Паччани в ночь на воскресенье находился в километре от поляны Скопети, и этого оказалось достаточно, чтобы решить его судьбу. Судьи уверились в виновности Паччани и вынесли ему четырнадцать пожизненных приговоров. По мнению судей, ошибка Неси объяснялась тем, что ночью в отражении задних фар белая машина выглядела красноватой. По делу 1968 года Паччани оправдали, поскольку прокурор не представил никаких улик, связывавших его с тем преступлением, помимо факта, что оно было совершено из того же оружия. Судьи не задавались вопросом, каким образом Паччани, не имевший отношения к тому убийству, обзавелся тем же пистолетом.

В 7:02 утра 1 ноября 1994 года председатель суда начал зачитывать вердикт. Все

национальные телепрограммы Италии прервали свои передачи для трансляции этого события.

«Виновен в убийстве Паскале Джентилкоре и Стефании Петтини, — декламировал судья, — виновен в убийстве Джованни Фогги и Кармелы де Нуччо, в убийстве Паоло Маинарди и Антонеллы Мильориини, виновен в убийстве Фридриха Вильгельма Мейера и Уве Йенса Рюша, виновен в убийстве Жан-Мишеля Кравешвили и Надин Марио...» Когда громовый голос судьи прогрехотал последнее «виновен», Паччани положил руку на сердце, закрыл глаза и пробормотал: «Невиновным умираю».

Глава 26

Холодным февральским днем 1996 года Марио Spezi проходил через маленькую пьяццу, направляясь к казармам карабинеров в деревне Сан-Кашано. Он задыхался, и не только из-за бесчисленных выкуренных им сигарет — на нем был тяжелое неуклюжее пальто безвкусной расцветки, изукрашенное молниями, поясками и пуговицами, нашитыми исключительно ради того, чтобы отвлечь внимание и скрыть аппаратуру. Маленькая пуговка под воротником скрывала в себе микрофон. Под нелепым пластиковым ярлычком на груди пряталась видеокамера. Между наружной стороной и подкладкой проложены были провода и батарейки магнитофона. Электронная аппаратура, спрятанная в подбивке, не выдавала себя ни малейшим жужжанием. Техники с телестанции привели ее в действие в церкви Коллегиата ди Сан-Кассиано, укрывшись за каменной колонной между исповедальней и баптистерием. В церкви не было никого, кроме хромой старухи, преклонившей колени на молитвенном возвышении перед лесом пластмассовых свечей, разгонявших мрак электрическим сиянием.

За два года, прошедших после осуждения Паччани, Spezi написал множество статей, высказывая в них сомнения в его виновности. Но эта сенсация обещала быть вершиной всех прежних.

Видеокамера была заряжена на час работы. За эти шестьдесят минут Spezi предстояло разговорить Артуро Минолити, маршала карабинерской казармы в Сан-Кашано. Он должен был убедить офицера рассказать правду о находке патрона на огороде у Паччани. Минолити в качестве представителя местных карабинеров присутствовал при двенадцатидневном обыске, причем только он из всех, засвидетельствовавших находку, не был связан с САМ и полицией.

Speci всегда с глубоким предубеждением относился к такому стилю журналистской работы и часто клялся никогда подобным не заниматься. Это была грязная работа — вытряхивать из человека сенсацию. Но перед входом в казарму, где ждал его Минолити, все его предубеждения испарились, как святая вода с кончика пальца. Тайная запись разговора с Минолити была, возможно, единственным способом добыть правду или по крайней мере часть ее. Ставка была высока: Spezi не сомневался, что Паччани невиновен и что правосудие совершило огромную несправедливость.

Speci остановился перед входом, развернувшись так, чтобы нашивка на его груди засняла надпись: «Карабинеры». Нажал звонок и стал ждать. Где-то лаяла собака, ледяной ветер обжигал лицо. Он ни на минуту не задумывался о риске разоблачения. Желание раздобыть сенсацию внушило ему ощущение неуязвимости.

Дверь открыл человек в синей форме, с настороженным взглядом.

— Я — Марио Spezi. Я договорился о встрече с маршалом Минолити.

Его оставили в маленькой комнатке, где он успел выкурить еще одну сигарету. Со своего места Spezi видел пустой кабинет мелкого чиновника, из которого надеялся вытянуть истину. Он заметил, что стул у письменного стола, который предстояло занять Минолити, стоял справа, и вычислил, что в объектив камеры, скрытой на левой стороне его груди, попадет только стена. Он напомнил себе, как только усядется, непринужденным движением развернуть стул, чтобы заснять офицера, когда тот начнет говорить.

«Ничего не выйдет, — подумал Spezi, вдруг засомневавшись в себе. — Все это похоже на голливудский фильм, и только шайка взбалмошных телевизионщиков способна поверить, что такое пройдет».

Появился Минолити. Высокий, лет сорока. Готовый костюм и дымчатые очки в золотой оправе, безуспешно скрывающие интеллигентность лица.

— Простите, что заставил вас ждать.

Специ разработал план, как навести его на нужную тему. Он рассчитывал сломить сопротивление собеседника, возвав к совести защитника законности, и немножко сыграть на его тщеславии, если таковое обнаружится.

Минолити указал ему на стул. Spezi взялся за спинку и легким неприметным движением переставил его. Он сел лицом к маршалу и положил перед собой на стол сигареты и зажигалку. Он был уверен, что сейчас Минолити попадает в объектив камеры.

— Простите, что побеспокоил вас, — неуверенно начал он, — но завтра я встречаюсь в Милане со своим редактором и ищу материалы по Флорентийскому Монстру. Мне нужно что-то новое, по-настоящему новое. Вы лучше меня знаете, что все за и против уже высказаны, и никому больше нет до него дела.

Минолити заерзал на стуле и покрутил головой. Он отвел взгляд от Spezi, глянул в окно и снова на журналиста. В конце концов он нервно закурил.

— Что вы хотите знать? — спросил он, выдувая дым из ноздрей.

— Артуро, — начал Spezi, доверительно склоняясь к нему, — Флоренция — маленький город. Мы с вами вращаемся в одних и тех же кругах. До нас доходят одни и те же слухи, иначе и быть не может. Извините меня за прямоту, но, кажется, следствие против Паччани вызывало у вас сомнения. Серьезные сомнения...

Маршал подпер подбородок ладонями и, молча, пожевал губами. Затем слова хлынули словно бы с облегчением:

— Ну, да... В том смысле, что... Короче, бывают странные совпадения, на них не обращаешь внимания. Если совпадение случается во второй раз, можно его не заметить. Но третье совпадение — это уже не совпадение. Так вот, совпадений, или странных случайностей, там было много.

Сердце Spezi под линзами телекамеры забилось быстрее.

— Что вы имеете в виду? Что-то не так в следствии?

— Ну, да. Видите ли, я уверен, что Паччани виновен. Но мы обязаны были это доказать. Не годится срезать углы.

— То есть?

— То есть... К примеру, та тряпка. Это просто бессмыслица какая-то, вот что я вам скажу.

Тряпка, о которой он говорил, была важной уликой против Паччани. Через месяц после суперобиска на участке, где нашли патрон, Минолити получил анонимную посылку. В ней была пружина возвратного механизма пистолета, завернутая в тряпку, с запиской, написанной печатными буквами:

Это — часть оружия Флорентийского Монстра. Она лежала в стеклянной банке, переставленной (кто-то нашел ее до меня) под дерево в Луциано. Паччани часто там гулял. Паччани — дьявол, я хорошо его знаю. И вы его тоже знаете. Накажите его, и Бог вас благословит, потому что он не человек, а зверь.

Спасибо.

Все выглядело довольно странно с самого начала. А чуть позже, во время нового обыска в саду Паччани, агент САМ нашел обрывок той же тряпки, пропущенный кем-то при двенадцатидневном обыске. Когда два обрывка сложили, они точно подошли друг к другу.

Перуджини выдвинул теорию, что Монстр мог собственноручно отправить посылку в бессознательной попытке обвинить себя.

— С этой тряпкой не все чисто, — сказал Минолити, поворачиваясь к скрытой на

Специ телекамере. — Когда ее нашли, меня не вызывали. Предполагалось, что вся операция проводится совместно САМ и карабинерами Сан-Кашано. Но меня не вызвали в тот раз, когда нашли тряпку. Говорю вам, грязная это тряпка. Мы уже побывали в гараже и нашли много кусков ткани, забрали их и переписали. Той тряпки там не было.

Специ, чтобы сдержать волнение, закурил еще одну сигарету. Это была первоклассная сенсация, а ведь они еще даже не дошли до пули, найденной в саду.

— Как по-вашему, откуда взялась эта тряпка?

Карабинер развел руками.

— Я не знаю. Меня там не было. В том-то и дело. И потом, кто прислал эту пружину? Из всех частей оружия только эту невозможно идентифицировать с одним-единственным пистолетом. И прислали именно ее.

Специ решил подвести его к теме найденной пули:

— А патрон? С ним тоже не все чисто?

Минолити глубоко вздохнул и несколько секунд молчал. Повернулся и решительно начал:

— Меня просто бесит, как был найден этот патрон. Мне совершенно не нравится, что главный инспектор Перуджини поставил нас в такую ложную ситуацию...

Специ только и оставалось, что сохранять спокойствие, как ни колотилось у него сердце.

— Мы были в саду Паччани, — продолжал маршал, — я, Перуджини и еще двое агентов его бригады. Те двое отскребали грязь с подошв о цементную подпорку для виноградных лоз, лежавшую на земле, и смеялись, что у них совсем одинаковые ботинки. В какой-то момент у самой подошвы одного из их ботинок обнаружилось основание патрона.

— Однако, — перебил Специ, заботясь, чтобы в записи осталось ясное изложение дела, — Перуджини в своей книге описывает находку совсем иначе?

— Именно! Он пишет, что патрон блеснул в луче света. Какой там луч! Ну, может, он хотел немного приукрасить находку.

Специ спросил:

— Минолити, они его подложили?

Маршал помрачнел.

— Это всего лишь предположение. Даже чуть больше, чем предположение... Я не скажу, что уверен... Я невольно думаю об этом. Это почти уверенность...

— Почти уверенность?

— Да. Потому что в свете фактов я не нахожу другого объяснения... И, я вам скажу, когда Перуджини написал, как там блеснул луч света, меня, право, мороз пробрал. Я говорю: «Главный инспектор, вы меня не уважаете. Что со мной будет, если я расскажу иначе?» Я что хочу сказать: кому из нас поверят судьи? Маршалу или главному инспектору? С определенного момента мне пришлось поддерживать его версию.

Специ чувствовал себя так, словно снимал фильм, претендующий на «Оскар». Исполнитель играл безупречно, и его легкий миланский акцент придавал сцене как раз нужный колорит. Журналист видел, что пленки хватит еще на пятнадцать минут. Приходилось торопиться.

— Артуро, они его подложили?

Минолити маялся.

— Я не могу верить, что мои коллеги, мои друзья...

Специ не мог больше терять времени.

— Ладно, я вас понимаю. Но если на мгновение забыть, что это ваши друзья, которых вы знаете много лет, — факты говорят о том, что патрон туда подложили?

Минолити застыл как каменный.

— Логически рассуждая, да. Я должен сказать, что его подложили. Я пришел к заключению, что некоторые улики дурно пахнут: патрон, пружина и тряпка. — Минолити продолжал говорить негромко, будто сам с собой. — Я оказался в чрезвычайно сложной

ситуации... Они поставили мой телефон на прослушивание... Я боюсь... Действительно боюсь.

Специ нужно было выяснить, не говорил ли он об этом с кем-то, кто мог бы подтвердить его подозрения.

— Вы никому не рассказывали?

— Я говорил с Канессой.

Канессой звали одного из прокуроров.

— И что он ответил?

— Ничего.

Через несколько минут Минолити прощался со Специ у двери казармы.

— Марио, — попросил он, — забудьте, что я вам наговорил. Я просто выпускал пар. Я рассказал вам, потому что я вам доверяю. Но ваши коллеги... Прежде чем впустить их сюда, я приказал бы их обыскать.

Чувствуя себя негодяем, Специ перешел площадь и пошел по мостовой, едва не задев левым плечом стены домов, напряженно выпрямив плечи. Он уже не замечал холодного ветра.

«Боже мой, — думал он, — сработало!»

Он вошел в местный «Каса дель Пополо», где народ с телеканала ждал его, попивая пиво. Пробравшись к ним за стол, он молча сел. Он ощущал на себе их взгляды. Он продолжал молчать, и они ни о чем не спрашивали. Все каким-то образом поняли, что результат есть!

Позже, тем же вечером, собравшись за ужином после просмотра записи с Минолити, они позволили себе предаться эйфории. Сенсация века! Специ жалел, что ничего не подозревавшему маршалу Минолити придется попасть между жерновов. Но, говорил он себе, ради истины приходится идти на жертвы.

На следующий день крупное итальянское агентство новостей АНСА, услышав о записи, прокутило отрывок из нее. Сразу после передачи Специ позвонили с трех телевизионных каналов, приглашая на интервью. Перед передачей новостей Специ развалился на диване с пультом управления в руке, чтобы полюбоваться, как будет подана эта новость.

В эфир не попало ни слова. На следующее утро так же промолчали газеты — ни строчки. «Раи тре», национальный телеканал, устроивший запись интервью с Минолити, вырезал этот фрагмент.

Ясно, что кто-то, обладавший властью, заставил всех молчать.

Глава 27

В Италии человеку, осужденному на пожизненное заключение, автоматически предоставляется право апелляции в суде ассизе с новым прокурором и новым судебским составом. В 1996 году, через два года после приговора, дело Паччани поступило на апелляцию в суд ассизе. Главным прокурором был Пьеро Тони, венецианский аристократ, любитель классической музыки, с лысиной, окруженной венчиком волос, свисавших на воротник. Председателем суда был пожилой представительный Франческо Ферри, юрист с долгой и достойной карьерой. Пьеро Тони не был заинтересован в подтверждении приговора Паччани, ему не приходилось спасать лицо. Одна из сильных сторон итальянской юрисдикции — процесс апелляции, при котором никто из прежних участников суда — ни прокурор, ни судьи — не могут свести счеты. Тони бесстрастно и объективно рассмотрел предъявленные Паччани обвинения и улики против крестьянина.

Он был ошеломлен.

— Следствие, — сказал он суду, — не будь оно столь трагичным, напоминает историю про «Розовую Пантеру».

Вместо того чтобы обвинять Паччани, Тони воспользовался своим выступлением на

суде для критики расследования и опровержения доказательств, разбирая их с беспощадной логикой одно за другим и не оставив от обвинения камня на камне. Адвокаты Паччани, видя, что обвинение узурпировало все их аргументы, просто сидели в изумленном молчании, а когда пришла их очередь выступать, восторженно согласились со стороной обвинения.

Ход суда породил панику и напряженность среди следователей. Учитывая, что сам прокурор объявил Паччани нешшовным, крестьянина, разумеется, должны были оправдать, а для полиции это стало бы невыносимым унижением и потерей авторитета. Надо было что-то делать — и делать это пришлось главному инспектору Микеле Джуттари.

За шесть месяцев до того, в конце октября 1995 года, главный инспектор Джуттари получил в свое распоряжение солнечный кабинет, откуда с высоты открывался вид на реку Арно и американское консульство. Он принял дело Флорентийского Монстра у главного инспектора Перуджини, отбывшего в Вашингтон. «Сквадра Анти-Мостро» распустили, считая дело раскрытым, однако Джуттари вскоре предстояло восстановить эту особую следственную группу с прежними целями. Между тем он совершил геркулесов подвиг, перечитав все материалы дела: десять тысяч листов, в том числе сотни допросов свидетелей, массу отчетов экспертизы и технического анализа, а также все протоколы суда. Кроме того, он перебрал сейфы с вещественными доказательствами, изучая все, что было подобрано на местах преступлений, каким бы незначительным ни казался предмет.

Главный инспектор Джуттари обнаружил много пропущенных деталей и глубоких нераскрытых тайн. При этом он пришел к судьбоносному выводу: дело вовсе не было раскрыто. Никто, даже Перуджини, не представлял полномасштабной картины этого дела.

Микеле Джуттари был сицилийцем из Мессины: рисковым и красноречивым, вдохновленным романистом и знатоком сложных теорий заговоров. Он расхаживал повсюду с половинкой сигары «Тоскано» во рту, подняв воротник плаща, откинув назад густые блестящие черные волосы. Он поразительно напоминал Аль Пачино в фильме «Лицо со шрамом», и в самом деле, в его повадке и стиле просматривалось нечто киношное. Словно он все время чувствовал наведенную на него камеру.

Перебирая досье, Джуттари обнаружил важный, но не замеченный следствием ключ, указывавший, по его мнению, на нечто куда более зловещее, чем одиночный серийный убийца. Начал он с заявления Лоренцо Неси, что тот в воскресную ночь в километре от места убийства видел в красной машине (которая на самом деле была белой) с Паччани еще кого-то. Джуттари объявил охоту на эту таинственную личность. Кто это был? Что делал в машине? Участвовал ли в убийстве? Открыв правду — истинную правду, — Джуттари, нечего и говорить, оказал бы себе немалую услугу. Перуджини использовал дело Монстра как ступень для хорошего карьерного продвижения, как, впрочем, и Винья. Дело Монстра скрывало в себе большие возможности.

Теперь, через полгода, нависшее над инспектором оправдание Паччани грозило разрушить все его новорожденные теории и тщательно разработанные планы. Главному инспектору предстояло каким-то образом приглушить оправдание Паччани. Он составил план.

Утром 5 февраля 1996 года главный прокурор Пьеро Тони потратил четыре часа на заключительную речь. Дело против Паччани, говорил он, не содержит ни улики, ни свидетельств, ни доказательств. Ни часть пистолета, ни патрон, подброшенный к нему на участок, не связывали его с убийством, и ни один из свидетелей не внушал доверия. Дело было дутым. С точки зрения Тони оставался темным главный факт обвинения: следствие не сумело объяснить, каким образом пресловутая «беретта» двадцать второго калибра, использованная в убийстве 1968 года, перешла из рук сардов в руки Паччани.

— Две половины улики не составляют целой, — громыхал Тони. — Они дают в итоге нуль!

12 февраля адвокаты Паччани, которым после выступления обвинения нечего было добавить, коротко подвели итог. На следующий день Ферри со своими коллегами удалились на обсуждение.

В тот самый день главный инспектор Джуттари надел свой черный плащ, поднял ворот, зажал в зубах половинку «Тоскано» и собрал своих людей. Их машины без особых значков вылетели от здания главного полицейского управления и понеслись к Сан-Кашано, где окружили дом Марио Ванни — бывшего почтальона, который так невразумительно говорил на первом суде и называл себя и Паччани «друзьями по пикникам».

Джуттари и его люди схватили Ванни и впихнули в машину, не дав бедняге времени даже надеть вставную челюсть.

Ванни, утверждали они, и был тем «вторым», которого видел в машине Лоренцо Неси. Они обвинили его в соучастии в убийствах, совершенных Паччани.

Время было выбрано точно. Утром 13 февраля, в тот самый день, когда суд должен был объявить приговор, газеты затрубили о новом аресте по делу Паччани-Монстра.

В результате просторный, похожий на бункер зал суда напоминал вулкан перед извержением. Арест Ванни бросал прямой вызов судьям, если бы они решились оправдать Паччани.

Едва началось слушание, в зал влетел запыхавшийся полицейский с пачкой бумаг. Его прислал главный инспектор Джуттари. Он потребовал разрешения высказаться. Председатель суда, Ферри, был раздражен внесенными в последнюю минуту изменениями, однако он холодно предложил представителю полиции сказать свое слово.

Тот объявил, что всплыли четверо новых свидетелей по делу Монстра. Он назвал их греческими буквами: Альфа, Бета, Гамма и Дельта. Из соображений безопасности, объявил он, невозможно назвать в суде имена. Их показания имеют первостепенное значение в деле — поскольку двое свидетелей, сообщил посланец потрясенным судьям, — присутствовали на месте преступления, были очевидцами совершенного Паччани убийства и даже признались в соучастии. Другие двое подтверждают их показания. Эта четверка свидетелей, молчавшая больше десяти лет, вдруг решила заговорить за двадцать четыре часа до окончательного решения судьбы Паччани.

Холодное молчание охватило зал. Даже ручки журналистов не шуршали по бумаге. Невероятное разоблачение — такое случается в кино, но не в жизни!

Если Ферри поначалу был раздражен, то теперь он вспыхнул. Однако же сохранил ледяное спокойствие, а голос его сочился сарказмом.

— Мы не можем выслушать Альфу и Бету. Здесь не урок алгебры. Мы не можем ждать, пока прокуратура поднимет завесу таинственности над их именами. Либо немедленно скажите нам, кто эти Альфа, Бета, Гамма и Дельта, и тогда мы пригласим их в суд и выслушаем их показания, либо мы проигнорируем ваше сообщение и не станем ничего предпринимать.

Полицейский отказался назвать имена. Ферри, разъяренный тем, в чем он видел препятствие работе суда, удалил полицейского вместе с его новостями. Затем он и другие судьи встали и удалились для вынесения приговора.

Позже высказывалось мнение, что Ферри попался в ловко расставленную ловушку. Представив свидетелей в нарочито оскорбительной манере, Джуттари спровоцировал отказ судьи выслушать их — и тем дал основания подать кассационную жалобу на вердикт Ферри в кассационный суд Италии.

Это было в одиннадцать утра. К четырем пополудни начали циркулировать слухи, что суд вот-вот объявит приговор. Во всех барах Италии телевизоры были настроены на один канал, и партии защитников и противников Паччани спорили и бились об заклад. С футболок с надписью «Я люблю Паччани» стряхнули пыль и снова надели.

Председатель суда Ферри, стоя, старческим голосом провозгласил полное и безусловное оправдание Паччани по обвинению в преступлениях Флорентийского Монстра.

Дряхлый крестьянин вышел на свободу. Позже он приветствовал доброжелателей из окна своего давно не крашенного дома. Адвокаты бережно поддерживали его с двух сторон, а он плакал и протирал руки, словно сам папа римский.

Публичный суд закончился, но суд общественного мнения не пришел к

окончательному решению. Точно рассчитанный Джуттари арест Ванни и его гамбит в зале суда сделали свое дело. Паччани оправдали за преступление, которое он совершил на глазах двух человек, своих сообщников! Таков был глас общества: Паччани виновен, как же иначе! И все же суд его оправдал. Ферри попал под огонь критики. Многие говорили, что следует что-то предпринять, чтобы исправить этот промах правосудия.

Итак, Ферри отказался выслушать четверых свидетелей. Итальянский кассационный суд (эквивалент верховного суда) рассмотрел дело, отменил оправдание и открыл новый процесс.

Джуттари лихорадочно взялся за дело, подбирая свидетельства, готовясь к новому рассмотрению дела и процессу. Только на сей раз Паччани не был серийным убийцей-одиночкой. У него нашлись сообщники — «друзья по пикникам».

Глава 28

Специ и его коллеги приняли вызов: установить личности четверых «алгебраических свидетелей». Сорвать покров тайны оказалось несложно. Четверка оказалась подобрана из полоумных и отребьев общества. Альфой был умственно отсталый мужчина по имени Пуччи, Гаммой — проститутка по имени Гирибелли, алкоголичка в последней стадии, известная тем, что работала за двадцатипятицентовый стакан вина. Дельтой был сутенер по имени Галли.

Самым важным из них следовало считать Бету, сознавшегося, что он помогал Паччани убивать французских туристов. Этого звали Джанкарло Лотти, и он был из одного селения с Ванни, из Сан-Кашано. Все в Сан-Кашано знали Лотти. Его наградили расистским прозвищем Катанга — это итальянское жаргонное словечко можно перевести как «дикарь из джунглей», даже если им называют белого. Лотти был чем-то вроде деревенского дурачка классического типа, почти исчезнувшего в современном мире. Он существовал милостью односельчан, кормивших и одевавших его, дававших ему приют, а взамен забавлявшихся его безумными выходками.

Лотти околачивался на деревенской площади, ухмыляясь и окликаая прохожих. Школьники часто дразнили его и устраивали над ним всякие шутки. Нередко они пугали его: «Катанга-Катанга! Беги-беги! На футбольном поле высадились марсиане!» И Лотти весело бросался удирать. Он вечно был блаженно пьян, поглощая два литра вина в день, а по праздникам и более того.

Специ, собирая информацию о Лотти, провел долгий день с хозяином трактира, бесплатно кормившим Лотти каждый вечер. Хозяин порадовал Специ забавными историями. Он рассказал, как однажды один из его официантов — тот самый, что в упомянутый вечер сунул даровую миску «риболитты» под собачьи челюсти и покрасневшие глаза несчастного юродивого — переоделся женщиной, соорудив шляпку из пары салфеток и напихав под рубаху тряпок, изображающих бюст. Вырядившись таким образом, официант покрутился перед Лотти, соблазнительно ему подмигивая. Лотти был сражен с первого взгляда. «Она» притворилась, будто согласна прийти на назначенное им ночное свидание в кустах. На следующее утро Лотти объявился в трактире, раздувшись от гордости, громко бахвалясь одержанной победой. Он ел и пил за двоих. Тут хозяин сказал, что Лотти просят к телефону. Лотти удивился, хотя ему польстило, что ему звонят в ресторан, как настоящему бизнесмену. Пошатываясь, он направился к аппарату. Звонил с кухни другой официант, назвавшийся отцом юной девицы.

— Если ты хоть пальцем тронул мою дочь, — орал самозванный отец, — я расквашу твое мерзкое рыло!

— Какую дочь, — забормотал перепуганный Лотти, у которого уже задрожали коленки. — Клянусь, не знаю я никакой дочери, вы уж мне поверьте!

Все тогда знатно повеселились.

Не так весело было, когда история, рассказанная Джуттари Лотти и другими

алгебраическими свидетелями, просочилась в прессу.

Пуччи рассказывал, что десять лет назад они с Лотти возвращались во Флоренцию, чтобы провести там воскресный вечер 8 сентября 1985 года. В ту самую ночь, когда, по мнению следствия, было совершено убийство французских туристов, в ту ночь, когда Лоренцо Неси якобы видел Паччани с незнакомцем, они остановились на поляне Скопети, чтобы облегчиться.

— Я хорошо помню, — говорил Пуччи, — мы видели, как светлая машина остановилась в нескольких метрах от палатки, и у нас на глазах из нее вышли двое мужчин. Они стали орать на нас и угрожающе махать руками, так что мы поскорее убрались. Те двое угрожали убить нас, если мы сейчас же не уйдем: «Что вы здесь яйца выставили, убирайтесь оба, пока живы!» Мы испугались и ушли.

Пуччи заявил, что они с Лотти попали на место преступления в тот самый момент, когда оно совершалось. Лотти подтвердил его рассказ и добавил, что он твердо опознал обоих мужчин. Это были Паччани и Ванни — Паччани размахивал пистолетом, а Ванни держал нож.

Из слов Лотти следовало, что и в убийстве 1984 года в Виккьо также виновны Паччани и Ванни. Далее Лотти объяснял, что они неслучайно остановились в ту ночь помочиться на поляне Скопети. Он знал, что настало время очередного убийства, и задержался, чтобы помочь в нем. Да, говорил Лотти, он должен признаться, он не может больше держать этого в себе — он сам был одним из убийц! Вместе с Ванни он тоже был сообщником Флорентийского Монстра.

Признание Лотти было чрезвычайно важным для полиции. О нем, как о звездном свидетеле, проявили особую заботу. Его перевезли в тайное укрытие, как выяснилось позже — в главное полицейское управление Ареццо, прекрасного средневекового городка к югу от Флоренции. Прожив несколько месяцев в полицейских казармах, Лотти, рассказ которого поначалу пестрил противоречиями, понемногу согласовал свою историю с фактами, уже установленными полицией. Все же Лотти не сумел предоставить полиции ни единой надежной объективной улики, кроме тех, которыми они уже располагали. Первая версия рассказа Лотти, до того, как он пожил в Ареццо, во многом не совпадала с обстановкой на месте преступления. Например, он клялся, что видел, как Ванни разрезал палатку. Затем, по его словам, Паччани сквозь разрез проник в палатку. Кравешвили молнией проскочил наружу, а шестидесятипятилетний толстяк погнался за ним в лес, паля из пистолета, и убил выстрелом.

Все это не согласовывалось с действительностью. Прорез был всего семи дюймов в длину и сделан не в самой палатке, а в тенте от дождя. Проникнуть через него в палатку было невозможно. Все гильзы обнаружены у входа в палатку. Если бы все происходило так, как описывал Лотти, гильзы были бы разбросаны в направлении преследования. Первоначальное описание преступления, сделанное Лотти, противоречило не только свидетельствам, собранным на поляне Скопети, но и психологическому и поведенческому анализу, результатам аутопсии и реконструкции преступления.

Еще ненадежнее выглядело «признание» Лотти относительно убийства в Виккьо. Лотти уверял, что первым выстрелом девушку только ранило и что Ванни, чтобы на запачкаться, надел длинный пыльник. Затем он выволок визжащую девушку из машины, протащил к поляне, заросшей цветами и травой, где и прикончил ножом. Все это, опять же, не согласовывалось с фактами. Девушка была убита первой пулей, попавшей в мозг, и не успела даже вскрикнуть. Медэкспертиза установила, что все ножевые отметины нанесены после смерти. И ничто на месте преступления не указывало на присутствие более одного убийцы.

Наконец, существовал фундаментальный вопрос о времени убийства французских туристов. Следствие приняло за время преступления ночь на воскресенье. Естественно, Лотти утверждал, что дело было в воскресенье, и в показаниях Неси тоже фигурировала воскресная ночь. Однако многое, включая показания Сабрины Карманьяни, указывало, что убийство произошло в ночь на субботу.

Что заставило Лотти оговорить себя? Ответ прост. Лотти поднялся от деревенского дурачка до первостепенного свидетеля и пособника Флорентийского Монстра. Он привлек к себе внимание всей страны, его фото красовалось на первых страницах газет, следователи ловили каждое сказанное им слово. И сверх того, он получил бесплатную комнату и стол в Аррецо, где его, вероятно, щедро снабжали вином.

В дополнение к основной истории Джуттари со своими дознавателями добыли свидетельства сексуальных отклонений Ванни. Некоторые из этих свидетельств откровенно смехотворны. Одна история повествует, как экс-почтальон отправился на автобусе снять шлюху во Флоренции. Водитель автобуса слишком резко обогнул поворот, автобус накренился, и из кармана Ванни выпал вибратор. Он с грохотом катался по всему автобусу, а Ванни гонялся за ним на четвереньках.

«Второе расследование дела Флорентийского Монстра от поиска одиночного серийного убийцы перешло в расследование серии убийств, совершенных группой», — заявил прессе прокурор Винья. Вместо одинокого маньяка-убийцы по окрестностям Флоренции рыскала банда монстров — «друзей по пикникам».

Гирибелли, проститутка-алкоголичка, поведала следователям еще одну историю, которая впоследствии оказала большое влияние на расследование. Она заявила, что Паччани и его «друзья по пикникам» часто наведывались в дом самозваного друида или колдуна (в дневное время работавшего сутенером), где служили черные мессы и поклонялись дьяволу.

— В комнате, сразу как войдешь, — рассказывала Гирибелли, — стояли старые восковые свечи, на полу углем вычерчена пятиконечная звезда, всюду несказанная грязь и беспорядок, валяются презервативы, пустые бутылки. На большой кровати простыня со следами крови. Пятна величиной с лист писчей бумаги. Такие следы я видела каждое воскресное утро в 1984 и 1985 годах.

Названный ею колдун-сутенер умер за десять лет до того, поэтому проверить ее показания не удалось. Тем не менее Джуттари взял все это на карандаш и торопил следствие, уверяя, что он наконец на верном пути.

Председатель апелляционного суда Ферри, оправдавший Паччани, наблюдал за развитием нового следствия с гневом и отчаянием. Он оставил пост судьи, чтобы написать книгу, названную «Дело Паччани» и изданную в 1996 году.

В своей книге Ферри разоблачает показания «друзей по пикникам»: «Хуже всего не то, что их показания неправдоподобны, а их явная лживость. Эти двое (Пуччи и Лотти)... описывают подробности убийств, которые якобы видели собственными глазами, так, что эти подробности не согласуются с установленными фактами... Несомненно, Пуччи и Лотти заядлые наглые лжецы... Весьма трудно поверить, что в основе их рассказов лежат хотя бы крохи истины».

Судья продолжает: «Шум поднялся до небес... но поражает, что до сего дня никто не обличил вопиющей лживости рассказов Пуччи и Лотти — ни следователи, ни адвокаты, ни журналисты... И самое поразительное — и непонятно, как этого никто не заметил, — что Лотти содержится в неизвестном месте, где он спит, ест и, возможно, в основном пьет, вне досягаемости прессы, словно золотая курица, у которой можно время от времени выпросить золотое яичко. Таким образом и появляются его откровения — капля за каплей, с большим или меньшим количеством противоречий».

«Умственная податливость этих субъектов, полное отсутствие у них морали и надежда на безнаказанность и другие преимущества вполне объясняют их искаженные показания. Я не могу сохранять спокойствия перед лицом расследования, целиком отказавшегося от логики и правосудия, ведущегося пристрастно и основанного на признаниях, добытых сомнительными средствами», — заключает Ферри.

К сожалению, Ферри не отличался даром убеждения и пребывал в полном неведении относительно издательских дел. Он отдал свою книгу в крошечное издательство с плохим сбытом, и она была издана очень малым тиражом. Книга «Дело Паччани» канула в безвестность, практически незамеченная ни прессой, ни общественностью. Новое

расследование дела Флорентийского Монстра под доблестным командованием главного инспектора Микеле Джуттари набирало ход, и никого не тревожили обвинения Ферри.

В октябре 1996 года Винья, главный прокурор по делу Монстра, был назначен директором отдела расследования мафиозной деятельности Италии — на самый влиятельный и престижный пост для работника юстиции. (Перуджини, как вы помните, дело Монстра привело в самый Вашингтон.) И другие люди, ответственные за то, что Паччани попал на скамью подсудимых, использовали его дело как карьерный трамплин. Высокопоставленный офицер карабинеров даже разработал на основании этого дела уникальную теорию уголовной юстиции, каковой и поделился со Spezi.

— Вам не приходило в голову, — спросил он, — что суд над Паччани был попросту частью борьбы за власть?

Глава 29

Паччани остался на свободе и был теоретически невиновен, хотя Джуттари готовил против него новое дело. Однако тосканский крестьянин не выдержал треволнений, и 22 февраля 1998 года «невинный ягненок» умер в одночасье от сердечного приступа.

В мгновение ока разнеслись слухи, что Паччани вовсе не умер от инфаркта, а был убит. Джуттари ощутил прилив вдохновения и распорядился об эксгумации тела крестьянина. Экспертиза искала следы яда. Результат? «Не исключается», что смерть последовала от отравления — от передозировки принимавшихся им лекарств. Врачи указали, что пациенты, страдая сердечными болями, часто принимают излишнюю дозу сердечных средств. Но такое объяснение было слишком прозаичным для главного инспектора Джуттари, по чьей версии Паччани мог быть убит неизвестным или неизвестными, желавшими помешать ему рассказать все, что он знал.

Суд над «друзьями Паччани по пикникам», Ванни и Лотти, начался в июне 1997 года. Свидетельством против них служили собственные показания Лотти, подтвержденные слабоумным Пуччи, между тем как Ванни тщетно и неумело отстаивал свою невиновность. Это было грустное зрелище. Ванни и Лотти осудили за все четырнадцать преступлений Монстра. Ванни был приговорен к пожизненному тюремному заключению, а Лотти — к двадцати шести годам. Ни пресса, ни общественность Италии, кажется, не усомнились, что троица полуграмотных пьяниц с зачаточным интеллектом за одиннадцать лет совершила четырнадцать убийств с целью похитить женские половые органы.

Более того, суд не поднял вопроса об основном мотиве преступления: зачем нужны были Паччани и его «друзьям по пикникам» половые органы? Впрочем, главный инспектор Джуттари уже направил следствие на поиски ответа на этот вопрос. И получил ответ: за преступлениями Монстра стоял сатанинский культ. Темное общество богатых и влиятельных людей с безупречной репутацией, занимавших высшие посты в обществе, деловом мире, судебной и медицинской системах, наняли Паччани, Ванни и Лотти, заставив их убивать любовников с целью раздобыть половые органы девушек для использования в качестве отвратительных богохульных «облаток» при черных мессах.

Для расследования сей новой версии Джуттари сформировал элитное полицейское подразделение, названное им ГРСУ — «Группой по расследованию серийных убийств». Они обосновались на верхнем этаже чудовищного современного бетонного здания, возведенного неподалеку от аэропорта Флоренции. Здание это прозвали «Иль Магнифико», в честь Лоренцо иль Магнифико — Лоренцо Великолепного. Джуттари собрал крутую команду сыщиков. Их единственной целью было отыскать и арестовать «манданти» — вдохновителей или заказчиков убийств Флорентийского Монстра.

Из эвереста материалов по делу Монстра Джуттари выкопал несколько камешков в поддержку своей новой теории. Прежде всего Лотти произнес слова, в то время оставленные без внимания, что «доктор просил Паччани сделать для него кое-какую работу». Эти слова воскресили старые подозрения Джуттари, что в убийствах виновен врач — на сей раз

выступавший не как убийца, а как вдохновитель преступлений. Затем возник вопрос о деньгах Паччани. После смерти старика-крестьянина выяснилось, что тот был богачом. В его владении были два дома и почтовые облигации почти на сто тысяч долларов. Джуттари не удалось проследить источник такого богатства. В том не было ничего удивительного — большая доля итальянской экономики в те годы была теневой, и многие владели состояниями, происхождение которых не могли объяснить. Однако Джуттари дал богатствам Паччани более злое объяснение: крестьянин разбогател, торгуя частями тел, которые он со своими друзьями по пикникам собрал за годы трудов.

Позже в книге об этом деле главный инспектор Джуттари подробнее разъясняет тезис своей теории сатанинской секты:

«Лучшее жертвоприношение для призвания демонов — человеческое жертвоприношение, а *наиболее предпочтительная* (выделено им) для такой жертвы смерть — это смерть в момент оргазма, так называемая „*mors iusti*“. Теми же мотивами руководствовался „Монстр“, убивавший свои жертвы во время соития... Именно в момент оргазма высвобождается огромная энергия, необходимая совершающему сатанинский ритуал, поскольку она придает силу ему самому и совершаемому ритуалу».

Раскопав средневековые поверья и легенды, главный инспектор нашел подходящее имя для такой секты: «Общество Красной Розы», древний, почти забытый орден дьяволопоклонников, оставивший след в пыли флорентийской истории, извращенный Сионский приорат — сплошные пентаграммы, черные мессы, ритуальные убийства и алтари демонов. Это общество, по некоторым сведениям, было побочным отпрыском старинного ордена «Ordo Rosae Rubae et Aurae Crucis» — эзотерической масонской сектой, связанной с английским «Орденом Золотой Зари» и, следовательно, с Алистером Кроули, самым знаменитым сатанистом минувшего века, именовавшим себя «великим зверем 666» и основавшим в 1920 году церковь в Чефалу на Сицилии, назвав ее Телемским аббатством. Там, по слухам, Кроули практиковал извращенные магические и сексуальные ритуалы, в которых участвовали мужчины и женщины.

Имелись еще некоторые детали, которые подвели Джуттари к созданию его теории. Но главную роль сыграла Габриэлла Карлици, энергичная маленькая римлянка с широкой улыбкой, которая вела в Интернете сайт теорий заговоров и издавала за свой счет книгу за книгой. Карлици уверяла, что ей известно много тайных сведений о знаменитых преступлениях в Европе последних десятилетий — вплоть до похищения и убийства премьер-министра Италии Альдо Моро и Бельгийского кружка педофилов. За ними, по ее словам, стоял «Орден Красной Розы». 11 сентября 2001 года, в день атаки террористов, Карлици разослала в итальянские газеты факс: «Это были они, члены „Красной Розы“. Теперь они готовят удар по Бушу!» «Красная Роза» стояла и за убийствами Монстра. Ранее Карлици была осуждена за клевету на известного итальянского писателя Альберто Бевилакву, которого объявила Флорентийским Монстром, но с той поры ее теории, по-видимому, эволюционировали. Ее сайт тоже был полон разглагольствований на религиозные и конспирологические темы, а в одном разделе она подробно передавала свои беседы с Мадонной Фатимой.

Карлици стала для следствия свидетелем-экспертом. Джуттари и его ГРСУ вызывали ее и часами — а может, и целыми днями — слушали, как она излагает свои познания относительно деятельности сатанинских сект, таящихся в зеленых холмах Тосканы. Позже она рассказывала, что полиции пришлось дать ей охрану, поскольку ей угрожала опасность со стороны сектантов, которые хотели бы заставить ее замолчать.

Перерывая старые шкафы с уликами, Джуттари обнаружил вещественное доказательство в пользу своей теории сатанинской секты. Первым стал дверной упор, подобранный в нескольких десятках метрах от места убийства на полях Бартолине в октябре 1981 года. Для главного инспектора это была не подпорка для дверей, а нечто более злое. Он описал значение своей находки репортеру «Коррере делла сера», одной из крупнейших ежедневных газет Италии: «Это, по его словам, была усеченная пирамида с

шестигранным основанием, служащая мостом между этим миром и адом». Он откопал в досье сделанные полицией фотографии каких-то подозрительных каменных кругов с ягодами и крестом на месте, где, по свидетельству старика-егеря, французские туристы стояли лагерем за четыре дня до убийства. (Многие другие свидетели показывали, что они провели на поляне Скопети не меньше недели.) Следствие пришло к выводу, что эти круги не связаны с убийством. Джуттари держался другого мнения. Он передал фотографию «эксперту» по вопросам оккультизма. Главный инспектор излагает в своей книге мнение эксперта: «Выложенный из камней замкнутый круг символизирует объединение двоих людей, то есть любовников, если же круг не замкнут, он указывает, что пара была избрана. Фотография ягод и креста указывает на убийство двух человек: люди — это ягоды, а их смерть — крест. Фотография разбросанных камней указывает на уничтожение круга после казни любовников».

Заметив, что Паччани и вся компания были из Сан-Кашано, Джуттари вычислил, что эта идиллическая тосканская деревушка, словно драгоценный камень среди плавных склонов холмов Кьянти, должна быть штаб-квартирой сатанистов. Он снова глубоко зарылся в пахнущее плесенью досье и нашел потрясающую улику.

Весной 1997 года в полицию пришли мать с дочерью и рассказали удивительную историю. Они содержали дом престарелых в здании под названием вилла Верде — в красивом старом деревенском особняке, окруженном садами и парками и расположенном в нескольких километрах от Сан-Кашано. Женщины заявили, что их постоялец, художник наполовину швейцарского, наполовину бельгийского происхождения, по имени Клод Фальбриард, исчез, оставив в своей комнате страшный беспорядок и кучу подозрительных предметов, которые могли иметь отношение к Флорентийскому Монстру, например незарегистрированный пистолет и ужасные картины, изображавшие женщин с отрубленными руками, ногами и головами. Дамы свалили все имущество Фальбриарда в коробку и доставили в полицию.

Тогда полиция сочла это происшествие несущественным. Джуттари взглянул на него в другом свете и начал расследование относительно двух женщин и их заведения. И сразу почувствовал запах жареного — обнаружил, что во времена убийств Паччани работал на вилле Верде садовником!

Теперь Джуттари и его следователи предполагали, что особняк мог служить штаб-квартирой «Ордена Красной Розы», члены которого поручили садовнику Паччани и его друзьям собирать женские органы для использования в сатанинских ритуалах на вилле. Согласно сценарию Джуттари, мать и дочь тоже участвовали в сатанинском культе. (Осталось необъясненным, зачем им понадобилось привлекать к себе внимание, обращаясь в полицию.)

За время, прошедшее от убийств до расследования Джуттари, вилла Верде стала роскошным отелем с плавательным бассейном и рестораном и сменила название на «Поджо ай Грилли» — «Холм Сверчков». (Едва успели повесить вывеску, как оставшийся неизвестным тосканский остряк переправил ее на «Поджо ай Грулли» — «Холм Кретинов».) Новому владельцу ничуть не польстило внимание следствия.

Пресса во главе с «Да Нацьоне» с восторгом подхватила тему:

ВЛАДЕЛИЦЫ ДОМА ПРЕСТАРЕЛЫХ ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ ВИЛЛА УЖАСОВ ЯКОБЫ СКРЫВАЛА ТАЙНУ ФЛОРЕНТИЙСКОГО МОНСТРА

«После десяти вечера вилла закрывалась для посетителей. Различные лица являлись и проводили магические и сатанинские ритуалы», — об этом сообщила бывшая сиделка из «Поджо ай Грилли», виллы, расположенной между Сан-Кашано и Меркатале, где работал садовником Пьетро Паччани, прежде обвинявшийся в убийствах, совершенных Флорентийским Монстром. В период убийств в Тоскане «вилла ужасов» служила приютом для престарелых, и в нем несколько месяцев прожил художник Клод Фальбриард, впервые оказавшийся под следствием за

незаконное хранение оружия, а позднее ставший ключевым свидетелем в деле о вероятных вдохновителях, стоявших за серийными убийствами Монстра.

Фальбриард между тем спокойно катался по Европе, не подозревая, что стал «ключевым свидетелем», а возможно, и вдохновителем серийных убийств. ГРСУ заручилась помощью Интерпола и выследила художника в деревушке на Лазурном Берегу под Каннами. И с разочарованием узнала, что художник впервые оказался в Тоскане в 1996 году, через одиннадцать лет после последнего двойного убийства Монстра. Тем не менее Фальбриарда доставили во Флоренцию для допроса. Он разочаровал следователей. Дряхлый неуравновешенный старик сердито напал на полицию с собственными дикими обвинениями.

— На вилле Верде, — заявил он, — меня опаивали наркотиками и запирали в комнате. Они ограбили меня на миллиарды лир. Странные дела творились там, особенно по ночам.

Он уверял, что за всем этим стояли мать и дочь.

На основании показаний Фальбриарда обоим женщинам предъявили обвинение в похищении и мошенничестве. «Ла Нацьоне» опубликовала серию сенсационных статей об этой вилле.

Показания прежнего персонала приюта, — гласила одна статья, — дают много важных сведений. На пятидесяти страницах протоколов скрываются свидетельства тревожных тайн. Стариков, содержащихся на вилле Верде, оставляли без помощи среди испражнений и мочи. Ночами служащие наотрез отказывались оставаться на территории виллы, превращавшейся в дом, где служили черные мессы. Джуттари подозревает, что половые органы и части грудей, ампутированные у жертв Монстра, использовались при проведении этих сатанинских ритуалов.

Хотя виллу перестроили, Джуттари надеялся, что там остались следы «Ордена Красной Розы» или что секта там продолжает действовать. В старых тосканских виллах обычно обширные подвалы и погреба для изготовления и хранения вина и копченостей, сыров и салами. Джуттари подозревал, что в действительности эти помещения служат храмом, где сохранились жертвоприношения — и возможно, еще продолжается служение.

В один прекрасный осенний день ГРСУ нагрянула в «Поджо ай Грилли». Обыскав большое здание, сотрудники ГРСУ вступили в помещение, которое, по их сведениям, служило святилищем святых культа, храмом сатаны. В этой комнате они нашли несколько вырезанных из картона человеческих скелетов, подвешенных на ниточках летучих мышей из пластмассы и прочие украшения. Обыск происходил незадолго до Хэллоуина, и там готовились к вечеринке — или так им объяснили на вилле.

«Несомненная попытка увести следствие в сторону», — с апломбом заявил Джуттари в интервью «Ла Наньоне». Джуттари и ГРСУ недалеко ушли в расследовании сатанинского культа, и к 2000 году оно, кажется, почти выдохлось.

И тогда, в августе 2000-го, я с семьей прибыл в Италию.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

История Дугласа Престона

Глава 30

Четвертого ноября 1966 года после сорокадневных дождей река Арно вырвалась из берегов и опустошила Флоренцию, один из чудеснейших городов мира.

Подъем воды не был плавным. Река словно взорвалась: вскипев, захлестнула набережную Лунгарно и ворвалась на улицы Флоренции со скоростью тридцать миль в час,

пронося по ним стволы деревьев, разбитые машины и трупы скота. Огромные бронзовые двери баптистерия работы Гиберти были взломаны и разбиты на куски; «Распятие» Чимабуэ, возможно, величайший образец средневекового искусства Италии, превратилось в грудку мокрой известки, «Давида» Микеланджело до ягодич вымазало нефтяной пленкой. Десятки тысяч иллюстрированных манускриптов и инкунабул в Национальной библиотеке скрылись под слоем ила. Сотни полотен мастеров, хранившихся в подвалах галереи Уффици, пострадали, с них отслаивалась краска и смешивалась с грязью.

Вода отступила, и мир с ужасом взирал на родину Ренессанса, превращенную в грязное болото, на гибель бесценных сокровищ. Тысячи волонтеров — студентов, профессоров, художников и историков искусства — собирались со всего света для срочной спасательной операции. Они жили и работали в городе, лишившемся отопления, подачи воды, электричества, пищи и удобств. Через неделю кое-кто из спасателей обзавелся противогазами, чтобы защититься от ядовитых испарений, которые испускали гниющие книги и картины.

Волонтеров прозвали «анжели дель Фанго» — «грязными ангелами».

Мне давно хотелось написать книгу о расследовании убийства на фоне флорентийского наводнения. В романе под названием «Рождественская Мадонна» действовал историк искусства, ринувшийся на спасение Флоренции, «грязный ангел». Он — специалист по таинственному художнику Мазаччо, юному гению, в одиночку взорвавшему итальянский Ренессанс своими небывалыми фресками в капелле Бранкаччи, а затем внезапно скончавшемуся в двадцать шесть лет, по слухам — от яда. Мой персонаж отправлялся спасать книги и рукописи, затопленные в подвалах Национальной библиотеки, и вот в руки ему попадает необычный документ, содержащий ключ к местонахождению потерянного знаменитого шедевра Мазаччо. Картина «Рождественская Мадонна» была центральной частью триптиха, живо описанного Вазари в 1600-х годах, а затем пропавшего. Картина считалась одной из самых значительных утрат эпохи Ренессанса.

Мой историк бросает работу волонтера, отправляется на безумные поиски картины и исчезает. Несколько дней спустя его находят мертвым высоко в горах Пратоманьо, на обочине дороги. У него выколоты глаза.

Убийство остается нераскрытым, и картину найти не удастся. И вот, перескочив тридцать пять лет, мы переносимся в сегодняшний день. Его сын, преуспевающий нью-йоркский художник, переживает кризис среднего возраста. Он понимает, что у него есть долг: раскрыть тайну смерти отца. А для этого он должен разыскать пропавшую картину. И вот он летит во Флоренцию и начинает поиски, которые проведут его от пыльных архивов до этрусских гробниц и наконец — в руины деревни высоко в горах Пратоманьо, где похоронена страшная тайна и где его ожидает еще более ужасающая судьба...

Я приехал в Италию, чтобы написать этот роман. Я его так и не написал. Меня отвлек Флорентийский Монстр.

Жизни в Италии предстояло стать главным нашим приключением, к которому мы оказались совершенно не подготовленными. Никто из нас не говорил по-итальянски. Я годом раньше провел несколько дней во Флоренции, а моя жена Кристина впервые приехала в Италию. С другой стороны, наши дети были в том возрасте, когда чудесная подвижность и гибкость натуры позволяют встречать самые необыкновенные жизненные ситуации с бесшабашным весельем. Ничто на свете не казалось им необыкновенным, потому что они еще не успели узнать, что считается обычным. Когда пришло время отлета, они как ни в чем не бывало вошли в самолет. Мы же были на грани нервного срыва.

Мы прибыли во Флоренцию в августе 2000 года: я, моя жена Кристина и наши дети, Алетейя и Айзек, соответственно шести и пяти лет от роду. Мы записали детей в местную итальянскую школу, Алетейю в первый класс, Айзека в детский сад, а сами начали брать уроки языка.

Наше переселение в Италию не обошлось без острых моментов. Учительница Алетейи сообщила, как она рада, что в ее классе учится столь жизнерадостное дитя, распевующее весь

день напролет, и ей только хотелось бы знать, что именно она поет. Мы это скоро узнали:

Я ни словечка не понимаю.
Она целый день что-то болтает,
А я ни словечка не понимаю...

Быстро проявились культурные различия. Айзек, прохажив несколько дней в детский сад, однажды вернулся с круглыми глазами и рассказал, как учительница на прогулке курит сигареты и забрасывает окурками игровую площадку, а потом она же отшлепала («отшлепала!») четырехлетку за то, что он попробовал докурить один окурочек. Айзек обозвал ее «ящерицей-крикуньей». Мы поспешили перевести его с сестрой в частное заведение, где работали монахини — на другом конце города. Мы надеялись, что монахини не станут ни курить, ни шлепать. В отношении первого мы не ошиблись и смирились с тем, что шлепки — это то культурное различие, которое нам придется терпеть, наряду с курильщиками в ресторанах, водителями-самоубийцами и очередями на почте к окошку, где оплачивают счета. Школа занимала великолепную виллу восемнадцатого века, скрывавшуюся за массивными каменными стенами. Сестры ордена Святого Иоанна Крестителя превратили ее в монастырь. Ученики на переменках гуляли на двух краях регулярного итальянского парка с кипарисами, подстриженными изгородями, клумбами, фонтанами и мраморными статуями обнаженных женщин. Садовники и дети вели непрерывную войну. Никто в этой школе, даже преподавательница английского, на английском не говорил.

Директрисой была строгая монахиня с блестящими, как бусинки, глазами. Ей достаточно было устремить суровый взгляд, чтобы повергнуть в ужас любого, будь то школьник или родители. Однажды она, отведя нас в сторонку, сообщила, что наш сын — «un monello». Мы поблагодарили ее за комплимент и помчались домой искать слово в словаре. Оно означало «негодник». С тех пор мы носили на родительские собрания карманные словарики.

Как мы и надеялись, дети наши начали постигать итальянский. Однажды Айзек, садясь обедать и глядя на приготовленную нами «пасту», сморщился и проговорил «Che schifo!» — вульгарное итальянское выражение, означающее «Вот дрянь!» Мы так им гордились! К Рождеству они уже говорили связными фразами, а к концу учебного года так освоились, что начали посмеиваться над нами. Когда к нам приходили на обед гости-итальянцы, Алетейя, случалось, шествовала по комнате, размахивая руками, и завывала, передразнивая наш ужасный американский акцент: «Как поживаете, мистер и миссис Кокколини! Как мы рады вас видеть! Прошу вас, входите, устраивайтесь и выпейте с нами стаканчик вина!» Наши итальянские гости умирали со смеху.

Так мы приспособливались к новой жизни в Италии. Флоренция и окружающие ее городки оказались очаровательными местечками, где все были знакомы между собой. Жили здесь скорее ради того, чтобы жить, чем ради каких-то достижений. Вместо еженедельных деловых закупочных визитов в супермаркет поход за покупками превратился в малоэффективное, но увлекательное путешествие через дюжину лавочек и лотков, в каждом из которых торговали одним видом продуктов. Покупать означало обмениваться новостями, обсуждать качество товара и слушать, как бабушка продавца под звуки беседы готовит и подает обсуждаемый товар. Другого способа не существовало, что бы вы ни говорили. Вам никогда не позволяли коснуться продукта прежде, чем он куплен. Проверить зрелость слив или самому набрать в мешок луковиц считалось нарушением этикета.

Для нас поход за продуктами был отличным уроком итальянского, однако в нем был и некоторый риск. Кристина произвела неизгладимое впечатление на красавца «фруттивендоло» — продавца фруктов, когда попросила спелых «pesce» и «fighe» (рыбу и киску) вместо «pesche» и «fichi» (груш и инжира). Прошло много месяцев, прежде чем мы почувствовали себя хоть немного флорентийцами, хотя мы скоро научились, подобно всем добрым флорентийцам, презирать туристов, бродивших по городу, разинув рты, в мягких

шляпах, шортах цвета хаки и спортивных туфлях, с гигантскими бутылками воды, подвешенными к поясу, словно для перехода через Сахару.

Жизнь в Италии представляла собой странное смешение обыденности и изысканности. Зимним утром, едва продрав глаза, я вез детей в школу через холм Джоголи — и вот, как по волшебству, выступая из рассветного тумана, возникали стены и башни великого средневекового монастыря Чертоза. Иной раз, бродя по мощеным улочкам Флоренции, я, повинувшись мимолетному желанию, мог зайти на пару минут в капеллу Бранкаччи полюбоваться фресками раннего Ренессанса или завернуть в Бадиа Фьорентина на вечерню, чтобы послушать григорианский хорал в церкви, где юный Данте любовался своей Беатриче.

Мы скоро познакомились с итальянской концепцией «фрегатуры», неизбежной для всякого жителя Италии. Фрегаттура — это способ делать что-то не вполне законно, не совсем честно, но так, что и преступлением это не назовешь. Первый урок в изящном искусстве фрегатуры мы получили, когда заказали билеты на «Трубадура» Верди в местном оперном театре. Приехав в театр, мы услышали от кассира, что у него не записаны наши заказы, хотя мы показали ему номера заявок. Они ничего не могли поделать: театр полон, все билеты проданы. Большая толпа, собравшаяся у билетных касс, подтверждала правдивость его заявления.

Уходя, мы столкнулись со знакомой хозяйкой магазина, облаченной в норковое манто и бриллианты и походившей скорее на графиню, чем на хозяйку крошечной лавочки, где мы покупали печенье.

— Как? Все продано? — воскликнула она.

Мы рассказали ей, что произошло.

— Ба! — возразила она, — они отдали ваши билеты кому-то еще, каким-то важным особам. Мы все уладим.

— Вы здесь с кем-то знакомы?

— Ни с кем не знакома, но знаю, как в этом городе дела делаются. Подождите здесь. Я сейчас вернусь.

Она прошествовала внутрь, а мы остались ждать. Через пять минут она появилась вновь, таща за собой взъерошенного мужчину, директора театра собственной персоной.

Он бросился пожимать мне руку.

— Я так сожалею, так сожалею, мистер Харрис! — восклицал он. — Мы не знали, что вы здесь. Нам никто не сказал! Прошу вас, примите мои извинения за эту путаницу с билетами!

— Мистер Харрис?!

— Мистер Харрис, — величественно встала лавочница, — предпочитает обойтись без шумихи и сопровождения.

— Разумеется! — горячо согласился директор.

Я онемел. Лавочница послала мне предостерегающий взгляд, словно говоря: «Для вас стараюсь, смотрите, не проколитесь».

— У нас забронированы несколько билетов, — продолжал директор, — и я искренне надеюсь, что вы примете их в возмещение, с наилучшими пожеланиями от «Маджо мюзикале Фьорентино»! — И он протянул два билета.

Кристина обрела присутствие духа раньше меня. Она выхватила билеты, твердо взяла меня под руку и сказала:

— Идем, Том.

— Да, конечно, — бормотал я, умирая от стыда, — очень любезно, а сколько?

— Нет, нет! Это радость для нас, мистер Харрис! И позвольте вам сказать, что «Молчание ягнят» — один из лучших, самых лучших фильмов, какие мне приходилось видеть. Вся Флоренция ждет не дожидается выхода «Ганнибала».

Первый ряд в центральной ложе, лучшие места в театре.

На велосипеде или на машине от нашего сельского домика в Джоголи можно было

быстро добраться во Флоренцию через Порта Романа — южный въезд в старый город.

Порта Романа открывали лабиринт кривых, как норы, улиц и средневековых зданий, составлявших Олтрарно, самую сохранную часть старого города.

Исследуя ее, я часто видел странную фигуру, совершающую послеполуденную прогулку по узким средневековым улочкам. Это была крошечная древняя старушка, худая, как тростинка, и с ног до головы завернутая в меха и бриллианты, нарумяненная, с губами, красными как коралл, в старомодной шляпке с жемчужинами на вуалетке, уверенно ступающая на высоких каблуках по ненадежной мостовой, не глядя по сторонам, и приветствующая знакомых чуть заметным движением век. Мне сказали, что это — маркиза фрескобальди, из старинной флорентийской семьи, владеющей половиной Олтрарно, а заодно и большей частью Тосканы — семьи, которая финансировала крестовые походы и дала миру великого композитора.

Кристина часто бегала по кривым средневековым улочкам, а как-то раз остановилась полюбоваться одним из величайших дворцов Флоренции — паллацо Каппони, принадлежащим еще одному благородному роду района Олтрарно — и одной из знатнейших семей Италии. Ржаво-красный неоклассический фасад дворца тянется на сотни футов вдоль набережной Арно, а мрачные каменноликие средневековые задние стены выходят на виа де'Барди, улицу Поэтов. Пока она глазела на великолепные ворота палаццо, с ней завязала разговор проходившая мимо англичанка. Она сказала, что работает на семью Каппони и, услышав, что я хочу написать книгу о Мазаччо, дала Кристине свою карточку, посоветовав встретиться с графом Никколо Каппони, знатоком флорентийской истории.

— Он, знаете ли, вполне доступен, — сказала она.

Кристина принесла карточку домой и отдала мне. Я отложил ее, полагая, что ни при каких обстоятельствах не могу запросто соваться в самую знаменитую и безупречно аристократичную семью Флоренции, как бы «доступна» она ни была.

Домишко, который мы сняли в Джоголи, стоял высоко на склоне холма в тени кипарисов и зонтичных сосен. Я превратил дальнюю спальню в рабочий кабинет, где собирался писать свой роман. Единственное окно смотрело вдоль трех кипарисов, поверх соседской крыши из красной черепицы, на зеленые холмы Тосканы.

В сердце земель Монстра.

Несколько недель после того, как я услышал от Spezi историю Флорентийского Монстра, у меня из головы не шло преступление, случившееся у самого нашего порога. В один осенний день, после мучительной борьбы с романом о Мазаччо, я вышел из дома и поднялся через рошу к травянистой лужайке, чтобы своими глазами взглянуть на это место. С красивой лужайки открывался широкий вид на флорентийские холмы, тянущиеся к невысоким горам на юге. Хрусткий осенний воздух дохнул растертыми листьями мяты и горелой травой. Иные утверждают, что зло навсегда остается в подобных местах, как зловещая зараза, но я не ощущал ничего подобного. Это место было вне добра и зла. Я постоял там, тщетно стараясь обрести проблеск понимания, и поймал себя на том, что помимо воли мысленно вое произвожу обстановку после преступления: представляю, как стоял «фольксваген», слышу бесконечно звучащую запись мелодии из «Бегущего по лезвию бритвы», вплетающуюся в ужас убийства.

Я перевел дыхание. Внизу, в соседском винограднике собирали виноград, и я видел, как люди проходят между рядами лоз, складывая гроздь в моторные трехколесные тележки. Я закрыл глаза и услышал голоса местности: крик петуха, далекий звон церковных колоколов, лай собаки, зов невидимой женщины, собирающей своих детей.

История Флорентийского Монстра проникала в меня.

Глава 31

Мы со Spezi подружились. Примерно через три месяца после нашего знакомства я, не будучи в силах стряхнуть с себя воспоминания об истории Монстра, предложил ему

написать совместную статью о Монстре Флоренции для американского журнала. Я иногда писал для «Нью-Йоркера», и вот позвонил своему редактору и протащил эту идею. Мы получили заказ.

Однако прежде чем взяться за перо, мне пришлось пройти интенсивное обучение у «монстролога». Пару раз в неделю я засовывал в рюкзачок свой ноутбук, вытаскивал на улицу велосипед и проезжал десять километров до квартиры Spezi. На последнем километре шел убийственный подъем по холму через оливковую рощу. Квартира, где он жил со своей женой-бельгийкой Мириам и дочерью, занимала верхний этаж старой виллы. В ней была гостиная, столовая и терраса с видом на Флоренцию. Работал Spezi на чердачке, забитом книгами, бумагами, рисунками и фотографиями.

Приезжая, я заставал Spezi в столовой, с неизбежной сигаретой «Голуаз» во рту. В воздухе слоями плыл дым, на столе были разложены бумаги и фотографии. Пока мы работали, Мириам без перебоев носила нам эспрессо в крошечных чашечках. Spezi, когда она собиралась войти, всегда убирал снимки со сценами мест преступлений.

Первым заданием Марио Spezi было ввести меня в курс дела. Мы прошли историю в хронологическом порядке, с мельчайшими подробностями, время от времени вытаскивая из груды бумаг документ или снимок в качестве иллюстрации. Вся работа шла на итальянском, потому что Spezi владел английским на самом элементарном уровне, а я решил использовать эту возможность, чтобы получше изучить язык. Пока он говорил, я бешено стучал по клавишам ноутбука.

— Мило, э? — частенько говорил он, закончив описывать очередной случай, демонстрирующий вопиющую некомпетентность следствия.

— Sì, professore, — отзывался я.

У него не было окончательно сложившегося взгляда на дело. Он не располагал ничем, кроме презрения к теориям заговора, выдуманным сатанинским ритуалам, тайным вдохновителям и средневековым культам. Он полагал, что правильным окажется самое простое и очевидное решение: что Флорентийским Монстром был психопат-одиночка, убивавший парочки ради удовлетворения своего больного либидо.

— Ключ, позволяющий его выследить, — не раз повторял Spezi, — это пистолет, использованный при клановом убийстве в 1968 году. Проследите этот пистолет и найдете Монстра.

В апреле, когда виноградники на склонах холмов дали первые свежие побеги, Spezi повез меня на место убийства 1984 года, под Виккьо, где погибли Пия Ронтини и Клаудио Стефаначчи. Виккьо лежит к северу от Флоренции в области, известной как Муджелло. Холмы там становятся крутыми и недоступными, переходя в предгорья Апеннинского хребта. Пастухи с Сардинии, перебравшись в Тоскану, заселили эти места в начале шестидесятых и пасли овец на горных лугах. Их сыры «пикорино» ценились так высоко, что стали фирменными сырами Тосканы.

Мы ехали по проселочной дороге вдоль шумной речки. С тех пор как Spezi был здесь в последний раз, прошли годы, и нам пришлось несколько раз останавливаться, прежде чем мы нашли нужное место. Отвечающая дорога вывела на заросшую травой колею в месте, которое местные называли Ла Боскетта, «Лесок». Мы оставили машину и вошли в него. Колея обрывалась у подножия холма, заросшего дубами, расступавшимися с одной стороны перед полем с лекарственными травами. Старинный каменный крестьянский дом с терракотовой крышей стоял в нескольких сотнях ярдов дальше. Ручей, скрытый тополями, шумел в долине под нами. За крестьянским домом земля поднималась, холмы чередой уходили в голубые горы. Изумрудные пастбища прорезали склоны и подножия холмов. По этим пастбищам бродил в конце тринадцатого века художник Джотто, пас овец, грезил наяву и рисовал картины на земле.

В конце колеи оказался памятник жертвам убийства — два белых креста на травянистом пятачке. Пластмассовые цветы, выгоревшие на солнце, в двух стеклянных банках. На перекладины крестов клали монетки; это святилище стало местом паломничества

местной молодежи, оставлявшей монетки в залог любви. Солнце заливало долину, пахло цветами и свежеспаханной землей. Кругом порхали бабочки, в лесу щебетали птицы, пушистые белые облачка скользили по голубому небу.

С сигаретой в руке Марио описывал мне сцену преступления, а я делал заметки. Он показал, где стояла голубая «панда» любовников и где, должно быть, в густых зарослях прятался убийца. Указал, где валялись гильзы, выброшенные выстрелами так, что прослеживались передвижения стрелка. Тело парня нашли на заднем сиденье: тот свернулся почти в позе зародыша, стараясь защититься. Убийца сделал смертельный выстрел, после чего несколько раз ударил ножом между ребер — то ли ради уверенности, что убил насмерть, то ли в знак презрения.

— Это случилось после 9:40, — сказал Spezi и указал на поле за рекой. — Нам это известно, потому что крестьянин, распахивавший поле вечером, когда спала жара, слышал выстрелы. Он принял их за выхлоп мотора.

Я следом за Марио вышел на поляну.

— Он протащил тело и положил его здесь — так, что видно от дома. До нелепости открытое место. — Рукой с сигаретой он ткнул в сторону крестьянского дома. От руки потянулись струйки дыма. — Ужасное было зрелище. Я никогда его не забуду. Пия лежала на спине, раскинув руки, как распятая. Ярко-голубые глаза были открыты и неподвижно смотрели в небо. Страшно говорить об этом, но я невольно заметил, как она красива.

Мы стояли в поле, на цветах вокруг сонно жужжали пчелы. Я перестал записывать. Сквозь дубраву доносился шепот реки. И здесь тоже не осталось зла. Наоборот, место казалось мирным, почти святым.

Потом мы проехали до Виккьо. Этот маленький городок стоит среди пышных полей на берегу реки Сиеве. Десятифутовый бронзовый памятник Джотто с палитрой и кистями стоял посреди мостовой на пьяцце. Среди множества лавочек был и маленький хозяйственный магазинчик, по-прежнему принадлежащий семье Стефаначчи. Там работал Клаудио Стефаначчи.

Мы поели в скромной trattoria за площадью, а потом прошли по боковой улочке, чтобы навестить Винни Ронтини, мать убитой девушки. Мы дошли до высокой каменной стены с железными воротами, окружавшей большую виллу городского типа, одно из самых впечатляющих зданий Виккьо. За воротами я увидел регулярный итальянский сад, подготовленный к посадке семян. Дальше возвышался трехэтажный фасад неухоженного дома с потрескавшейся и отслоившейся бледно-желтой штукатуркой. Окна были закрыты ставнями. Дом казался заброшенным.

Мы нажали кнопку на железных воротах, и из крошечного динамика проскрипел голос. Марио назвал себя, и ворота, щелкнув, отворились. Винни Ронтини встретила нас в дверях и пригласила в затененный дом. Двигались мы медленно и с трудом, будто под водой.

Мы прошли за ней в темную гостиную, где почти не было мебели. Один ставень чуть приоткрылся, впуская полосу света, словно светлая стена разделяла мрак, и в ней кружились пылинки — вспыхивали на миг и гасли. Пахло старыми тканями и восковой мастикой. Дом был почти пуст, осталось лишь немного потертой мебели; всю обстановку и серебро давно распродали, чтобы оплатить поиски убийцы дочери. Синьора Ронтини так обеднела, что уже не могла позволить себе оплачивать телефон.

Мы, вызвав пыльную бурю, уселись на линялую мебель, а синьора Ронтини села напротив, медленно, и с достоинством опустила в продавленное кресло. Ее светлая кожа и тонкие волосы выдавали кровь предков-датчан. На шее она носила золотой медальон с инициалами «П» и «К» — Пия и Клаудио.

Она говорила медленно, каждое слово казалось тяжелым, как камень. Марио рассказал ей о задуманной статье и о том, что мы продолжаем поиски истины. Она высказала мнение — так, словно ей уже было все равно, — что это сделал Паччани. Она рассказала о своем муже Ренцо, квалифицированном корабельном механике, получавшем хорошее жалованье и путешествовавшем по всему свету, который оставил работу, чтобы все свое время отдавать

поискам правосудия. Он еженедельно бывал в главном полицейском управлении Флоренции, узнавал новости, консультировался со следователями и по своей инициативе предложил большое денежное вознаграждение за информацию. Он часто выступал по телевидению и по радио с призывами оказать помощь следствию. Его не раз обманывали. Наконец эти усилия подточили его здоровье и истощили средства. Ренцо умер от сердечного приступа на улице перед главным полицейским управлением, откуда только что вышел. Синьора Ронтини осталась на большой вилле совсем одна, понемногу распродавала мебель и все глубже влезала в долги.

Марио спросил ее про медальон.

— Для меня, — сказала она, коснувшись цепочки, — жизнь кончилась в тот день.

Глава 32

Если вы считаете, что вам ничто не угрожает, тогда, может быть, вы войдете внутрь? Хватит ли у вас духу войти во дворец, столь знаменитый в кровавые и славные времена, и последовать туда, куда влекут глаза, сквозь затянутый паутиной мрак, навстречу изящным звукам клавирина?..

В вестибюле почти абсолютная тьма. Длинная каменная лестница, ледяные железные перила под скользящей рукой, неровные ступени, сточенные сотнями лет и тысячами шагов; мы поднимаемся навстречу музыке...

Вышло так, что в холодное январское утро мы с Кристиной поднимались по лестнице, столь живо описанной Томасом Харрисом в «Ганнибале». У нас была назначена встреча в палаццо Каппони с графом Никколо Пьеро Уберто Ферранте Гальяно Гаспаре Калкедонио Каппони и его женой, графиней Росс. Я наконец дерзнул ему позвонить. Во дворце Каппони недавно снимали сцены для фильма «Ганнибал», который ставил Ридли Скотт. В фильме Ганнибал Лектер, он же «Др. Фелл», являлся хранителем библиотеки и архива Каппони. Я подумал, что было бы интересно взять интервью у настоящего хранителя архивов Каппони, самого графа Никколо, и написать статью для раздела «Беседы в городе» в «Нью-Йоркере» к выходу фильма в свет.

Граф встретил нас на верхней площадке лестницы и провел в библиотеку, где ожидала графиня. Ему было около сорока. Высокий, крепкого сложения мужчина с кудрявыми каштановыми волосами, «вандейковской» бородкой клинышком, острым взглядом голубых глаз и ушами школьника. Он на удивление походил на повзрослевшую копию портрета его предка Лодовико Каппони, написанного в 1550 году художником Бронзино, выставленного в собрании Фрик в Нью-Йорке. Приветствуя мою жену, граф поцеловал ей руку весьма необычным образом — как я впоследствии узнал, это старинный аристократический жест: взять руку дамы, поднять быстрым движением, сочетающимся с сухим полупоклоном, поднести ее к губам — и, разумеется, ни в коем случае не коснуться губами кожи. Только титулованные флорентийцы приветствуют дам таким образом. Остальные пожимают руку.

Библиотека Каппони располагалась в конце сумрачного, холодного, как ледник, холла, украшенного гербами. Граф поместил нас в объятия гигантских дубовых кресел, сам примостился на металлической табуреточке у старого обеденного стола и принялся возиться с трубкой. Стена у него за спиной состояла из ряда маленьких ниш, содержащих фамильные документы, манускрипты, счетные книги и арендные свитки, насчитывающие до восьмисот лет.

Граф был одет в коричневый пиджак, свитер цвета красного вина, мягкие брюки и — довольно эксцентрично по флорентийским меркам — в уродливые разбитые старые ботинки. У него была докторская степень по военной истории, и он преподавал во флорентийском филиале Нью-Йоркского университета. Он говорил на превосходном эдвардианском английском языке, реликте минувших эпох. Я спросил, где он изучал язык. Он объяснил, что английский пришел в семью, когда его дед женился на англичанке, и дети в их доме

говорили по-английски. Его отец Нери, в свою очередь, передал английский своим детям, словно фамильное наследство — и таким образом язык эвардианской Англии сохранился, не меняясь почти столетие, как окаменелость, в семье Каппони.

Графиня Росс была очень хорошенькой американкой, держалась сдержанно и официально и проявляла суховатое чувство юмора.

— Здесь у нас побывал Ридли Скотт со своей сигарой, — сказал граф, имея в виду директора картины.

— Они явились, — сказала графиня, — возглавляемые сигарой, за которой следовал Ридли в сопровождении восторженно внимающей толпы.

— Получается многовато дыма...

— Дымовых эффектов в самом деле было много. Ридли, кажется, помешан на дыме. И на бюстах. Ему постоянно нужен мраморный бюст.

Граф взглянул на часы и извинился:

— Не хочу быть невежливым. Я курю только дважды в день: после двенадцати и после семи.

Было без трех минут двенадцать.

Граф продолжал:

— Во время съемок ему понадобилось побольше бюстов в главном зале. Он заказал бюсты из папье-маше, сделанные так, чтобы выглядели старинными. Но они не подошли. Тогда я сказал, что у меня в подвале хранится несколько скульптурных изображений предков, не вынести ли их наверх? Он сказал: «Чудесно». Они были ужасно грязными, и я спросил, не смахнуть ли с них пыль? «О нет, пожалуйста, не надо!» Один из бюстов изображал мою «квадрисонну», мою пра-пра-прабабушку, урожденную Луизу Веллутти Затти из рода князей Сан-Клементе — очень достойную женщину. Она отказывалась посещать театр. Считала зрелище аморальным. А теперь она стала реквизитом для фильма. И какого фильма! Насилие, выпотрошенные тела, каннибализм.

— Как знать, может, она была бы довольна, — вставила графиня.

— Киногруппа вела себя очень прилично. С другой стороны, флорентийцы, пока велись съемки, буквально жаждали крови. Естественно, теперь, когда все закончилось, те же лавочники выставляют у себя в витринах вывески: «Здесь снимался Ганнибал Лектер».

Он взглянул на часы, обнаружил, что они показывают «меццоджорно» — полдень, — и зажег трубку. Облачко душистого дыма всплыло к далекому потолку.

— Кроме дыма и бюстов, Ридли очарован Генрихом VIII.

Граф, поднявшись, порылся в архиве и наконец извлек письмо на толстом пергаменте. То было письмо Генриха VIII, адресованное предку Каппони, с просьбой прислать две тысячи солдат и как можно больше аркебузирова в армию Генриха. Письмо было собственноручно подписано Генрихом, а под документом болталось нечто коричневое, восковое, размером с расплюснутую инжирину.

— Что это? — спросил я.

— Большая печать Генриха VIII. Ридли сострил, что она больше напоминает левое яичко Генриха. Я сделал для него фотокопию. Документа, я хочу сказать.

Мы перешли из библиотеки в главную гостиную дворца, в которой Ганнибал Лектер играл на клавире, а инспектор Пацци, спрятавшись внизу, на виа де'Барди, слушал его игру. В салоне стояло пианино, а не клавиш, на котором играл в фильме Энтони Хопкинс. Комнату украшали потемневшие портреты, фантастические пейзажи, мраморные бюсты, доспехи и оружие. Отапливать такое просторное помещение обходилось дорого, а потому температура в нем держалась чуть выше, чем в сибирской камере пыток.

— Большая часть доспехов поддельные, — пояснил граф, пренебрежительно махнув рукой, — но вот эта броня хороша. Датируется восьмидесятыми годами шестнадцатого века. Возможно, она принадлежала Никколо Каппони, рыцарю ордена Святого Стефана. Когда-то она была мне впору. Доспех совсем легкий, я мог проделывать в нем отжимания.

Из глубины дворца донесся жизнерадостный вопль, и графиня, встрепенувшись,

поспешно вышла.

— Портреты в основном Медичи. В нашем роду насчитывается пять браков с семейством Медичи. Каппони были изгнаны из Флоренции вместе с Данте. Но в те дни Данте, пожалуй, смотрел на нас сверху вниз, задрав свой длинный нос. Мы числились, как он писал, «la gente nova e i subiti guadagni» — «новыми и внезапно разбогатевшими людьми». Нери Каппони способствовал возвращению из изгнания Козимо де Медичи в 1434 году. Для нашей семьи это был невероятно выгодный союз. Мы преуспели во Флоренции, потому что никогда не принадлежали к первым семьям. Мы всегда оставались вторыми или третьими. У флорентийцев есть поговорка: «Торчащий гвоздь забивают молотком».

Вернулась графиня с малышкой Франческой, названной в честь Франчески Каппони, красавицы, вышедшей замуж за Виери ди Камбио де Медичи и умершей при родах в восемнадцать лет. Ее розовощекий портрет кисти Понтормо висел в соседней комнате.

Я спросил графа, кто из его предков наиболее знаменит.

— Пьеро Каппони. Каждый итальянский школьник знает его историю. Она, как и история перехода Вашингтона через Делавэр, часто повторяется и сильно приукрашена.

— Он, как всегда, принижает исторические факты, — сказала графиня.

— Нет-нет, дорогая. История действительно сильно преувеличена.

— Но в основном правдива.

— Пусть будет так. В 1494 году Карл VIII, король Франции, шел с войском на Неаполь и, обходя Флоренцию, увидел способ хорошо заработать, потребовав от города огромный выкуп. «Если выкуп не будет внесен, — заявил он, — мы затрубим в трубы и пойдем на приступ». Ответ Пьеро Каппони был таков: «Тогда мы зазвоним в колокола». Он хотел сказать, что они созовут горожан на бой. Карл отступил. Рассказывают, что он сказал при этом: «Caron, Caron, vous etes un mauvais charon» — «Капон, Капон, ты злой каплуна».

— Куриная тема преобладает в семейных шутках, — заметила графиня.

Граф признал:

— На Рождество мы едим каплуна. Это немного похоже на каннибализм. Кстати об этом, позвольте показать вам место, где трапезничал Ганнибал Лектер.

Мы проследовали за ним в зал Росса, элегантную гостиную с мягкими креслами, множеством столов и зеркальной стеной. Стены были обиты красным шелком, сотканным из волокна с фамильных шелковичных плантаций двести пятьдесят лет назад.

— В съемочной группе была одна бедная женщина, — рассказывала графиня. — Мне пришлось сказать ей: «Не трогайте ничего без разрешения». Она все время все переставляла. Каждый день, пока шли съемки, младший брат Никколо, Себастьяно, который живет на вилле Калкинаия — это родовое поместье в Кьянти, — доставлял оттуда бутылку вина и ставил ее в комнате на тщательно выбранное место. Но бутылка никак не могла вписаться в картину, та женщина неизменно уносила ее. А у продюсера было соглашение с «Сиграм», что они будут использовать только их марку.

Граф улыбнулся.

— Тем не менее к концу дня бутылка неизменно умудрялась избавиться от пробки и от содержимого. Это всегда бывала лучшая «riserva».

Много лет назад, когда Томас Харрис собирал материалы о Флорентийском Монстре для романа «Ганнибал» и приходил на заседания суда по делу Паччани, он познакомился с графом Каппони, и тот пригласил его в палаццо. Много позже Харрис позвонил графу и сказал, что хотел бы сделать Ганнибала Лектера хранителем архива Каппони — если ему позволят.

— Мы собрали всю семью на совещание, — сказал граф, — и ответили согласием при одном условии — члены семьи не будут главным блюдом.

Я и Никколо стали друзьями. Мы частенько обедали в «Иль Бордино», крошечной траттории за церковью Санта-Феличита, в которой находятся семейная часовня и склеп. Это недалеко от его дворца. «Иль Бордино» — одна из последних старых тратторий во

Флоренции, маленькая, тесная, со стеклянным прилавком, в котором выставляются блюда меню на этот день. Ее сумрачный интерьер больше напоминал темницу: почерневшие каменные стены, изрезанные деревянные столы и пол, по старинке выложенный терракотовой плиткой. Кухня была самой что ни на есть флорентийской: простые блюда из мяса и пасты с ломтями обычного хлеба подавались по ценам, доступным для рабочего класса, с крошечными порциями красного вина.

Однажды за обедом с Никколо я упомянул, что мы с Марио Spezi расследуем дело Флорентийского Монстра.

— А, — заинтересованно отозвался он, — Флорентийский Монстр. Вы уверены, что вам стоит вмешиваться в это дело?

— История завораживающая.

— Воистину, завораживающая. Я бы на вашем месте проявил осторожность.

— С какой стати, что может случиться? Это давняя история, с последнего убийства прошло двадцать лет.

Никколо медленно покачал головой.

— Для Флоренции двадцать лет — это позавчера. И следствие еще ведется. Сатанинские секты, черные мессы, виллы ужасов... Итальянцы воспринимают такие вещи очень серьезно. На этом деле иные составляли — или погубили — свою карьеру. Берегитесь, как бы вам с Марио в азарте не ткнуть палкой в гадючье гнездо.

— Мы будем осторожны.

Он улыбнулся.

— На вашем месте я бы вернулся к очаровательному роману о Мазаччо, который вы описывали, и предпочел бы оставить Флорентийского Монстра в покое.

Глава 33

Однажды чудесным весенним утром вводный курс был окончен. Я знал все известные факты и стал вторым после Spezi специалистом по Монстру. Но на одну тему Spezi наотрез отказывался говорить, а именно — кто, по его мнению, мог быть Флорентийским Монстром.

— Я думаю, — сказал Spezi, — все, что у нас есть: сатанинские секты, богохульные приюты и тайные вдохновители заговора. Что дальше? — Он развалился на стуле и, коварно усмехнувшись, развел руками. — Кофе?

— С удовольствием.

Специ проглотил свою чашечку эспresso одним глотком — этой итальянской привычки я так и не усвоил. Я пил свой кофе маленькими глоточками.

— Вопросы есть? — Глаза у него задорно блестели.

— Да, — сказал я. — Кто, по-вашему, был Монстром?

Специ стряхнул пепел с сигареты.

— Все перед вами. — Он обвел широким жестом грудку бумаг на столе. — Что думаете вы?

— Сальваторе Винчи.

Специ покачал головой.

— Давайте встанем на точку зрения Филиппа Марло. Все дело в «беретте». Кто достал оружие для преступления 1968 года? Кто из него стрелял? Кто унес его с собой? И главное, что случилось с ним потом? Все здесь, перед вами, нужно только увидеть.

— Пистолет принадлежал Сальваторе Винчи, — рассуждал я. — Он привез его с Сардинии, он спланировал убийство 1968 года, у него была машина, он и стрелял.

— Браво!

— Значит, он и унес домой пистолет.

— Именно! Он всучил пистолет Стефано Меле для последнего выстрела, чтобы парафиновый тест выявил у того на руке следы пороха. Потом Меле отбросил оружие.

Винчи его поднял и унес с места преступления. Он был не дурак. Не собирался оставлять полиции оружие убийства. Пистолет, из которого совершили убийство, опасен, баллистики могут привязать его к пулям, извлеченным из тела жертвы. Такой пистолет нельзя продавать или отдавать кому-то. Его следует либо уничтожить, либо тщательно скрыть. Нам известно, что пистолет не был уничтожен, стало быть, Винчи его спрятал. Вместе с коробками патронов. Через шесть лет оружие появляется, чтобы снова убивать, — в руках Флорентийского Монстра.

Я кивнул.

— Так вы полагаете — так считал и Ротелла, — что Монстром был Сальваторе Винчи.

Специ улыбнулся:

— Право? — дотянувшись до груды бумаг, он вытянул из нее доклад ФБР. — Вы его читали. Похоже на Сальваторе Винчи?

— Не слишком.

— Совсем не похоже. В докладе определенно утверждается одно: Монстр — импотент или почти импотент. Он страдает от дисфункции половых органов и не имел или почти не имел контактов с женщинами своего возраста. Он убивает для удовлетворения своего либидо, которое не может удовлетворить обычным путем. Веское тому доказательство — на местах преступлений не оставалось свидетельств насилия, домогательств, никакой сексуальной активности. Но Сальваторе был противоположностью импотенту — он был настоящим Приапом. И остальные психологические подробности в рапорте ФБР к Сальваторе не подходят.

— Если Сальваторе — не Монстр, то перед вами остается проблема, как пистолет попал к Монстру? — спросил я.

Вопрос повис в воздухе. Специ блеснул глазами.

— Украден? — предположил я.

— Именно! А кому было проще всего забрать пистолет?

Все подсказки были передо мной, но я не видел ответа.

Специ побарабанил пальцем по столу.

— У меня здесь не хватает очень важного документа. Я знаю, что он существует, со слов людей, которые его видели. Я все перепробовал, чтобы заполучить его. Не догадываетесь, что это за документ?

— Заявление о краже?

— В точку! Весной 1974 года, за шесть месяцев до двойного убийства в Борго Сан-Лоренцо, Сальваторе Винчи пришел к карабинерам оформить заявление.

«Дверь моего дома взломана, в него входили». Карабинеры спросили, что было украдено, на что он ответил: «Не знаю».

Специ поднялся и открыл окно. Поток свежего воздуха всколыхнул пласты голубого дыма под потолком. Он вытряхнул из пачки новую сигарету, сунул в рот и зажег, потом отвернулся от окна.

— Подумайте, Дуг. Этот чудесный парень, сард с глубокой, доставшейся от предков подозрительностью к властям, возможно, убийца, идет к карабинерам жаловаться на взлом, хотя ничего не было украдено. Зачем? И зачем вообще кому-то понадобилось грабить его дом? Это жалкое бедное жилище, там нечего взять. Кроме... возможно... «беретты» двадцать второго калибра и коробок с патронами?

Он стряхнул пепел с сигареты. Я сидел на краешке стула.

— Я умолчал о самой незаурядной подробности. Винчи назвал взломщика! Он обвинял мальчишку. Члена сардинского клана, близкого родственника. Как можно было сдать карабинерам такого человека? Зачем писать на него заявление, если он ничего не взял? Затем, что он боялся того, что сделает вор с этим пистолетом! Сальваторе Винчи хотел оставить свидетельство взлома, чтобы защитить себя. На случай, если парень, заполучив пистолет, сделает что-то... ужасное.

Специ подвинул ко мне пальцы, словно придвигая отсутствующий документ.

— Там, в этом заявлении, мы находим имя, которое Сальваторе назвал карабинерам. Имя вора. Этот человек, дорогой мой Дуглас, и есть Флорентийский Монстр.

— Кто же это?

Специ загадочно улыбнулся.

— Терпение. В 1988 году, после раскола между Ротеллой и Винчи, карабинеры официально устранились от дела. Но совсем забыть о нем они не могли. Они продолжали заниматься им тайно. И это они раскопали недостающий документ бог весть в каких пыльных архивах в подвале какой-то грязной казармы.

— Тайное расследование? А еще что-нибудь они нашли?

Марио улыбался.

— Много. Например, после первого убийства, совершенного Монстром. Сальваторе Винчи прошел обследование в психиатрическом отделении больницы Санта-Мария-Нуова. Зачем — мы не знаем, результаты обследования, кажется, затерялись. Возможно, мальчик, укравший пистолет, все-таки сделал с ним что-то ужасное.

Он протянул руку, пошуршал бумагами и вытащил доклад ФБР.

— Ваше ФБР в этом документе приводит немало особенностей, которыми, вероятно, обладает Монстр. Давайте примерим их к нашему подозреваемому. Тут говорится, что преступник, вероятно, привлекался за мелкие преступления, но не за преступления, связанные с сексуальным насилием или членовредительством. За нашим парнем числятся угоны машин, нелегальное хранение оружия, взлом и поджог.

Специалисты предполагают, что во время семилетнего промежутка между преступлениями, с 1974 по 1981 год, Монстра не было во Флоренции. Наш человек уехал из Флоренции в январе 1975-го. Вернулся в конце восьмидесятого. Через несколько месяцев снова начались убийства.

Доклад предполагает, что в период совершения убийств преступник жил одиноко, а когда жил не один, то, возможно, с пожилой женщиной, бабушкой или тетей. Семь лет, пока он отсутствовал во Флоренции, наш подозреваемый прожил у тети. Через несколько месяцев после последнего убийства в 1985 году он познакомился с пожилой женщиной и переехал к ней. Правда, с 1982 по 1985 год он был женат, но, по сведениям карабинеров, тайно собиравших сведения, брак был расторгнут как «*impotentia coeundi*» — как не осуществившийся. Хотя, по правде сказать, ссылка на «*impotentia coeundi*» иной раз приводится в Италии как предлог для развода, даже если не соответствует истине.

Специалисты из ФБР говорят, что этот тип убийцы часто контактирует с полицией и стремится сбить следствие со следа или по крайней мере узнать новости. Наш подозреваемый предложил карабинерам работать у них осведомителем.

И, наконец, исследования историй серийных убийств часто обнаруживают в прошлом недостаток материнской любви и сексуальное насилие в семье. Мать нашего человека убили, когда ему был год. Он вторично перенес травму разлуки с матерью, когда из семьи ушла любовница его отца, долго заботившаяся о мальчике. Он жил в маленьком доме, где отец его проводил сексуальные оргии, в которых участвовали мужчины, женщины, а может быть, и дети. Требовал ли отец и его участия? У нас нет доказательств ни того — ни обратного.

Я начинал понимать, к чему он ведет. Специ глубоко затянулся и выдохнул дым.

— В докладе предполагается, что первое убийство он мог совершить в возрасте двадцати с небольшим. Однако ко времени первого убийства нашему человеку было всего пятнадцать лет.

— Разве это не снимает с него подозрений?

Специ покачал головой.

— В действительности многие серийные убийцы начинали в удивительно юном возрасте. — Он перечислил имена нескольких известных в Америке серийных убийц, называя возраст дебюта каждого: шестнадцать, пятнадцать, четырнадцать, семнадцать. — Парень чуть не попался на первом преступлении 1974 года. Это была проделанная в панике работа импульсивного новичка. Он справился только потому, что убил мужчину с первого

выстрела, однако это была случайность. Пуля попала в плечо, но потом, отвернув от кости, вошла в грудь и остановила сердце. У девушки было время выбраться из машины и бежать. Убийца стрелял ей вслед, но попал только в ногу. Ему пришлось добивать ее ножом. Затем он поднял труп и отнес за машину. Он пытался овладеть ею, но не сумел. Сексуальное бессилие, «*impotentia coeundi*». Тогда он подобрал виноградную лозу и воткнул ей в вагину. Он остался с трупом, ласкал его единственным орудием, приносившим ему возбуждение — ножом. Он, может, и хотел бы изнасиловать труп, но не мог. Тогда он сделал надрезы вокруг груди и лобка, чтобы показать, что она теперь принадлежит ему.

Долгое молчание повисло в маленькой столовой. Окно в дальней стене выходило на те самые холмы, где скрывался Монстр.

— Тут сказано, что у преступника есть машина. У него есть машина. Убийства совершались в местах, хорошо знакомых убийце, рядом с его домом или местом работы. Если составить карту жизни и передвижений этого человека, все места до единого окажутся либо рядом с его жильем, либо знакомы ему.

Марио снова коснулся пальцем стола.

— Если бы мне только добыть то заявление о взломе...

— Он еще жив? — спросил я.

Специ кивнул:

— И я знаю, где он живет.

— Вы с ним не говорили?

— Пробовал. Однажды.

— И?.. — наконец не выдержал я. — Кто же это?

— Вы уверены, что хотите знать? — Марио подмигнул.

— Черт побери, Марио!

Специ сделал длинную затяжку и потихоньку выпустил дым.

— Мой осведомитель утверждает, что в 1974 году Сальваторе Винчи обвинил во взломе и проникновении в его дом своего сына. Своего сына! Антонио Винчи. Малыша, спасенного от отравления газом на Сардинии в 1961-м.

«Ну, конечно!» — подумал я и сказал:

— Марио, вы ведь знаете, что делать, верно?

— Что же?

— Взять у него интервью.

Глава 34

Со времени убийства в 1968 году Барбары Лоччи и ее любовника прошло более трех десятилетий, и из всех людей в живых остались только двое: Антонио Винчи и Наталино Меле. Остальные умерли или исчезли. Тело Франческо Винчи нашли связанным в запертом багажнике сгоревшей машины — он, по-видимому, встал не на ту сторону в мафиозных разборках. Сальваторе скрылся после оправдания в суде. Стефано Меле, Пьеро Муччарини и Джованни Меле давно умерли.

До интервью с Антонио Винчи мы решили поговорить с Наталино Меле, который в шесть лет оказался свидетелем убийства своей матери. Наталино согласился побеседовать с нами, выбрав местом встречи утиный пруд в парке Кашине во Флоренции, рядом со стареньким «чертовым колесом» и каруселью.

День был хмурый и тусклый, пахло прелой листвой и попкорном. Меле подошел, держа руки в карманах — грузный печальный мужчина чуть старше сорока, черноволосый, со взглядом человека, видевшего призрак. Когда его мать погибла, а отец попал в тюрьму, родственники сбыли его в детский дом: судьба, особенно жестокая в стране, где семья — это все. Он был один на свете.

Мы сели на скамейку, откуда были слышны ритм диско и громохание карусели. Мы спросили, помнит ли он подробности ночи 21 августа 1968 года, когда убили его мать. Этот

вопрос вывел его из себя.

— Мне было шесть лет, — пронзительно кричал он. — Что вы хотите услышать? Сколько времени прошло, разве я могу вспомнить что-то новое? Вот так они и спрашивали меня без конца: «Что ты помнишь? Что ты помнишь?»

В ночь преступления, сказал Наталино, он был так перепуган, что вовсе не мог говорить, пока карабинеры не пригрозили отвезти его обратно к мертвой матери. Четырнадцать лет спустя, когда следствие установило связь между убийством в 1968-м и преступлениями Монстра, полицейские снова начали допросы. Они немилосердно давили на него. Он был свидетелем убийства 1968 года, и они, как видно, думали, что он утаивает важную информацию. Допросы продолжались на протяжении года. Он снова и снова повторял им, что ничего не запомнил в ту ночь. Следователь совал ему в лицо снимки изуродованных жертв Монстра, крича: «Взгляни на этих людей! Это твоя вина! Это ты виноват, что не можешь вспомнить!»

Когда Наталино заговорил о тех беспощадных допросах, голос его наполнился мукой, зазвучал громче.

— Я говорил им, что ничего не помню. Ничего! Кроме одного. Одно я помню! — Он замолчал, переводя дыхание. — Все, что я и теперь помню — это как открыл глаза в машине и увидел перед собой маму — мертвую. Это все, что я запомнил. И, — добавил он дрогнувшим голосом, — это все, что я помню о ней.

Глава 35

Несколько лет назад Spezi звонил Антонио Винчи по телефону и пытался договориться об интервью. Он получил категорический отказ. После этого мы обсуждали, как нам лучше подобраться к этому человеку. Решили заранее не звонить, чтобы не давать ему возможности вновь отказать. Вместо того решили приехать прямо домой и назваться фальшивыми именами, чтобы избежать нового отказа и защитить себя от возможных претензий после публикации статьи. Я должен был представиться американским журналистом, работающим над статьей о Флорентийском Монстре, а Spezi — моим другом, помогающим с переводом.

Мы подъехали к дому, где жил Антонио, в 21:40, достаточно поздно, чтобы наверняка застать его. Антонио жил в чистом рабочем районе на западе Флоренции. Многоквартирное здание выходило на улицу — солидное бетонное строение с садиком и велосипедной стойкой перед входом. В конце улицы, за рядом зонтичных сосен, виднелся остов заброшенной фабрики.

Специ нажал кнопку домофона, и женский голос отозвался: «Кто там?»

— Марко Тецци, — ответил Spezi.

Нас впустили, ни о чем больше не спрашивая.

Антонио встретил нас в дверях. Он был в одних шортах.

Марио он узнал с первого взгляда:

— Ах, Spezi, это вы? Я не расслышал имени. Давно хотел с вами встретиться.

Он гостеприимно усадил нас за кухонный стол и предложил особый сардинский спиртной напиток под названием «мирто». Его сожительница, молчаливая и неприметная женщина старше него годами, домыла под краном шпинат и вышла из кухни.

Антонио был красивый мужчина. Когда он улыбался, на щеках появлялись ямочки. В коротких курчавых волосах светилась седина, но тело было загорелым и мускулистым. Он излучал самоуверенность и обаяние рабочего человека. За легкой беседой о прошлом он словно невзначай поигрывал мускулами или проводил по ним ладонью, бессознательно любуясь собой. На левом предплечье у него был вытатуирован клевер-четырёхлистник, на правом — переплетенные сердца. На середине груди красовался большой шрам. Говорил он низким приглушенным и проникновенным голосом, напоминая молодого Де Ниро в фильме «Таксист». Черные глаза были живыми и спокойными, наше неожиданное появление его,

казалось, позабавило.

Специ непринужденно завязал разговор и достал из кармана диктофон.

— Можно им воспользоваться? — спросил он.

Антонио с улыбкой поиграл мускулами.

— Нет, — сказал он. — Я ревниво отношусь к своему голосу. Такой бархатистый голос с таким богатством интонаций нельзя запирать в коробку.

Специ спрятал диктофон в карман и пояснил, что я — журналист, пишу статью о Монстре для «Нью-Йоркера». Это интервью — одно из многих, рутинная работа, опрос всех, кто был связан с делом и еще жив. Антонио с виду удовлетворился этим пояснением и совсем расслабился.

Специ начал с вопросов общего характера, создавая атмосферу дружеской беседы и делая записки скорописью. Антонио пристально следил за ходом дела Монстра и потрясающе владел фактическим материалом. После ряда общих вопросов Специ стал подбираться к сути.

— В каких отношениях вы были с вашим дядей, Франческо Винчи?

— Мы были очень близки. Дружба между нами была крепче стали. — Помолчав минуту, он добавил нечто невероятное: — Специ, хочу порадовать вас сенсацией. Вы помните, Франческо арестовали за то, что он спрятал свою машину? Ну, так я был с ним в ту ночь! Никто до сих пор об этом не знал.

Антонио имел в виду ночь двойного убийства на Монтиспертоли, у замка Поппиано в июне 1982 года. Антонио жил тогда в шести километрах от места преступления. Именно то преступление привело к аресту Франческо Винчи как Флорентийского Монстра, а то, что он спрятал свою машину в зарослях примерно во время убийства, свидетельствовало против него. Это в самом деле была крупная сенсация: если Антонио в ту ночь был с Франческо, значит, у Франческо было алиби, которым он так и не воспользовался — и в результате напрасно провел два года в тюрьме.

— Но если так, значит, у вашего друга Франческо был свидетель защиты! — сказал Специ. — Вы могли помочь ему оправдаться и избежать тюрьмы! Почему вы молчали?

— Потому что не хотел впутываться в это дело.

— И позволили на два года засадить его за решетку?

— Он хотел прикрыть меня. А я доверяю системе.

«Доверяю системе»... Совершенно невероятное заявление в его устах! Специ продолжал:

— А в каких отношениях вы были со своим отцом Сальваторе?

Легкая улыбка на губах Антонио застыла, но лишь на мгновение.

— Мы всегда расходились во взглядах. Можно сказать, несовместимость характеров.

— Но были ведь конкретные причины, почему вы не ладили? Возможно, вы считали Сальваторе Винчи ответственным за смерть матери?

— В общем-то, нет. Хотя слухи до меня доходили.

— У вашего отца были необычные сексуальные пристрастия. Может быть, они были причиной вашей ненависти к нему?

— В то время я ничего о них не подозревал. Только позднее узнал о его... — Он помедлил. — ...Причудах.

— Но вы с ним серьезно ссорились. Даже когда вы были совсем молоды. Например, весной 1974 года ваш отец подал заявление, где обвинял вас в ограблении дома... — Специ выдержал непринужденную паузу. Вопрос был критический — ответ мог подтвердить, что отсутствующий документ существовал в действительности. — Если Сальваторе Винчи в самом деле выдвигал обвинение против Антонио незадолго до первого убийства Монстра.

— Не совсем так, — отозвался Антонио, — поскольку он не мог утверждать, что я что-либо взял, мне предъявили обвинение в незаконном вторжении. В другой раз мы подрались, и я повалил его, приставил к горлу свой нож-скубу, но он сумел вырваться, а я заперся в ванной.

Мы подтвердили одну важную подробность — взлом и вторжение в 1974 году. Но Антонио, совершенно добровольно — едва ли не с вызовом — добавил еще одну важнейшую деталь: что он угрожал Винчи «ножом-скубой». Медэксперт по делу Монстра, Мауро Маурри, за много лет до того писал, что инструмент Монстра мог быть ножом-скубой.

Специ продолжал расспросы, кругами подбываясь к цели.

— Кто, по-вашему, совершил двойное убийство 1968 года?

— Стефано Меле.

— Однако пистолета так и не нашли...

— Меле мог продать его или отдать кому-то после выхода из тюрьмы.

— Невозможно. Пистолет был использован снова в 1974 году, когда Меле был еще в тюрьме.

— Вы уверены? Мне это не приходило в голову.

— Говорят, что в 1968-м стрелял ваш отец.

— Он был слишком труслив для такого дела.

Специ спросил:

— Когда вы покинули Флоренцию?

— В 1974-м. Сперва уехал на Сардинию, потом на озеро Комо.

— А потом вернулись и женились...

— Верно. Женился на подруге детства, но брак распался. Мы поженились в 1982-м, а расстались в 1985-м.

— Почему?

— Она не могла иметь детей.

Именно этот брак был аннулирован как не состоявшийся, «*impotentia coeundi*».

— А потом вы женились снова?

— Я живу с женщиной.

Специ спросил полушутя, как бы завершая интервью:

— Можно задать вам провокационный вопрос?

— Конечно. Не обещаю, что отвечу.

— Вопрос таков: если «беретта» двадцать второго калибра хранилась у вашего отца, то легче всего похитить ее было вам. Например, во время незаконного вторжения весной 1974-го.

Антонио ответил не сразу. Он, казалось, обдумывал ответ.

— Я могу доказать, что не брал ее.

— Как же?

— Если бы я ее взял, — он улыбнулся, — то пустил бы пулю в лоб отцу.

— Продолжая ту же линию рассуждений, — заметил Специ, — вас не было во Флоренции с 1975 по 1980-й, в те самые годы, когда не было убийств. Когда вы вернулись, они начались снова.

Антонио не дал прямого ответа на это утверждение. Он откинулся на спинку стула, широко улыбаясь:

— То были лучшие годы в моей жизни. У меня был дом, меня хорошо кормили, и все эти девушки... — Он присвистнул и сделал жест, обозначающий у итальянцев занятие любовью.

— Итак, — беспечно продолжал Специ, — вы не... Флорентийский Монстр?

Пауза был совсем короткой. Антонио ни на миг не перестал улыбаться.

— Нет, — сказал он, — мне больше нравятся живые киски.

Мы поднялись. Антонио проводил нас до двери. Открывая ее, он склонился к Специ. Он заговорил негромко, все тем же сердечным тоном, переходя на фамильярное «ты».

— Ах, Специ, совсем забыл сказать еще одно, — голос его стал жестким и угрожающим. — Слушай и запоминай: я в игры не играю!

Глава 36

Мы со Spezi сдали в «Нью-Йоркер» статью о Флорентийском Монстре летом 2001 года. На лето мы с семьей вернулись в Штаты, на старую семейную ферму на побережье штата Мэн. Тогда я много работал с редактором «Нью-Йоркера», правя и переписывая статью. Срок публикации был назначен на третью неделю сентября 2001 года.

Мы со Spezi предвкушали, что выход статьи вызовет в Италии большой отклик. Общественное мнение Италии давно утвердилось в мысли о виновности Паччани и его «друзей по пикникам». Большинство итальянцев проглотили и версию Джуттари о тайных и могущественных приверженцах культа, которые стояли за Паччани и компанией. Американцы могут презрительно относиться к идее стоящей за преступлениями сатанинской секты, но итальянцам она не представляется необычной или неправдоподобной. С самого начала ходили слухи, что за убийствами стоит некто важный и влиятельный — врач или аристократ. Поиски сатанинской секты выглядели логическим развитием этой идеи, и большинство итальянцев считали их оправданными.

Мы надеялись пошатнуть их уверенность.

Статья для «Нью-Йоркера» выдвигала очень сильные доводы в доказательство того, что Паччани не был Монстром. В таком случае его признавшиеся «друзья по пикникам» оказывались лжецами, и версия Джуттари о секте сатанистов, построенная только на их показаниях, рушилась. После чего оставалась только одна линия расследования — сардинский след.

Марио знал, что карабинеры втайне продолжают работать по сардинскому следу. Тайный осведомитель Марио, неизвестный мне, сообщил ему, что они ожидают подходящего момента, чтобы обнародовать результаты розыска. «Il tempo è un galantuomo, — сказал Spezi осведомитель. — Время — джентльмен». Spezi надеялся, что публикация статьи в «Нью-Йоркере» подстегнет карабинеров к действию и направит следствие на верный след — что приведет к разоблачению Монстра.

— Итальянцы, — говорил мне Марио, — чувствительны к общественному мнению в Америке. Если такой видный американский журнал, как «Нью-Йоркер», объявит Паччани невиновным, это вызовет фурор — именно фурор!

Лето 2001 года шло к концу, и наша семья начинала готовиться к перелету из Бостона во Флоренцию, назначенному на 14 число, чтобы с 17-го дети могли приступить к учебе.

11 сентября 2001 года все переменилось.

Около двух часов в тот долгий и страшный день я выключил телевизор, стоявший в кухне нашего дома в штате Мэн. Взяв с собой шестилетнего Айзека, я вышел пройтись. День сиял красками осени, последним победным кличем жизни перед наступлением зимы, свежий воздух пах дровяным дымком, небо сверкало синевой.

Мы прошли через недавно скошенные поля за фермой, мимо яблоневого сада и направились по заброшенной лесосеке в лес. Через милю мы свернули с дороги в чашу, разыскивая бобровый пруд, скрытый в самой гуще леса, где жили лоси. Я хотел уйти от всех следов человеческого существования, найти для себя место, не оскверненное ужа сом этого дня. Мы пробились сквозь густой ельник и медленно зашагали по болоту, покрытому сфагнумом. Через полмили солнечный луч пробился между древесными стволами. Мы вышли к бобровому пруду. Поверхность его была совсем черной и гладкой, отражала склонившийся к воде лес, а здесь и там краснели пятна листьев, слетевших с осенних кленов, толпившихся у берега. Пахло зеленым мхом и влажными сосновыми иголками. То было первозданное место, безмянный пруд на неизвестном ручье, вне добра и зла.

Пока мой сын собирал погрызенные бобрами ветки, у меня нашлась минута собраться с мыслями. Я задумался, хорошо ли покидать страну, когда на нее нападают. Обдумывал, безопасно ли лететь с детьми самолетом. И гадал, как этот день повлияет на нашу жизнь в Италии, когда мы вернемся туда. В последнюю очередь мне пришла в голову мысль, что наша статья для «Нью-Йоркера» о Флорентийском Монстре вряд ли увидит свет.

Подобно большинству американцев мы решили жить как жили. В Италию мы вылетели 18 сентября, как только возобновились полеты. Друзья-итальянцы устроили для нас прием в апартаментах на пьяцце Санто-Спирито, с видом на большую церковь, построенную Брунеллески. Войдя в квартиру, мы словно попали на похороны; наши итальянские друзья один за другим подходили и обнимали нас, иные со слезами на глазах, принося свои соболезнования. Вечер был мрачным, и под конец его наша знакомая, преподававшая греческий в университете Флоренции, прочла стихотворение Константина Кавафиса «В ожидании варваров». Она прочла его сперва в оригинале, по-гречески, а потом на итальянском. В стихотворении описывалось, как римляне позднего периода империи ожидают прихода варваров. Я никогда не забуду последних строк, которые она продекламировала в тот вечер:

Уже стемнело — а не видно варваров.
Зато пришли с границы донесения,
Что более не существует варваров.
И как теперь нам дальше жить без варваров?
Ведь варвары каким-то были выходом.⁷

Как я и ожидал, «Нью-Йоркер» отменил публикацию статьи, великодушно выплатив нам гонорар целиком и вернув право опубликовать ее в других изданиях. Я нерешительно попытался пристроить ее в другие журналы, но после 11 сентября никого не интересовала история давних серийных убийств где-то за границей.

После 11 сентября многие комментаторы на телевидении и в газетах рассуждали о природе зла. Звезды литературы и культуры призваны были выразить свое серьезное и обдуманное мнение. Политики, религиозные лидеры и психологи не жалели красноречия для этой темы. Меня поражала их полная неспособность объяснить этот самый таинственный из феноменов, и мне начинало казаться, что сама непостижимость зла является, в сущности, одной из его фундаментальных характеристик. Нельзя взглянуть злу в лицо — оно безлико. Оно лишено тела, костей, крови. Любая попытка описать его кончается болтовней и самообманом. Возможно, думал я, потому-то христиане и выдумали дьявола, а следователи, искавшие Монстра, изобрели сатанинскую секту. Это, как писал Кавафис, было хоть каким-то выходом.

В это время я начал понимать, почему мною так завладела история Монстра. Двадцать лет я писал триллеры, в которых были убийства и жестокость, и пытался, как правило тщетно, понять самый источник зла. Флорентийский Монстр привлекал меня, потому что казался дорогой, ведущей в дебри. Этот случай во многих отношениях был чистейшим воплощением зла, с каким мне приходилось сталкиваться. В нем было прежде всего зло убийств, совершаемых развращенным и больным человеческим существом. Но в деле проявились и другие виды зла. Некоторые из верхнего слоя следователей, прокуроров и судей, обремененных священной обязанностью отыскать истину, казалось, больше стремились использовать этот случай для собственного возвышения и личной славы. Упершись в ошибочную версию, они отказывались пересмотреть свои убеждения, сталкиваясь с сокрушительными доказательствами своей неправоты. Им важнее было спасти лицо, чем жизни людей, они больше стремились сделать карьеру, чем засадить Монстра за решетку. Вокруг непостижимого зла Монстра слоями нарастали ложь, тщеславие, амбиции, высокомерие, некомпетентность и безответственность. Монстр действовал, как раковая опухоль, давая метастазы, проникая в кровь и с ней в укромные мягкие уголки, делясь, размножаясь, создавая собственную сеть кровеносных сосудов и капилляров, питающих только ее, разбухая, ширясь и в конечном счете убивая.

⁷ Перевод И. Ковалевой.

Я знал, что Марио Spezi уже приходилось бороться со злом, разбуженным делом Монстра. Однажды я спросил его, как он справлялся с ужасом этого дела — злом, которое, как я чувствовал, начинало сказываться на мне.

— Никто не понимал зла лучше, чем брат Галилео, — ответил он мне, вспоминая монаха-францисканца, занимавшегося психоанализом, к которому он обратился, когда ужас дела Монстра грозил сломить его. Брат Галилео давно уже умер, но Марио не сомневался: пережить без францисканца период преступлений Монстра он бы не смог. — Он помог мне понять то, что не поддается пониманию.

— Вы не помните, что он говорил?

— Я повторю слово в слово, Дуг. Я записывал.

Он раскопал записи тех бесед с братом Галилео, где тот говорил о зле, и стал читать. Старый монах начал с того, что напомнил о впечатляющей игре слов: в итальянском языке слово «male» означает «зло» или «болезнь», и слово «discorso» означает «речь» или «изучение».

«Патологию можно определить как „discorso sul male“ (изучение болезни (или зла)), — говорил брат Галилео. — То же и с психологией, которую определяют как „изучение души“, но я предпочитаю „изучение души, сияющей заговорить сквозь свои невротические отклонения“.

Между нами больше нет истинного общения, сам наш язык болен, и болезненность нашего общения неизбежно ведет к болезни наших тел, к неврозам, если не к душевной болезни.

Если я больше не могу общаться посредством речи, я общаюсь через болезнь. Мои симптомы — порождение жизни. Эти симптомы выражают потребность души быть услышанной и невозможность этого, потому что у нее нет слов и потому что те, кто слушают, не слышат ничего, кроме звука собственного голоса. Язык болезни труднее всего поддается переводу. Эта самая острая форма шантажа, презирующая все наши попытки откупиться и избавиться от шантажиста. Эта последняя попытка достичь общения.

Душевная болезнь — крайняя стадия борьбы за то, чтобы быть услышанным. Это последнее прибежище отчаявшейся души, понявшей наконец, что ее никто не слышит и не услышит. В безумии воплощаются все тщетные попытки быть услышанным. Оно — нескончаемый крик боли и одиночества в абсолютном молчании и равнодушии общества. Крик без эхо.

Такова природа зла Флорентийского Монстра. И такова природа зла в каждом из нас. В каждом из нас живет Монстр того же вида, различие лишь в силе».

Неудача с публикацией нашей статьи сокрушила Spezi. Это был серьезный удар в борьбе, которой он посвятил всю жизнь, — борьбе за разоблачение Монстра. Разочарование и досада еще более усилили его поглощенность этим делом. Я же перешел к другим делам. В том году я начал работу над новым триллером «Огонь и сера», в соавторстве с Линкольном Чайлдом, с которым мы создали серию романов-бестселлеров и героя-сыщика по имени Пендергаст. Действие «Серы» происходило порой в Тоскане, в романе появлялся серийный убийца, сатанинские обряды и пропавшая скрипка Страдивари. Флорентийский Монстр скончался, и я принялся вшивать куски его трупа в свои романы.

Как-то, прогуливаясь по Флоренции, я проходил мимо крошечной мастерской, где вручную переплетали книги. Она навела меня на интересную мысль. Я вернулся домой, распечатал нашу статью о Монстре в формате «in octavo» и отнес в переплетную мастерскую. Переплетчик сработал две книги в переплетах из флорентийской кожи, с мраморным узором на форзацах. На каждой обложке было золоченое заглавие, наши имена и флорентийские лилии.

В выходных данных значился тираж: два экземпляра. В очередной раз ужиная у Spezi за столиком на террасе с видом на Флоренцию, я преподнес ему экземпляр номер 1. Он

повертел его в руках, любуясь золотым обрезом и тонкой кожей. Потом взглянул на меня, блеснув карими глазами.

— Знаете, Дуг, раз уж мы все равно проделали такую работу... Надо нам написать книгу о Монстре.

Я сразу подхватил его мысль. Мы обсудили ее и решили, что выпустим книгу сперва в Италии и на итальянском. Потом переработаем для американского читателя и попытаемся опубликовать в Соединенных Штатах.

На протяжении многих лет мои романы в Италии издавал «Сонцоньо», филиал «Эр-си-эс либри», большого издательского дома, включающего в себя «Риццоли» и газету «Корриере делла сера». Я позвонил редактору из «Сонцоньо», и мне удалось ее заинтересовать, особенно когда мы переслали ей написанную нами статью для «Нью-Йоркера». Она пригласила нас для обсуждения проекта. И мы отправились поездом в Милан, пробили идею и вышли из редакции с отличным контрактом.

«Эр-си-эс либри» особенно заинтересовалось нашим предложением, потому что они недавно опубликовали другую книгу на тему о Монстре, ставшую крупным бестселлером. Автор книги? Главный инспектор Микеле Джуттари.

Глава 37

Тем временем расследование Джуттари, надолго завязшее после дела с «виллой ужасов», начало оживать. В 2002 году новая линия расследования прорезалась в соседней провинции, Умбрии. Там, в ста пятидесяти километрах от Флоренции, лежит в холмах старинный и прекрасный городок — Перуджа.

Первым сигналом послужил странный телефонный звонок. В начале того года Специ позвонила Габриэлла Карлици. Карлици, если вы не забыли, была та чокнутая, что утверждала, будто «Орден Красной Розы» стоял не только за убийствами Монстра, но и за терактом 11 сентября.

У Карлици нашлось что поведать «монстрологу» Специ.

Однажды, оказывая помощь заключенным тюрьмы Риббиа под Римом, она услышала волнующее признание от одного из них, бывшего члена пресловутой итальянской банды из Мальяны. Заключенный сказал, что врач, утонувший в Тразименском озере в 1985 году, погиб не в результате несчастного случая и не покончил с собой, как решило тогда следствие, а был убит. Убит по приказу «Ордена Красной Розы», к которому принадлежал и сам врач. Другие члены ордена решили убрать его, поскольку он внушал подозрения и намеревался открыть их тайную деятельность полиции. Чтобы скрыть следы преступления, тело подменили и в озеро бросили другой труп. Так что в могиле доктора похоронен другой покойник.

Специ, не раз сталкивавшийся с теориями заговоров, горячо поблагодарил Карлици и с большим сожалением объяснил, что не занимается больше этой темой. После чего распрощался по возможности быстро и вежливо.

Тем не менее Специ смутно припоминал историю утонувшего врача. Через месяц после последнего убийства Монстра в 1985 году красивый молодой человек из богатой перуджийской семьи, Франческо Нардуччи, утонул в Тразименском озере. В то время кружили слухи, что он покончил с собой, потому что был Монстром, слухи эти, как обычно, проверили и опровергли.

В начале 2002 года неутомимая Карлици, отвергнутая Специ в ее стремлении к гласности, представила свою версию государственному обвинителю Перуджи Джулиано Миньини, в чьей юрисдикции находилась и область Перуджа. Миньини заинтересовался. История, по-видимому, переплеталась с другим делом, которое он вел. Группа ростовщиков одалживала деньги лавочникам и предпринимателям под космические проценты и жестоко мстила неплательщикам. Хозяйка магазинчика, опаздывавшая с выплатой, решила их разоблачить. Она записала угрозы, звучавшие в телефонном разговоре, и прислала запись

государственному обвинителю.

Однажды утром, когда я работал в своем сельском доме в Джоголи, мне позвонил Spezi.

— Монстр снова в «Новостях», — сказал он. — Я еду к вам. Поставьте кофе.

Он прикатил с пачкой утренних газет в руках. Я стал читать.

— «Берегись, не то поступим с тобой, как с тем доктором в Тразименском озере», — цитировали газеты угрозу ростовщика с записи телефонного разговора. Больше ничего, ни имен, ни фактов. Однако государственный обвинитель Джулиано Миньини придал этим словам большое значение. Он, очевидно на основании информации, полученной от Карлицци, заключил, что Франческо Нардуччи был убит ростовщиками, которые могли быть связаны с «Орденом Красной Розы» или с иной сатанинской сектой.

Судья Миньини, государственный обвинитель, уведомил главного инспектора Джуттари о связи с делом Монстра. И Джуттари со своей командой ГИДЕС предприняли решительные усилия для доказательства, что Нардуччи не покончил с собой. Он был убит с целью заставить его молчать и сохранить известные ему жуткие тайны. Миньини распорядился вновь открыть дело Нардуччи уже как дело об убийстве.

— Ничего не понимаю, — сказал я, пытаюсь читать газеты. — Бессмыслица какая-то.

Специ кивнул и цинично улыбнулся.

— В мое время такого дерьма никогда бы не напечатали. Журналистское ремесло в Италии вырождается.

— Так или иначе, — сказал я, — это дополнительный материал для нашей книги.

Несколько позже в газеты прорвались новые подробности этой истории. На сей раз, по-прежнему ссылаясь на безымянные источники, газеты напечатали новую версию так называемой «записи разговора». Теперь ростовщик якобы сказал: «Берегись, не то поступим с тобой, как с Нардуччи и Паччани». В таком варианте запись прямо связывала смерть Нардуччи с так называемым убийством Паччани — и, следовательно, с делом Монстра.

Позже Spezi из собственного источника узнал, что слова в записи звучали не столь определенно: «Мы поступим с тобой, как с мертвым врачом на озере». Приложив не слишком много усилий, удалось раскопать существование еще одного врача, проигравшего более двух миллиардов лир, чье тело было найдено на берегу Тразименского озера с пулей в голове незадолго до телефонного звонка с угрозами. Слова «на озере» в противоположность приводившимся прежде «в озере», по всей видимости, указывали на этого врача, а не на Нардуччи, который, кстати говоря, скончался за пятнадцать лет до записанного разговора.

Но к тому времени как выплыла эта новая информация, следствие о смерти д-ра Нардуччи уже раскрутилось так сильно, что остановить его было невозможно. Джуттари со своим элитным подразделением ГИДЕС искал — и нашел! — множество связей между смертью Нардуччи и убийствами Флорентийского Монстра. Новые версии следствия, просочившиеся в прессу, представляли собой сочный сюжет готического романа. Нардуччи, как сообщала пресса, был хранителем фетишей, вырезанных из женских тел. Убили его, чтобы не дать проговориться. В зловещий культ были вовлечены некоторые из богатейших семейств Перуджи, прикрывавшиеся, возможно, масонством — братством, к которому принадлежали отец и сын Нардуччи. Джуттари со своими следователями из ГИДЕС скрупулезно по минутам разобрали последний день Нардуччи в поисках улики.

Доктор Франческо Нардуччи принадлежал к богатой перуджийской семье. Молодой человек стал самым молодым в Италии профессором медицины в области гастроэнтерологии. На фотографиях он поражает своеобразной мальчишеской красотой: загорелый, улыбающийся, подтянутый и элегантный. Нардуччи был женат на Франческе Спаньоли, красавице и наследнице состояния Луизы Спаньоли, дизайнера модной женской одежды.

Вопреки или, может быть, по причине своего влияния и богатства семья Нардуччи не пользовалась большой любовью перуджийцев. За фасадом богатства и привилегий скрывалось, как нередко бывает, несчастье. Франческо Нардуччи уже некоторое время

принимал во все увеличивавшихся дозах меперидин (демерол). Согласно медицинской карте, ко времени смерти он принимал наркотик ежедневно.

Восьмого октября 1985 года было жарко и солнечно. Врач вел обычный прием в поликлинике Монтелуча в Перуджи, когда сестра позвала его к телефону. Далее показания расходятся. Один свидетель показал, что после звонка Нардуччи прекратил прием и выглядел нервным и озабоченным. Другой утверждал, что он закончил прием как обычно и спокойно покинул клинику, спросив одного из коллег, не хочет ли тот прокатиться с ним на лодке по Тразименскому озеру.

В половину второго он вернулся домой и пообедал с женой. В два часа Нардуччи позвонил владельцу причала у своей виллы, спросив, готова ли его моторная лодка выйти на воду. Тот ответил, что готова. Однако, уходя из дома, Нардуччи солгал жене, сказав, что возвращается в клинику и вернется рано. Нардуччи взял свой спортивный мотоцикл «Хонда-400» и направился к озеру, но не прямо к причалу. Прежде он побывал в фамильном особняке в Сан-Фелициано. Ходили слухи, подтвердить которые следствие не сумело, что там он написал письмо и оставил конверт на подоконнике. Письмо, если и существовало, пропало бесследно.

В половину четвертого врач наконец подъехал к причалу. Он вскочил в лодку — стройную красную «Грифо» — и завел семидесятисильный мотор. Владелец причала посоветовал ему не заплывать слишком далеко, поскольку бак был наполовину пуст. Франческо успокоил его и направил лодку к острову Польшезе в полутора километрах от берега.

Обратно он не вернулся.

Примерно в половине шестого, когда стало темнеть, владелец причала встревожился и позвонил брату Франческо. В семь тридцать к поискам присоединились карабинеры на лодке. Однако Тразименское озеро — одно из самых больших в Италии, и пустую дрейфующую лодку «Грифо» нашли только на следующий вечер. В ней остались темные очки, бумажник и пачка сигарет «Мерит», которые курил Нардуччи.

Тело нашли через пять дней. Когда его вынесли на берег, был сделан единственный черно-белый снимок трупа, лежащего на причале в окружении группы людей.

Карлицци сообщила государственному обвинителю, что тело Нардуччи подменили другим, ради прикрытия брошенным в озеро. Проверя это заявление, Джуттари заказал экспертный анализ снимка. Взяв за стандартную единицу измерения ширину доски на причале, эксперты заключили, что труп принадлежит человеку на четыре дюйма меньше ростом, чем был Нардуччи. Кроме того, они вычислили, что талия мертвеца слишком широка для стройного Нардуччи.

Другие эксперты опровергали этот вывод. Одни указывали, что тело, пять дней пробывшее в воде, склонно разбухать. Да и доски причала различаются по ширине, а причал, о котором шла речь, с тех пор заменили. Как узнать ширину досок семнадцатилетней давности? Все, кто окружал тогда труп, вплоть до самого медэксперта, присягнули, что это труп Нардуччи. Медэксперт тогда определил причину смерти как утопление, имевшее место около ста десяти часов назад.

Вскрытие, вопреки итальянским законам, не производилось. Родные Нардуччи, в первую очередь его отец, сумели обойти требования закона. Тогда жители Перуджи решили про себя, что родные опасались, как бы вскрытие не выявило его пристрастия к димеролу. Однако для Джуттари с его ГИДЕС отсутствие вскрытия выглядело более многозначительным. Они решили, что семья избегала вскрытия, поскольку оно показало бы, что труп — вовсе не Нардуччи. Семья каким-то образом была замешана не только в убийстве, но и в подмене тела с целью сокрытия преступления.

Франческо Нардуччи — по теории Джуттари — был убит, потому что состоял в сатанинской секте, вдохновлявшей Монстра на убийства, причем ввел его в эту секту отец. Он был избран хранителем отвратительных фетишей, собранных Паччани и его «друзьями по пикникам». Потрясенный этими обстоятельствами молодой врач проявлял

нерешительность, колебания, впал в депрессию, и полагаться на него было трудно. Глава секты решил избавиться от него.

Возглавляемые Джуттари поиски сатанинской секты возобновились. Он установил личность по крайней мере одного члена этой гнусной секты, стоявшей за убийствами Монстра, — Нардуччи. Оставалось только найти его убийцу и поставить остальных членов секты перед лицом правосудия.

Глава 38

Следствие по делу Монстра набирало ход, и Марио стал звонить мне регулярно.

— Читали утренние газеты? — спрашивал он. — Все удивительнее и удивительнее!

И он заезжал ко мне на очередную чашечку кофе. Мы обсуждали новости и качали головами. В то время все это казалось мне забавным и даже очаровательным.

Специ не был столь очарован. Ему больше всего на свете хотелось узнать истину в деле Монстра. Его стремление разоблачить Монстра стало страстью. Он видел убитых, я — нет. Он встречался с большинством родных и видел, как губительно сказалась на них потеря. Я пролил несколько слезинок, покидая мрачный дом Винни Ронтини, но Специ-то проливал слезы больше двадцати лет. Он видел, как ложные обвинения губят жизни невиновных. То, что мне представлялось восхитительно необычайным и даже оригинальным, для него было смертельно серьезно. Вид следствия, все глубже запутывающегося в дебрях абсурда, причинял ему сильную боль.

6 апреля 2002 года гроб Франческо Нардуччи в присутствии представителей прессы был выкопан и вскрыт. Тело, лежавшее внутри, легко опознавалось даже семнадцать лет спустя. Анализ ДНК подтвердил опознание.

Этот удар не остановил ГИДЕС, Джуттари и государственного обвинителя Перуджи. Подмененного трупа они не получили, но доказательства нашли. Труп выглядел слишком узнаваемым для пролежавшего пять дней в воде и семнадцать лет в гробу. Джуттари и Миньини немедленно заключили, что тело подменили вторично! Да-да! Настоящее тело Нардуччи прятали где-то семнадцать лет, затем, узнав о предстоящей экспертизе, подложили его в гроб, а подменный труп извлекли.

Тело Нардуччи было отправлено на медэкспертизу в Павию для поисков следов убийства. Эксперт написал в отчете, что левый отросток гортанного хряща расколот, что позволяет с некоторой вероятностью предположить, что смерть наступила от «насилованного механического удушья, вызванного сдавливанием шеи либо руками, либо иным орудием убийства».

Иными словами, Нардуччи был убит.

У газет снова был праздник. «Ла Нацоне» трубила:

УБИЙСТВО СКРЫВАЕТ ЖГУЧИЕ ТАЙНЫ

За что был убит Нардуччи? Он что-то знал или видел что-то, чего ему видеть не следовало? Почти все участники расследования убеждены теперь в существовании тайной секты и вдохновителя двойных убийств, совершенных Паччани и его «друзьями по пикникам»... Группа лиц численностью около десяти человек распорядилась убить подручных — Паччани и его «друзей по пикникам»... Поиски тайной, противоестественной эзотерической секты, практикующей ужасающие жертвоприношения, вовлекли в расследование даже Перуджу.

И опять мы со Специ дивились вакханалии наскоро состряпанных домыслов, которыми довольствовалась пресса, освещающая это дело, публикуя как достоверную истину писания журналистов, абсолютно не знавших истории дела Монстра, слыхом не слышавших о сардинском следе, повторявших как попугаи сведения, просочившиеся из кабинетов следователей и прокуратуры. Они почти никогда не пользовались сослагательным

наклонением, не использовали выражений «предположительно» или «по словам». Вопросительный знак применялся только ради эффекта сенсационности. Spezi снова и снова оплакивал прискорбный упадок репортерского профессионализма в Италии.

— Зачем бы убийцам Нардуччи идти на такие ухищрения? — вопрошал он. — Неужели эти журналисты не задавались столь очевидным вопросом? Почему было не утопить его, выдав это за самоубийство? Зачем подменять тела и потом подменять их снова? И откуда, скажите на милость, взялся второй труп? Первый медэксперт, осматривавший труп, вместе с семьей, друзьями и всеми, кто попал на тот снимок, утверждали, что это Нардуччи. Они и сейчас это утверждают. Что, все они — участники заговора? — Он грустно качал головой.

Я с нарастающим недоверием дочитал статью до конца. Легковерный репортер «Ла Нацционе» и не подумал обратить внимание на очевидные несообразности версии. Он писал дальше, что состояние трупа (его внутренние органы, кожа и волосы хорошо сохранились) не исключает, что тело не пролежало пяти дней под водой.

— Как понимать это «не исключает»? — спросил я у Spezi, откладывая газету. Это выражение не раз и не два попадалось мне в материалах следствия.

Speci рассмеялся.

— «Не исключено», «нельзя исключить возможности» и тому подобное — вычурные выражения, которые эксперты в Италии применяют, когда хотят избежать ответственности. Они прибегают к «не исключено», когда не желают признавать, что ничего не понимают. Побывала ли пуля из сада Паччани в пистолете Монстра? Не исключено. Вызвано ли расщепление хряща нападением убийцы? Этого нельзя исключить. Был ли рисунок создан маньяком-психопатом? Не исключено. Может, да, может, нет — короче, не знаем! Если экспертов выбирает следствие, они пишут, что результаты «не исключают» версии обвинения. Если их нанимает защита, результат экспертизы «не исключает» версии защитника. Это выражение следовало бы объявить вне закона!

— Так к чему же мы идем? — спросил я. — Чем это кончится?

Speci покачал головой.

— Даже подумать страшно.

Глава 39

Тем временем Джуттари создавал в живописном городке Сан-Кашано новый фронт розыска вдохновителей убийств Монстра. Сан-Кашано, по-видимому, расположен в самом сердце территории сатанинской секты: от него всего несколько километров до виллы Верде — «виллы ужасов»; здесь жили злополучный почтальон Ванни и деревенский дурачок Лотти, осужденные как сообщники Паччани.

Как-то утром мне позвонил Spezi:

— Видели газеты? Не трудитесь покупать, я сейчас привезу. Вы глазам не поверите.

Он вошел в дом в явном возбуждении, сжимая в руке газету. Сигарета «Голуаз» торчала в уголке рта.

— Снаряды падают уже слишком близко к дому, — проговорил он, шлепая газетой о стол. — Читайте!

Статья сообщала, что ГИДЕС провел обыск в доме Франческо Каламандреи, бывшего аптекаря в Сан-Кашано, подозреваемого в том, что он был вдохновителем Монстра.

— Каламандреи — мой старый друг, — сказал Spezi. — Это он познакомил нас с женой! Это явный абсурд, просто смешно. Этот человек мухи не обидит.

Speci рассказал мне его историю. Он познакомился с Каламандреи в середине шестидесятых, когда оба были студентами. Spezi изучал юриспруденцию, а Каламандреи — фармакологию и архитектуру. Блестящий студент Каламандреи был сыном единственного аптекаря в Сан-Кашано. В Италии это уважаемая и хорошо оплачиваемая профессия, и особенно для Каламандреи, который был единственным фармакологом в богатом городке Сан-Кашано. Каламандреи в те времена производил немалое впечатление, разъезжая по

Флоренции в элегантной «Ланче Фульвии»: высокий, красивый, изысканный как настоящий флорентинец. Он обладал суховатым тосканским чувством юмора и постоянно менял подружек: одна красивее другой. Каламандреи познакомил Марио с его будущей женой Мириам («У меня есть для тебя отличная бельгийка, Марио!»), пригласив их в модный ресторан. Потом все они набились в машину Каламандреи и устроили безумную поездку в Венецию, поиграть в казино в баккара. Каламандреи был воплощением того короткого периода итальянской истории, что назван «Дольче вита» и запечатлен в фильме Феллини.

К концу шестидесятых Каламандреи женился на дочери богатого промышленника. Это была маленькая рыжеволосая нервная женщина. В Сан-Кашано устроили пышное венчание, на котором присутствовали и Марио с Мириам. Через несколько дней новобрачные заехали к Spezi перед свадебным путешествием. Каламандреи правил новехоньким светлым «Мерседесом 300L конвертайбл».

После этого Spezi долго с ним не виделся.

Они столкнулись двадцать пять лет спустя, и Марио поразился перемене в своем друге. Каламандреи болезненно располнел, страдал депрессиями, много болел. Он продал аптеку и занялся живописью, создавал трагические мучительные картины — не маслом на холсте, а составлял из разных предметов вроде резиновых шлангов, листов металла и смолы, вставляя порой настоящие шприцы и жгуты. Чаще всего он подписывал свои произведения номером социальной страховки, говоря, что в современной Италии это — все, что осталось от человека. Его сын пристрастился к наркотикам, потом стал воровать, чтобы покупать их. В отчаянии, не зная, что делать, Каламандреи пошел в полицию и донес на собственного сына в надежде, что срок в тюрьме встряхнет его и заставит перемениться. Но парень после выхода из тюрьмы продолжал принимать наркотики, а потом и вовсе пропал.

Не менее трагична была история его жены. Она заболела шизофренией. Однажды на ужине с друзьями она принялась вопить и крушить все вокруг, сорвала с себя всю одежду и голая выбежала на улицу. После этого ее госпитализировали — первый, но далеко не последний раз. Наконец ее объявили умственно неполноценной и передали в санаторий, где она оставалась и по сей день.

В 1991 году Каламандреи с ней развелся. Тогда она написала в полицию, обвинив своего мужа в том, что он был Флорентийским Монстром. Она заявляла, что нашла куски тел жертв, спрятанные в холодильнике. Ее письмо — совершенно безумное — было в свое время должным образом проверено следствием и признано абсурдным.

Однако главный инспектор Джуттари, перебирая старые полицейские досье, наткнулся на ее рукописное заявление со странной орфографией и строчками, уезжавшими в верхний угол страницы. С точки зрения Джуттари, «фармаколог» было почти то же, что и «врач». Тот факт, что Каламандреи некогда был богатым и видным жителем Сан-Кашано, предполагаемого центра сатанинского культа, еще более подогрел интерес Джуттари. Главный инспектор завел дело на него и еще на нескольких почтенных горожан. 16 января 2004 года Джуттари запросил ордер на обыск в доме аптекаря: семнадцатого числа он получил ордер, а на рассвете восемнадцатого он со своими людьми жал кнопку звонка в доме на пьяцце Пьероцци в Сан-Кашано.

Девятнадцатого числа история Флорентийского Монстра снова появилась во всех новостях.

Speci только недоуменно качал головой.

— Не нравится мне, к чему это ведет. Меня это пугает.

А в Перудже быстро разворачивалось следствие о смерти Нардуччи. Следователи понимали, что для осуществления двукратной подмены тел среди влиятельных граждан должен был существовать широкий и мощный заговор. Государственный обвинитель Перуджи судья Миньини твердо решил разоблачить заговорщиков. Что он очень скоро и сделал. И опять газеты, даже трезвая «Корриере делла сера», посвятили ему целые страницы... Новость была сенсационной: бывший шеф полиции Перуджи, занимавший этот пост в год смерти Нардуччи, якобы вступил в сговор с полковником карабинеров и

адвокатом семьи, чтобы не дать выйти на свет тайне смерти Нардуччи. Все они сотрудничали с отцом покойного доктора, с его братом и с врачом, подписавшим свидетельство о смерти. Им приписывали такие преступления, как сговор, вымогательство, уничтожение и утаивание трупа. Следователям мало было объявить смерть Нардуччи результатом заговора, им еще требовалось связать Нардуччи с Паччани, его «друзьями по пикникам» и с городком Сан-Кашано, центром сатанинского культа.

Они отлично справились с задачей. Габриэлла Карлицци представила в полицию заявление, что Франческо Нардуччи был посвящен в «Орден Красной Розы» своим отцом, пытавшимся справиться с некоторыми сексуальными проблемами сына. Та же дьявольская секта, уверяла Карлицци, веками действовала во Флоренции и ее окрестностях. Полиция и прокуратура, по всей видимости, восприняли утверждения Карлицци как надежное существенное свидетельство. Джуттари и его ГИДЕС словно чудом раздобыли свидетелей, клявшихся, что видели Нардуччи в Сан-Кашано, где он встречался с Каламандреи. Не сразу удалось установить личности этих новоявленных свидетелей. Специ, впервые услышав их имена, решил, что это неудачная шутка; то были все те же «алгебраические» свидетели, Альфа и Гамма, неожиданно объявившиеся на апелляционном процессе Паччани столько лет назад: умственно отсталый Пуччи, уверявший, что присутствовал при убийстве Паччани французской пары, и Гирибелли, проститутка-алкоголичка, работавшая за стакан вина. Потом невеста откуда выскочил и третий свидетель — не кто иной как Лоренцо Неси! Тот самый, кто так удачно вспомнил о встрече с «красноватой» машиной Паччани в километре от поляны Скопети в воскресную ночь, когда, как предполагалось, погибли французские туристы.

Эти трое свидетелей готовы были поделиться новой, потрясающей устои информацией, о которой забыли помянуть восемь лет назад, когда впервые ошеломляли Италию своими откровениями.

Гирибелли заявила, что «доктор из Перуджи», имя которого ей неизвестно, но которого она опознала по фотографии Нардуччи, приезжал в Сан-Кашано почти на каждые выходные. Как она могла об этом забыть? Она с гордостью сообщила следователям, что четыре или пять раз занималась с ним сексом в отеле, «и за каждый раз он давал мне триста тысяч лир».

Умственно отсталому Пуччи в кабинете ГИДЕС показали фотографии нескольких человек и спросили, видел ли он кого-либо из них прежде и где. Пуччи, проявив феноменальную память, отчетливо вспомнил виденных двадцать лет назад людей, хотя и не знал их по именам. Он опознал Франческо Нардуччи, «высокого и худого, вроде как из палочек». Он опознал Джанни Спаньоли, шурина утонувшего врача. Он опознал одного из известнейших врачей Флоренции, арестованного за сексуальные домогательства по отношению к детям. Его фото включили в набор снимков, потому что следователи предполагали найти в сатанинской секте и педофилию. Он опознал уважаемого дерматолога и выдающегося гинеколога из Сан-Кашано — оба подозревались в участии в культе. Он узнал и Карло Сантанджело, самозванного медэксперта, любителя ночных прогулок по кладбищам. Он опознал молодую парикмахершу афроамериканку, за несколько лет до того скончавшуюся во Флоренции от СПИДа.

Однако важнее всего для следствия было опознание им аптекаря из Сан-Кашано, Франческо Каламандреи.

Пуччи не жалел подробностей.

— Я видел всех этих людей в баре «Централе» под часами. Не могу сказать, что каждый раз видел их всех, иной раз они появлялись порознь, но так или иначе, эти люди часто виделись друг с другом.

Серийный свидетель Лоренцо Неси также опознал названных людей и еще кое-кого. В их пестрой толпе он видел — кого бы вы думали? — князя Роберто Корсики, убитого браконьером аристократа, о котором, как и о Нардуччи, ходили слухи, будто он был Монстром.

Гамма — проститутка Гирибелли, поведала еще одну историю, связанную с виллой

Сфаччата, недалеко от моего дома в Джоголи. Через дорогу от этой виллы были убиты туристы из Германии.

— В 1981 году, — рассказывала она, согласно записям в полицейском протоколе, — на этой вилле один врач занимался опытами по мумификации трупов... Лотти тоже много говорил о той вилле, обычно в восьмидесятых, когда мы туда ездили. Он говорил мне, что внутри — где, не сказал, — есть фрески во всю стену, очень похожие на рисунок Паччани. Лотти не раз говорил мне, что эта вилла — подпольная лаборатория, и в ней врач-швейцарец проводит опыты с мумиями. Я объясню лучше: Лотти сказал, что этот швейцарский доктор, побывав в Египте, раздобыл старый папирус, объясняющий способ мумификации тел. Он говорил, что в папирусе не доставало куска, объясняющего, как мумифицировать мягкие части, и, я хочу сказать, в том числе половые органы и груди. Он говорил, что для того убийца Монстр и калечил убитых девушек. Он объяснил мне, что в 1981 году дочь того доктора была убита, а о ее смерти не сообщали, потому что отец выдумал, будто она уехала учиться в Швейцарию. Ему нужно было тело дочери для экспериментов в подпольной лаборатории.

Возможно, припомнив неловкий казус с пластмассовыми летучими мышами и картонными скелетами, следователи решили не обыскивать виллу Сфаччата в поисках фресок Паччани, подпольной лаборатории и мумии дочери.

Глава 40

— «Диетрология», — сказал граф Никколо, — вот единственное итальянское слово, которое вам нужно знать, чтобы разобраться в следствии по делу Флорентийского Монстра.

Мы по обыкновению обедали в «Иль Бордино». Я ел «баккалу», соленую треску, а граф наслаждался шпигованной жареной свининой.

— Диетрология? — переспросил я.

— Диетро — позади. Логия — изучение, — важно объяснил граф, словно читал лекцию в аудитории, и его сочный английский акцент эхом отдавался в пещерном интерьере ресторанчика. — Диетрология — это идея, что очевидное не может быть истинным. Всегда что-то таится позади — диетро. Это не совсем то, что вы, американцы, зовете теорией заговора. Теория заговора — это теория, предположение, возможность. Диетролог имеет дело с фактом. Так и обстоит дело. Наряду с футболом, диетрология в Италии — национальный спорт. Все понимают, что происходит на самом деле, хотя бы... Как вы, американцы, говорите, хотя бы и не знали ни шиша.

— Почему? — спросил я.

— Потому что это придает людям сознание собственной важности. Может быть, они чувствуют себя важными только в узком кружке придурковатых дружков, но, во всяком случае, они — посвященные. Сила в том, чтобы знать то, чего вы не знаете. Диетрология связана с итальянским понятием силы. Необходимо создавать впечатление, будто вы знаете все обо всем.

— И при чем тут следствие?

— Мой дорогой Дуглас, в этом самая суть дела! Они любой ценой должны найти что-то, скрывающееся за бросающейся в глаза реальностью. Что-то обязательно есть. Почему? Потому что невозможно, чтобы то, что вы видите, было правдой. Ничто не просто, ничто не таково, каким видится. Это выглядит как самоубийство? Да? Тогда это наверняка убийство. Кто-то пошел выпить кофе? Ага! Он пошел выпить кофе... А чем он на самом деле занимается?

Он засмеялся.

— В Италии, — продолжал он, — постоянно царит атмосфера охоты на ведьм. Видите ли, итальянцы от природы завистливы. Если кто-то делает деньги — наверняка он мошенник. И, конечно, он с кем-то в сговоре. Итальянцы — материалисты, и потому завидуют богатству и власти. Они относятся к ним с подозрением и в то же время стремятся

их обрести. У них с богатством и властью любовь-ненависть. Классический пример — Берлускони.

— И потому следователи разыскивают общество сатанистов, состоящее из богатых и облеченных властью?

— Именно так! И любой ценой должны что-нибудь найти. Раз уж начали, то должны продолжать ради спасения лица. Они ради этого пойдут на все. Не могут отступить. Вы, англосаксы, не понимаете средиземноморской концепции «лица». Я занимался историческими исследованиями в семейном архиве и узнал кое-какие любопытные вещи о далеком предке, жившем триста лет назад. Ничего особенно страшного, просто мелкие пакости, в основном уже известные. Глава семьи был поражен. Он сказал: «Ты не можешь этого опубликовать! Какой позор на наш род!»

Мы доели и подошли к кассе, чтобы расплатиться. Граф, как обычно, взял чек сам. («Они меня знают, — объяснял он, — и потому дают мне „ло сконто“, скидку».)

Стоя на мостовой у ресторана, Никколо серьезно взглянул на меня.

— В Италии врагов ненавидят так, что враг разрастается, превращается в общего врага, ответственного за все злодеяния. Следователи, ведущие розыск Монстра, знают, что за простыми фактами кроется секта сатанистов, пронизывающая высшие слои общества. Они должны это доказать, чего бы то ни стоило. Горе тем, — он многозначительно подмигнул, — кто оспаривает их теорию, потому что несогласие превращает их в соучастников. И чем горячее они отрицают свое участие, тем надежнее доказательство.

Он положил мне на плечо большую ладонь.

— Опять же, может, в их теории и есть истина. Может, и существует секта сатанистов. Как-никак, это Италия...

Глава 41

В 2004 году — то был наш последний год в Италии — следствие по делу Монстра развивалось стремительно. Кажется, чуть ли не ежемесячно в газеты прорывалась новая безумная и неправдоподобная история. Мы с Марио продолжали работу над нашей книгой, набрасывая план, собирая материалы и накапливая папки с вырезками из последних газет. Марио, кроме того, продолжал заниматься независимыми журналистскими расследованиями, регулярно выпытывая у своих агентов из среды карабинеров новые сведения и заглядывая во все углы в вечных поисках сенсаций. Однажды Марио позвонил мне:

— Дуг, встречаемся в баре «Риччи». У меня роскошная новость!

Мы встретились в нашем старом прибежище. Я и моя семья к тому времени прожили в Италии четыре года, и в баре «Риччи» меня запомнили настолько, что я звал владельца и его родных по имени и даже порой сам получал «ло сконто».

Специ запаздывал. Он по обыкновению оставил машину в неположенном месте на пьяцце, выставив в окне карточку «ЖУРНАЛИСТ» и рядом особый журналистский пропуск, позволявший ему разъезжать по старому городу.

Он шагнул в дверь, втянув за собой струйку дыма, и заказал «эспрессо стретто-стретто» со стаканом минеральной воды. Что-то тяжелое оттягивало карман его тренча.

Он швырнул на банкетку свою шляпу «богарт», протиснулся за стол и, достав завернутый в газету предмет, положил на стол.

— Что это?

— Увидите. — Он сделал паузу, чтобы залпом выпить кофе. — Смотрели когда-нибудь телепрограмму «Кто это видел?»

— Нет.

— Это одна из самых популярных программ итальянского телевидения — скопировали с вашего шоу «Разыскивается в Америке». Они предложили мне участие в серии программ, в которых хотят воспроизвести всю историю дела Флорентийского Монстра, с самого начала по сей день.

Голубое облако дыма свисло у него над головой в венок победы.

— Фантастико! — восхитился я.

— И, — добавил он, блестя глазами, — у меня для их шоу есть сенсация, о которой еще никто не знает, даже вы!

Я прихлебывал кофе и ждал.

— Помните, я рассказывал о детективе, который говорил, что французских туристов наверняка убили в субботнюю ночь, потому что личинки на них были здоровенными, как окурки? Ну вот, я сумел добраться до фотографий, сделанных экспертами в понедельник днем. В уголке пропечатано точное время, когда были сделаны снимки: около пяти часов, через три часа после обнаружения тел. Если их увеличить, личинки видны очень хорошо, и они действительно большущие. Я поискал и нашел эксперта по судебной энтомологии, высший авторитет в Италии, с международной известностью. Он вместе с американским коллегой десять лет назад разработал методику определения времени смерти на основе развития личинок. Зовут его Франческо Интрона, он директор Института судебной медицины в Падуе, заведующий лабораторией судебной энтомологии в Институте судебной медицины в Бари. Он там преподает. У него сотни три научных публикаций в медицинских журналах, и он числится экспертом-консультантом в ФБР! Я созвонился с ним, прислал ему снимки, и он выдал свое заключение. Красота, а не заключение! То самое определенное доказательство, которое мы искали, Дуг: что Паччани был невиновен, что Лотти и Пуччи лгали и что «друзья по пикникам» не имели никакого отношения к убийствам.

— Как в сказке, — согласился я. — Но каким образом? Как это обосновывается научно?

— Профессор мне объяснил. Для определения времени смерти личинки имеют фундаментальное значение. «Саллифорди», так называемые синие мухи, откладывают на труп множество кладок яиц. Яйцам для развития нужно от восемнадцати до двадцати четырех часов. После чего личинки развиваются по строгому расписанию.

Он вытащил отчет.

— Прочтите сами.

Отчет был коротким и деловым. Я продрался сквозь густой ученый жаргон. Личинки на фотографиях погибших французов, гласило заключение, «уже миновали первую фазу развития и находились во второй... отложены на останки не менее чем за тридцать шесть часов. Таким образом теория, что убийство совершено было в ночь на восьмое сентября (в воскресную ночь) и что яйца были отложены на рассвете девятого, при том, что фотографии сделаны двенадцатью часами позже, в пять часов дня, — не находит подтверждения в энтомологических данных. Согласно этим данным убийство имело место самое раннее за день до того».

Другими словами, французских туристов наверняка убили в ночь на субботу.

— Вы понимаете, что это значит? — спрашивал Spezi.

— Это значит, что добровольно сознавшиеся свидетели врал, как черти — ведь они заявляли, что наблюдали убийство воскресной ночью!

И свидетельство Лоренцо Неси, что Паччани в ночь на воскресенье находился вблизи места преступления, — несущественно. Мало того, у Паччани было алиби на субботнюю ночь — ночь убийства! Он был на сельской ярмарке!

Это было абсолютное, решающее доказательство. Энтомология свидетельствовала (если еще нужны были дополнительные свидетельства!), что Паччани и его предполагаемые сообщники не имели ничего общего с убийствами, совершенными Монстром. Заодно это разрушало версию о сатанинской секте, построенную исключительно на виновности Паччани, ложном признании Лотти и показаниях других «алгебраических свидетелей». Они оказались, в точности как назвал их в своей книге судья Ферри, «заядлыми наглыми лжецами».

— Это новое доказательство, — сказал Spezi, — заставит следствие вновь заняться сардинским следом. Где-то в сумрачных глубинах сардинского клана обнаружится истина, и

с Монстра будет сорвана маска.

— Невероятно, — сказал я. — Когда это прозвучит в эфире, будет большой роскошный скандал.

Специ молча кивнул.

— И это еще не все.

Он развернул предмет, лежащий на столе, открыв камень необычной формы, обтесанный в виде усеченной пирамиды с отполированными гранями — старый и выщербленный, весом около пяти фунтов.

— Что это?

— По мнению главного инспектора Джуттари, это — эзотерический объект, используемый для сообщения между нашим миром и преисподней. Для всех прочих это дверной упор. Этот я увидел за дверью на вилле Романиа во Флоренции — теперь там Институт германской культуры. Его директор, Йохим Бурмейстер — мой друг, и он одолжил мне его на время. Камень почти неотличим от того, что подобрали на полях Бартолине вблизи места преступления в 1981 году. Телешоу «Кто это видел?», — продолжал Специ, — снимет участок полей Бартолине, где совершилось убийство. Я встану на том самом месте, где нашли первый дверной упор, держа в руках этот, доказательство, что «эзотерический объект» Джуттари — просто упор для дверей.

— Джуттари это не понравится.

Специ ехидно усмехнулся:

— Ничем не могу помочь.

Программа вышла в эфир 14 мая 2004 года. Выступил профессор Интрона, представил свое заключение и объяснил значение энтомологии для судебной экспертизы. Показали Специ с дверным упором в руках на полях Бартолино.

Никакого большого роскошного скандала. Ничего не случилось. Ни прокуратура, ни полиция не проявили никакого интереса. Главный инспектор Джуттари наотрез отказался признавать заключение профессора Интроны. Полиция и прокуратура воздержались от комментариев по поводу дверного упора. Что касается осужденных за убийство Лотти и Ванни, друзей Паччани по пикникам, официальные лица твердо заявили, что итальянское правосудие вынесло им приговор и не видит оснований его пересматривать. В целом чиновники старательно уклонялись от комментариев относительно программы. Пресса оставила их в покое. Подавляющее большинство итальянских газет просто игнорировало программу. Наука — не секс и не сатанинская секта, она не увеличит объем продаж. Розыск сект сатанистов, тайных вдохновителей убийств, подмененных в могиле трупов, заговоров в высших слоях общества и дверных упоров, выдаваемых за эзотерические объекты, продолжался беспрепятственно. Выступление Специ на телевидении дало один несомненный результат — оно вызвало неистребимую ненависть в главном инспекторе Джуттари.

Перед отлетом в Америку, в наш последний итальянский вечер, мы ужинали с Марио и Мириам у них в квартире. На прощальный ужин пришли еще несколько друзей. Это было 24 июня 2004 года. Мириам приготовила неподражаемый ужин, начинавшийся «кростини» со сладким перцем и анчоусами. К нему было подано игристое вино из Альто Адидже; далее следовали дикие куропатки и рябчики, застреленные накануне одним из друзей и запеченные в виноградных листьях под классическое кьянти из поместья Витиккьо; полевая зелень под ароматным местным оливковым маслом и двенадцатилетним балзамическим уксусом; свежий сыр пекорино из родного селения Марио и «зуппа инглезе».

Накануне утром, 23 июня, в «Ла Нацьоне» вышла статья Специ — интервью с Ванни, бывшим почтальоном из Сан-Кашано, осужденном как сообщник Паччани. Специ порадовал нас рассказом, как он совершенно случайно наткнулся на Ванни в доме престарелых, занимаясь там совсем другим сюжетом. Никто не знал, что Ванни выпустили из тюрьмы по причине слабого здоровья и преклонного возраста. Специ узнал его и тут же воспользовался случаем взять интервью.

«Я умру, считаясь Монстром, но я невиновен» — гласил заголовок. Специ удалось

получить интервью, напомнив Ванни о «добрых старых временах», когда они познакомились на празднике в Сан-Кашано — задолго до дней, когда бывший почтальон стал одним из знаменитых «друзей по пикникам» Паччани. Они тогда вместе раскатывали в набитой людьми машине. Ванни размахивал итальянским флагом. Ванни вспомнил Специ, проникся ностальгией — и разговорился.

Солнце садилось за холмы Флоренции, наполняя ландшафт, открывавшийся нам с террасы, золотым светом. Прозвонили колокола на стоявшей невдалеке средневековой церкви Санта-Маргерита-а-Монтичи, им ответили колокола других церквей, скрытых среди холмов. Воздух, согретый лучами заходящего солнца, доносил запах жимолости. В долине под нами легла на виноградники длинная тень от зубчатой башни большого замка. У нас на глазах свет из золотого стал пурпурным и наконец растаял в вечерних сумерках.

В те минуты я особенно остро ощутил контраст между волшебным видом и Монстром, некогда таившимся среди этой красоты.

Марио воспользовался случаем преподнести мне подарок. Развернув его, я увидел пластмассовую копию статуэтки «Оскар» с надписью на подножии: «Флорентийский Монстр».

— К фильму, который сделают по нашей книге, — сказал Марио.

Кроме того, он подарил мне карандашный рисунок, сделанный много лет назад: Пьетро Паччани на скамье подсудимых во время процесса. На рисунке он подписал: «Дугу в память о коварных флорентийцах и наших славных совместных трудах».

Вернувшись в Мэн, я повесил рисунок на стену хижины в лесу за домом (туда я уходил, чтобы писать), рядом с фотографией Специ в тренче и мягкой шляпе «богарт», с сигаретой «Голуаз» во рту, стоящего перед лавкой мясника под рядом свиных голов.

Мы со Специ часто разговаривали, продолжая работу над книгой. Я скучал по Италии, но в Мэне было спокойно и прекрасно работалось, благодаря постоянному ненастью, туману и холодам. (Я начинал понимать, почему Италия рождала художников, а Англия — писателей.) В нашем поселке на Роунд-Понд было пятьсот пятьдесят жителей, и он словно сошел с литографий Каррьера и Ивса: белая церковь с колокольней, горстка обшитых вагонкой домиков, универсальный магазин и гавань с лодками ловцов устриц, окруженная дубравой и белыми соснами. Зимой поселок покрывался блестящим снежным ковром, а над океаном курился пар. Преступности здесь не существовало, и мало кто утруждался запереть свой дом, даже уезжая в отпуск. Ежегодный «бобовый ужин» в местном «Гранде» попадал на первую страницу газет. «Большой город», лежавший в двенадцати милях от нас, назывался Дамарискотта и имел население 2000 человек.

Перемена вызвала немалый культурный шок.

Работу над книгой мы продолжали, пользуясь электронной почтой и телефоном. Писал в основном Специ, а я читал и комментировал его работу, вставляя порой главки на своем жалком итальянском, которые Специ приходилось переписывать (по-итальянски я пишу, мягко говоря, на уровне пятиклассника). Дополнительный материал я записывал на английском, а Андреа Карло Каппи, переводчик моих романов, с которым мы крепко сдружились за годы, проведенные мной в Италии, любезно переводил их. Мы со Специ регулярно вели разговоры, и работа над книгой продвигалась отлично.

Утром 19 ноября 2004 года я вошел в свою писательскую хижину и, включив автоответчик, услышал экстренное сообщение от Марио. Случилось чрезвычайное происшествие!

Глава 42

— Polizia! Perquisizione! Полиция! Обыск!

В 6:15 утра 18 ноября 2004 года Марио Специ разбудили звонок в дверь и шум, поднятый полицейскими детективами, требовавшими, чтобы их впустили в дом. Первой отчетливой мыслью, осенившей поднятого с постели Марио, было спрятать дискету, на

которой хранилась наша книга. Вскочив, он бросился по лесенке в свой чердачный кабинет, рывком открыл пластмассовую коробочку с дискетами для своего древнего компьютера, вынул одну, с этикеткой «Монстр» на английском, и сунул ее под резинку трусов.

Когда он вышел к входной двери, полицейские уже тянулись в прихожую. Казалось, им не будет конца: три... четыре... пять. Всего Специ насчитал семерых. Большинство из них были толстяками, а в куртках из серой и коричневой кожи они казались еще более громоздкими. Старшим был Грейбед, командир из команды ГИДЕС. Остальные — карабинеры и полицейские. Командир сухо поздоровался со Специ и сунул ему лист бумаги.

«*Procura della Repubblica presso il Tribunale di Perugia*», значилось на нем, — «офис государственного обвинителя трибунала Перуджи» и ниже: «Ордер на обыск, информирует и гарантирует обвиняемому право на защиту». Ордер поступил прямо из конторы государственного обвинителя Перуджи, Джулиано Миньини.

«Вышеозначенное лицо, — гласил документ, — отныне находится под официальным следствием за совершение следующих преступлений: А), В), С), D)...» Список доходил до литеры R. Девятнадцать преступлений, ни одно не названо конкретно.

— Что это за преступления А, В, С и так далее? — спросил Специ у главного.

— Слишком долго объяснять, — ответил Грейбед.

Специ не полагалось знать, что это за преступления, — они были тайной следствия.

Специ, не веря своим глазам, читал обоснование обыска. В ордере говорилось, что он «проявил странный и подозрительный интерес к перуджийской ветви следствия» и «приложил значительные усилия, пытаясь опорочить следствие посредством телевидения». Это, как он понимал, относилось к программе «Кто это видел?» от 14 мая, в которой профессор Интрона напрочь выбил почву из-под ног следователей, разыскивавших секту сатанистов, а Специ выставил напоказ дверной упор, заодно выставив дураком главного инспектора Джуттари.

Ордер уполномочивал обыскать дом, а также лиц, «присутствующих или приходящих», для обнаружения предметов, которые могут иметь отношение к делу Монстра, хотя бы косвенное. «Имеются серьезные основания полагать, что таковые предметы могут находиться во владениях указанного лица или на самом лице».

Специ, прочтя эти слова, похолодел. Значит, они могут устроить личный обыск. Он почувствовал, как врезаются в кожу углы пластмассовой дискеты.

Между тем жена Специ, Мириам, и его двадцатилетняя дочь, Элеонора, стояли в гостиной, одетые в купальные халаты, в тревоге и смятении.

— Скажите мне, что вас интересует, — предложил Специ, — и я покажу сам, чтобы вы не перерывали мой дом.

— Нам нужно все, что у вас есть по делу Монстра, — сказал Грейбед.

Это означало не только весь архив отчетов о розыске Монстра, собранный Специ за четверть века, но и все материалы, которые мы использовали для книги. Все это хранилось у Специ, у меня имелись только копии самых свежих документов. Его внезапно осенило: вот чего они хотят! Предотвратить публикацию книги!

— Дерьмо! А когда вы все это мне вернете?

— Как только все проверим, — ответил Грейбед.

Специ провел его к себе на чердак и показал массу папок, составлявших его архив: стопки пожелтевших газетных вырезок, горы фотокопий официальных документов, баллистических экспертиз, заключений медэкспертизы, протоколы судов, допросов, приговоры, фотографии, книги.

Они принялись перегружать все это в большие картонные коробки.

Специ позвонил другу из агентства новостей АНСА — итальянского эквивалента Ассошиэйтед Пресс, и ему повезло застать того на месте.

— У меня в доме обыск, — сказал он. — Они забирают все, что необходимо мне для книги о Монстре, которую мы пишем с Дугласом Престоном. Я больше не смогу написать ни слова.

Через пятнадцать минут первое известие об обыске появилось на компьютерных лентах всех газет и телестудий Италии. Тем временем Spezi позвонил президенту журналистской гильдии и директору «Ла Нацционе». Оба были скорее шокированы, чем удивлены. Они предупреждали, что он заварит кашу с этой историей.

Мобильный телефон Spezi взорвался звонками. Пока шел обыск, один за другим звонили его коллеги. Все хотели взять у него интервью. Spezi заверял, что встретится с ними, как только закончится обыск.

Обыск еще продолжался, а журналисты уже начали собираться перед его домом.

Полиция не ограничилась тем, что забрала документы, предъявленные им Spezi. Они принялись рыться в ящиках, вытаскивать с полок книги и открывать коробки с CD-дисками. Они вошли в комнату его дочери и перерыли ее шкаф, ее бумаги и книги, письма, дневники, записные книжки и фотографии, в беспорядке разбросав все это по полу.

Speci обнял Мириам. Жена дрожала.

— Не волнуйся, это обычное дело.

На Мириам был жакет. Выбрав подходящий момент, он вытащил дискету и незаметно опустил ей в карман. Потом поцеловал в щеку, словно утешая.

— Спрячь, — шепнул он.

Через несколько минут она, как будто изнемогая от волнения, опустилась на оттоманку, у которой был распорот шов. За спиной у полицейских она быстро засунула дискету под обивку.

После трех часов обыска они, видимо, закончили. Навьючили коробки на носильщиков и попросили Spezi проследовать за ними в карабинерские казармы, где собирались составить опись, которую ему придется заверить. В казарме, пока Spezi сидел и дожидался окончания переписи, вдруг зазвонил его мобильный. Звонила Мириам, пытавшаяся навести порядок в доме. Она неблагоразумно заговорила с мужем по-французски. Дома они обычно общались на французском, потому что жена была бельгийкой и в семье пользовались двумя языками. Дочь посещала французскую школу во Флоренции.

— Марио, не беспокойся, того, что для тебя важнее всего, они не нашли. Но я не могу отыскать документов на скаглиолу, — сказала она по-французски.

Скаглиола — это название антикварного столика. У Spezi стоял особенно ценный экземпляр, датированный семнадцатым веком. Они его недавно отреставрировали и подумывали продать.

Не самой удачной мыслью было заговаривать об этом по-французски, когда телефон наверняка прослушивался. Он резко перебил:

— Мириам, сейчас совершенно неподходящее время... Потом. — Spezi, покраснев, прервал разговор. Он понимал, что фраза, сказанная женой, совершенно невинна, но ее могли истолковать в злобешнем смысле, тем более что сказана она была на французском.

Вскоре после того вошел Грейбед.

— Spezi, вы нам нужны на минуту.

Журналист встал и прошел за ним в соседнюю комнату. Грейбед обернулся и зло посмотрел на него.

— Spezi, вы не желаете сотрудничать. Это никуда не годится.

— Сотрудничать? Что значит сотрудничать? Я предоставил в ваше распоряжение весь свой дом, чтобы вы повсюду рылись своими грязными руками. Чего еще вам надо?

Он смотрел на Spezi каменным взглядом.

— Я не о том говорю. Не изображайте неведения. Для вас же лучше было бы оказать содействие...

— А, теперь понимаю. Это о том, что моя жена говорила на французском! Вы вообразили, будто она передала мне зашифрованное сообщение. Но, видите ли, для моей жены это родной язык, для нее естественно говорить по-французски, дома мы обычно говорим на этом языке. Что до смысла ее слов... — Spezi вычислил, что Грейбед языков не знает. — Если вы не поняли, она говорила о документе, которого вы не нашли, о контракте с

издательством на книгу о Монстре. Она хотела сообщить мне, что вы его не забрали. Только и всего.

Грейбед, прищурившись, разглядывал его, не меняя выражения лица. Специ начал догадываться, что дело, возможно, в слове «скаглиола». Мало кто из итальянцев, не занимающихся антиквариатом, знает, что оно означает.

— Дело в скаглиоле? — спросил он. — Вы знаете, что такое скаглиола? Вы об этом?

Полицейский не ответил, но стало ясно, что дело именно в этом. Специ попробовал объяснить, но безуспешно. Грейбеда объяснения не интересовали.

— Сожалею, Специ, но нам придется начать все заново.

Они вернулись обратно. Полицейские и карабинеры расселись по машинам и вместе со Специ поехали к его дому. Еще четыре часа они переворачивали все вверх дном — и на этот раз устроили настоящий разгром. Они ничего не упустили, даже местечка за книгами в библиотеке. Они забрали компьютер и все дискеты (кроме спрятанной в оттоманке), и даже меню обеда в «Ротари-клубе», где Специ участвовал в конференции по делу Монстра. Они забрали телефонные книги и все письма.

Настроены полицейские были недоброжелательно.

Специ тоже утратил хладнокровие. Проходя в библиотеку, он махнул рукой на каменный дверной упор, одолженный другом из Германии — тот, что показывал в телешоу. Камень лежал за дверью, исполняя роль, для которой был предназначен: подпирать дверь.

— Видите? — саркастично обратился он к сыщикам. — Совсем как усеченная пирамида, найденная на одном из мест преступлений, которую вы упрямо выдаете за «эзотерический объект». Вот, посмотрите хорошенько: разве не видите, что это дверной упор? — И с ехидным смешком добавил: — Такие найдутся чуть ли не в каждом сельском доме Тосканы.

Он совершил чрезвычайно серьезную ошибку. Детективы схватили дверной упор и забрали с собой. Так к уликам против Специ добавилась еще одна: объект, идентичный тому, которому ГИДЕС и Джуттари придавали первостепенное значение для расследования, о котором писала на первых страницах «Корриере делла сера», называя его без тени иронии «предметом, служившим для связи земного мира с inferнальным».

В докладе полиции о предметах, изъятых из дома Специ, дверной упор именовался «усеченной пирамидой с шестигранным основанием, спрятанной за дверью» — выражение, намекающее, что Специ нарочно пытался скрыть ее. Государственный обвинитель Перуджи, Джулиано Миньини, расценил упомянутый в докладе упор как предмет, «непосредственно связывающий подследственного (то есть Специ) с серией двойных убийств».

Другими словами, из-за этого дверного упора Специ подозревался уже не только в том, что чинил препятствия или вмешивался в следствие по делу Флорентийского Монстра. Теперь, по их мнению, обнаруженный предмет прямо связывал его с одним из преступлений.

Программа «Кто это видел?» и вышедшая 23 июня статья укрепили Джуттари в ненависти и недоверии к журналисту. В своей книге «Монстр: анатомия расследования» главный инспектор объясняет, как развивались его подозрения. Интересно проследить за ходом его рассуждений.

«23 июня, — писал Джуттари, — одна из статей (Специ) была опубликована в „Ла Нацьоне“. Она содержала эксклюзивное интервью с пожизненно осужденным Марио Ванни и называлась: „Я умру, считаясь Монстром, но я невиновен“».

В статье Специ упоминал, что однажды, за много лет до убийств, совершенных Монстром, встречался с Ванни в Сан-Кашано. Джуттари это обстоятельство показалось чрезвычайно важным. «Я был несколько удивлен, узнав, что эти двое знакомы с дней их молодости, — писал он, — но еще больше поразило меня странное совпадение: что враг, неуклонно чернивший официальное расследование по делу Монстра, упорный защитник сардинского следа, признал не только близкое знакомство с указанным бывшим аптекарем (Каламандрей)... но и многолетнюю дружбу с Марио Ванни».

Далее Джуттари говорит, что Специ «принял участие в серии телепередач,

стремившихся снова сосредоточить внимание на сардинском следе, раскапывая те же затертые и бездоказательные аргументы, что давным-давно были отвергнуты».

«Теперь, — пишет Джуттари, — постоянное вмешательство Специ начинало казаться подозрительным». Имея в руках дверной упор, Джуттари и Миньини имели вещественное доказательство, позволявшее связать Специ с одним из преступлений Монстра.

После ухода полиции Специ медленно поднялся по лестнице к себе на чердак, со страхом предчувствуя, что он там увидит. Все оказалось еще хуже, чем он опасался. Он упал в кресло, подаренное мной перед отъездом из Флоренции, перед пустым местом, где прежде стоял его компьютер, и долго бессмысленно разглядывал окружающий его разгром. В ту минуту ему вспомнилось безоблачное утро воскресенья, 7 июня 1981 года — двадцать три года назад, — когда коллега попросил подменить его в отделе уголовной хроники, заверив, что «в воскресенье никогда ничего не случается».

Ему и за миллион лет не додуматься бы, к чему это приведет.

Он рассказывал мне впоследствии, что хотел мне позвонить, но к тому времени в Америке была ночь. Он не мог отправить е-мэйл — компьютера не было. Он решил выйти из дома, пройтись по улицам Флоренции и заглянуть в интернет-кафе, откуда можно было послать мне сообщение.

Перед домом его дожидалась толпа журналистов и телеоператоров. Он сказал несколько слов, ответил на вопросы, потом сел в машину и выехал в город. На виа де'Бенчи, в нескольких шагах от Санта-Кроче, он нашел интернет-кафе, полное прыщавых американских студентов, разговаривавших с родителями с помощью голосовой связи. Он сел перед машиной. Откуда-то чуть приглушенно доносились грустные звуки тромбона Марка Джонсона, игравшего «Goodbye Pork Pie Hat» Чарли Мингуса. Специ вышел в почтовый сервер, просмотрел почту и обнаружил, что в ней уже дожидается мое сообщение с прикрепленным файлом.

Работая над книгой о Монстре, мы обменивались сообщениями с правкой, которую каждый вносил в главы, написанные соавтором. Он получил последнюю написанную мной главу книги — об интервью с Антонио. И послал е-мэйл с рассказом об обыске в доме.

На следующее утро, получив сообщение, я позвонил, и он подробно описал ход обыска. Он просил меня помочь предать гласности изъятие у него наших материалов. Среди документов, унесенных полицией, были все заметки и черновики так и не опубликованной статьи, которую мы готовили для «Нью-Йоркера». Я позвонил Дороти Уикенден, редактору этого журнала, и она назвала мне людей, которые могли бы оказать помощь, объяснив в то же время, что, поскольку статью они не публиковали, журналу не стоит вмешиваться напрямую.

День за днем я звонил и писал письма, но практически безрезультатно. Как это ни прискорбно, но выяснилось, что очень немногих в Северной Америке беспокоила судьба итальянского журналиста, которого преследует и которому мешает работать полиция в то время, когда журналистов взрывали в Ираке и убивали в России.

«Вот если бы Специ попал в тюрьму... — то и дело слышал я, — мы могли бы что-то предпринять».

Наконец вмешался ПЕН-клуб. 11 января 2005 года комитет «Писатели в заключении» международного союза писателей «ПЕН интернешнл» в Лондоне послал Джуттари письмо, осуждающее обыск в доме Специ и изъятие у него бумаг. Письмо уведомляло, что «ПЕН интернешнл» озабочен возможным нарушением статьи 6.3 Европейской конвенции о правах человека, гарантирующей каждому, кому предъявлено обвинение, право на полную и подробную информацию относительно причин и содержания предъявленных ему обвинений.

Джуттари в ответ распорядился провести в доме Специ еще один обыск, который и состоялся 24 января. На сей раз они забрали сломанный компьютер и трость, в которой заподозрили скрытую электронную аппаратуру.

Но дискеты, спрятанной Специ за резинкой трусов, они так и не заполучили, так что мы

смогли возобновить работу над книгой. В следующие несколько месяцев полиция мало-помалу возвращала Spezi его материалы, архивы, заметки, компьютер — но только не злосчастный дверной упор. Джуттари и Миньини теперь хорошо представляли себе содержание будущей книги, поскольку им достались черновики из компьютера Spezi. И, как видно, им не понравилось прочитанное.

В одно прекрасное утро Spezi, открыв газету, прочел заголовок, от которого едва не выпрыгнул из кресла:

УБИЙСТВО НАРДУЧЧИ ПОД СЛЕДСТВИЕМ — ЖУРНАЛИСТ

Подозрения Джуттари созрели, как вино превращается в уксус в плохо закрытом бочонке. Spezi из назойливого журналиста превратился в подозреваемого в убийстве.

— Когда я это прочитал, — говорил мне по телефону Spezi, — то почувствовал, словно попал в ремейк по «Процессу» Кафки в постановке Джерри Льюиса и Дина Мартина.

Глава 43

В течение года, с января 2005-го до января 2006-го, два адвоката Spezi пытались выяснить, в чем именно его обвиняют. Государственный обвинитель Перуджи поставил на обвинениях гриф секретности «segreto istruttorio», не ПОЗВОЛЯЮЩИЙ сообщать что-либо о природе обвинений. В Италии за этим грифом часто следует преднамеренная утечка информации из прокуратуры, попадающая к избранным репортерам, которые публикуют ее, не опасаясь преследований. Таким образом прокуроры обнародуют свою точку зрения, в то время как публикация других материалов журналистам запрещается. Так, кажется, произошло и в этом случае.

Speci, как писали газеты, обвинили в препятствовании следствию по убийству Нардуччи, что вызвало подозрения в соучастии в убийстве и действиях по сокрытию преступления. Что из этого следовало, оставалось неясным.

В январе 2006-го мы закончили книгу и послали ее в издательство. Называлась она «Dolci Colline di Sangue». Буквально это переводится как «Сладкие холмы крови» по аналогии с итальянским выражением «Dolci Colline di Firenze» — «Сладкие холмы Флоренции». Выход в свет был назначен на апрель 2006-го.

В начале 2006 года Spezi позвонил мне из Флоренции с платного телефона. Он сказал, что, работая над совершенно другим сюжетом, не относящимся к Флорентийскому Монстру, повстречался с отсидевшим срок мелким уголовником по имени Луиджи Руокко, который, оказывается, был старым знакомым Антонио Винчи. Этот Руокко поведал Spezi удивительную историю — историю, которая совершит прорыв в следствии.

— Такого прорыва я дожидался двадцать лет, — сказал мне Марио. — Дуг, это совершенно невероятно. Эта новая информация позволит немедленно раскрыть дело. Мой телефон прослушивается, и е-мейлу тоже нельзя доверять. Тебе придется приехать в Италию — и тогда я тебе все расскажу. Ты будешь участвовать, Дуг. Мы вместе разоблачим Монстра!

Я с семьей вылетел в Италию 13 февраля 2006 года. Оставив жену и детей в великолепной квартире на виа Гибеллина, которую нам предложил друг, один из наследников Феррагамо, я поспешил к Spezi, чтобы услышать невероятное известие.

За обедом Марио все рассказал мне.

Несколько месяцев назад он собирал материалы для статьи о женщине, ставшей жертвой врача, работавшего на фармацевтическую компанию. Врач без ее ведома использовал ее как подопытную для нового психотропного средства. Ему рассказал об этом случае Фернандо Заккария, бывший полицейский, когда-то специализировавшийся на проникновении в круги наркоторговцев, а ныне — президент частного детективного агентства

во Флоренции. Заккария, бескорыстный борец с беззаконием, собрал доказательства, которые помогли осудить врача за ущерб, причиненный женщине незаконным экспериментом. Он хотел, чтобы Spezi написал об этой истории.

Однажды вечером, когда Spezi сидел в доме потерпевшей вместе с ее матерью и Заккарией, он между делом упомянул о работе по делу Флорентийского Монстра и показал случайно оказавшуюся при нем фотографию с Антонио Винчи. Мать, разливавшая кофе, заглянула ему через плечо и вдруг воскликнула:

— Да ведь Луиджи знаком с этим человеком! И я его знала, и всех остальных тоже знала девочкой. Помню, они возили меня на сельские праздники.

Луиджи был ее бывший муж Луиджи Руокко.

— Мне необходимо встретиться с вашим мужем, — сказал Spezi.

На следующий вечер они собрались за тем же столом: Заккария, Spezi, та женщина и Луиджи Руокко. Луиджи был настоящим воплощением мелкого уголовного: неразговорчивый, с бычьим загривком, с широким угловатым лицом и курчавыми каштановыми волосами. На нем был спортивный костюм. Однако Spezi понравился настороженный, но открытый взгляд его голубых глаз. Рассмотрев фотографию, Руокко подтвердил, что отлично знает Антонио и других сардов.

Speci кратко ввел Руокко в курс дела по розыску Флорентийского Монстра и поделился с ним предположением, что Антонио мог оказаться Монстром. Руокко выслушал его с интересом. Наконец Spezi перешел к главному: не знает ли Руокко, каким домом Антонио мог втайне пользоваться в период убийств? Spezi часто говорил мне, что Монстр, возможно, пользовался заброшенным сельским домом или развалинами как тайником для пистолета, ножа и прочего. Во времена убийств в Тоскане на каждом шагу попадались такие заброшенные дома.

— Разговоры слышал, — сказал Руокко. — Где он, не знаю. Но знаю, кто знает. Игнацио.

— Ну конечно, Игнацио! — воскликнул Заккария. — Он знаком со всеми сардами.

Через несколько дней Руокко позвонил Spezi. Он переговорил с Игнацио и получил сведения о доме-тайнике Антонио. Spezi встретился с Руокко перед супермаркетом на окраине Флоренции. Они зашли в кафе, где Spezi проглотил чашку эспresso, а Руокко выпил кампари с красным мартини. Руокко принес вдохновляющее известие. Игнацио не только знал тайник, но и был в этом доме вместе с Антонио всего месяц назад. Он заметил старый шкаф со стеклянной дверцей, в котором в ряд лежали шесть запертых металлических ящичков. Его взгляд упал на приоткрытый выдвижной ящик внизу, и в нем он мельком увидел два или даже три пистолета, один из которых мог быть «береттой» двадцать второго калибра. Игнацио спросил у Антонио, что в этих ящиках, на что тот отрывисто буркнул: «Мои вещи» и захлопнул шкаф.

Шесть металлических ящичков. Шесть убитых женщин.

Speci с трудом сдерживал волнение.

— Эта подробность меня убедила, — рассказывал он мне за ужином. — Шесть. Откуда Руокко мог знать? Все говорили о семи или восьми двойных убийствах Монстра. Но Руокко сказал: шесть ящичков. Шесть: столько женщин было убито Монстром, если исключить убийство 1968 года, совершенное не им, и случай, когда он по ошибке убил пару геев.

— Но он калечил не всех убитых.

— Верно, но эксперты-психологи говорили, что сувениры он подбирал во всех случаях. Почти на каждом месте преступления на траве валялась вывернутая женская сумочка.

Я слушал как завороченный. Если «беретта» Монстра, пистолет, который искали, как никакое другое оружие в итальянской истории, лежит в том шкафу вместе с останками жертв, это станет сенсацией всей жизни.

Speci продолжал:

— Я попросил Руокко сходить к дому, чтобы точно рассказать мне, как он расположен. Он согласился. Мы встретились еще раз через несколько дней. Руокко рассказал, что сходил

и заглянул внутрь и видел в окно шкаф с шестью металлическими ящичками. Он объяснил, как подобраться к дому.

— Вы ходили?

— Еще бы не ходил! Мы с Нандо ходили вместе.

Разрушенный дом, по словам Spezi, стоял на земле огромного тысячаакрового поместья к западу от Флоренции. Поместье называлось вилла Биббиани и находилось близ городка Капрая.

— Живописная вилла, — рассказывал Spezi, — с садами, фонтанами, статуями и великолепным парком, засаженным редкими породами деревьев.

Он достал сотовый телефон и показал пару снимков. Я подивился великолепному виду.

— Как вы попали внутрь?

— Легче легкого! Вход открыт для публики, там продают оливковое масло и вино и сдают поместье для свадеб и тому подобного. Ворота открыты настежь, и даже есть общественная стоянка. Мы с Нандо побродили вокруг. В нескольких сотнях метрах на задах виллы грунтовая дорога подводит к двум обветшалым каменным домикам, один из которых подходит под описание Руокко. К домам можно подойти и по другой дороге, от леса, совсем незаметно.

— Вы ведь не забирались внутрь?

— Нет-нет. Я, конечно, подумывал об этом! Просто чтобы убедиться, что тот шкаф там действительно есть. Но это было бы безумием. Не просто вторжение в чужие владения. Что бы я стал делать с коробками и пистолетами, если бы нашел их? Нет, Дуг, нам придется вызвать полицию и позволить им заниматься делом — в надежде на будущую сенсацию.

— А тогда вы не обращались в полицию?

— Пока нет. Я ждал вас. — Он склонился ко мне. — Подумайте, Дуг! Еще две недели, и, может быть, дело Флорентийского Монстра будет раскрыто!

И тогда я произнес роковые слова:

— Раз вилла открыта для публики, можно мне на нее посмотреть?

— Конечно, — сказал Spezi. — Завтра поедем.

Глава 44

— Что за чертовщина с твоей машиной?

На следующее утро мы стояли на стоянке перед домом Spezi. Дверцу его машины словно выломали ломом, повредив крыло с той стороны, где располагался радиоприемник.

— Украли радио, — ответил Spezi. — Поверишь ли, на стоянке полно «мерседесов», «порше» и «альфа ромео», так им понадобился мой «талбот»!

Мы проехали в охранную фирму Заккарии — ничем не примечательное здание на окраине города. Бывший коп принял нас в своем кабинете. Он во всех мелочах копировал сыщика из кино: одевался в синий костюм в чуть заметную полоску, отрастил буйную дерзкую шевелюру чуть не до плеч. Говорил он с наигранным неаполитанским акцентом, временами для пущего эффекта вставляя жаргонные словечки, и бурно жестикулировал по обычаю неаполитанцев. До поездки на виллу мы позавтракали. Заккария торжественно пригласил нас в устричный погребок и за тарелкой малтальята-аль-чингиале развлекал нас историями, как проникал в круги контрабандистов, в том числе и американской мафии. Я только диву давался, как он остался в живых.

— Нандо, — попросил Spezi, — расскажи Дугу историю о Катапано.

— Ах, Катапано! Ну, это был истинный неаполитанец! — Нандо повернулся ко мне. — Был один босс неаполитанской каморры по имени Катапано. Его засадили в тюрьму Поджореале за убийство. Так уж вышло, что в той же тюрьме сидел убийца его брата. Катапано поклялся отомстить. Он сказал: «Я съем его сердце».

Заккария минуту помолчал, чтоб проглотить свою малтальяту и запить вином.

— Помедленнее, — сказал Spezi, — и поменьше диалекта. Дуг не понимает диалекта.

— Извините! — Он продолжал рассказ. — Тюремные власти рассадили этих двоих по разным концам тюрьмы и постарались, чтобы они никогда не встречались. Но однажды Катапано прослышал, что его врага поместили в лазарет. Он с помощью заточенной ложки взял в заложники двух охранников и заставил их провести его в лазарет, достать ключи и войти, застав врасплох трех сиделок и врача. Он тут же набросился на врага и под полными ужаса взглядами врача и сиделок воткнул в него заточку и перерезал горло. А потом он хриплым голосом закричал: «Где у него сердце? Где печень?» Перепуганному врачу пришлось преподать ему краткий урок анатомии. Одним широким взмахом ножа Катапано вскрыл тело и, держа в одной руке сердце, а в другой печень, откусил от каждого.

— Катапано, — заключил Заккария, — стал среди своих легендой. В Неаполе сердце — это все: храбрость, счастье, любовь. Вырвать сердце врага и надкусить его — значит низвести его до куска мяса, лишить всего человеческого. А потом все телепрограммы передали врагам Катапано сигнал, что он способен осуществить страшную месть даже в тюрьме. Катапано доказал свою отвагу, свое умение организовать дело, свою склонность к театральным жестам — и все это в самой надежной из итальянских тюрем, на глазах пятерых перепуганных свидетелей!

Позавтракав, мы под холодным зимним то ли снегом, то ли дождем направились к вилле Биббиани. Дождь еще шел, когда мы, миновав двойные железные ворота, въехали на длинную аллею меж рядов зонтичных сосен. Остановились на стоянке, достали зонты и прошли к торговому зданию. Двери были закрыты и задвинуты засовами. Выглянувшая в окно женщина сказала, что у них закрыто на обед. Заккария, очаровав ее, спросил, где можно найти садовника, и узнал, что тот за виллой подметает ступени. Мы вошли под арку и очутились в потрясающем регулярном парке с подметенными мраморными ступенями, с зеркальными прудами, статуями и живыми изгородями. Вилла была заложена в 1550 годах флорентийским родом Фрескобальди, а сад сто лет спустя разбил граф Козимо Ридольфи. В девятнадцатом веке итальянские ботаники и экспортеры добавили в него тысячи растений редких видов и деревьев, завезенных со всего света. Даже в промозглой зимней сырости огромные промокшие деревья сохраняли холодное величие.

Мы прошли мимо виллы в дальний конец парка. Грунтовая дорожка тянулась мимо дендрария, уводя в густой лес, где на поляне за деревьями виднелась горстка ветхих домиков.

— Это там, — шепнул Spezi, указывая на один из домиков.

Я взглянул вдоль грязной дороги на дом, хранивший последние тайны Монстра. Между деревьями плыл холодный туман, дождь стучал по нашим зонтам.

— Можно бы подойти поближе и рассмотреть, — предложил я.

Но Spezi замотал головой:

— Ни в коем случае.

Мы вернулись к машине, отряхнули зонтики и забрались внутрь. Меня лично этот визит разочаровал. Рассказ Руокко звучал слишком гладко, а место показалось мне не подходящим для тайника.

На обратном пути к конторе Заккарии Spezi рассказывал, что за план они разработали, чтобы уведомить полицию. Если просто вызвать полицейских, новость разлетится по всей Италии и мы с Марио останемся без сенсации. Следовало предусмотреть и реальную опасность на случай, если Антонио узнает, кто его выдал. Spezi с Заккарией получают якобы анонимное письмо, которое, как добрые граждане, и передадут властям. Сенсация останется при них, а сами они — ни при чем.

— Мы это здорово раздуем! — восклицал Заккария, хлопая Spezi по колену. — Им придется назначить меня министром юстиции!

Мы дружно расхохотались.

Через несколько дней после визита на виллу Биббиани Spezi позвонил мне с мобильного.

— Мы это сделали, — сказал он. — Мы все сделали!

Он не стал вдаваться в подробности, но я понял: они передали в полицию анонимное письмо. Я стал расспрашивать, но Spezi прервал меня словами «il telefonio e bruto», буквально означавшими «телефон — скотина». Мы сговорились встретиться в городе, и тогда он мне все расскажет.

Мы встретились в кафе «Чибрео». Странное дело случилось, по словам Spezi, когда они пришли к главному инспектору. Тот наотрез отказался принять письмо и велел отнести его начальнику выездной бригады по расследованию убийств. Он, как видно, не хотел иметь ничего общего с этим делом и держался совершенно недружелюбно.

— Отчего бы главному инспектору отказываться от помощи в деле, которое может стать поворотной точкой его карьеры? — спросил меня Spezi.

Заккария, хоть и сам был когда-то главным инспектором, не знал ответа.

Глава 45

Наутро 22 февраля я вышел на улицу, чтобы купить эспрессо и булочки к завтраку. Когда я переходил улицу, направляясь к маленькому кафе, у меня зазвонил мобильник. Кто-то по-итальянски сообщил мне, что он из полицейского управления и они хотят меня видеть — немедленно.

— Погодите, — рассмеялся я. — Что это такое?

На меня произвел впечатление безупречный официальный итальянский, и я ломал голову, кто бы это мог быть.

— Это не шутка, мистер Престон.

Я долго молчал, пока до меня доходило, что это не розыгрыш.

— Простите — в чем дело?

— Я не могу сказать. Вы должны встретиться с нами. Облигаторо!

— Я очень занят, — возразил я в панике. — У меня нет времени. Извините.

— Вы должны найти время, мистер Престон. Где вы сейчас находитесь?

— Во Флоренции.

— Где?!

Надо было отказаться от ответа или солгать? Я решил, что и то и другое неразумно.

— На виа Гибеллина.

— Никуда не уходите! Мы едем к вам.

Я огляделся по сторонам. Я плохо знал эту часть города с узкими переулками, куда редко заглядывали туристы. Не годится. Мне нужны были свидетели — американцы.

— Давайте встретимся на пьяцце делла Синьория, — предложил я в ответ, назвав самое людное место в городе.

— Где? Это большая площадь.

— На месте, где сожгли Савонаролу. Там есть мемориальная доска.

Молчание.

— Мы не знаем этого места. Встретимся лучше у входа в палаццо Веккьо.

Я позвонил Кристине.

— Боюсь, что сегодня утром не смогу принести тебе кофе.

Я добрался раньше времени и прохаживался по площади, лихорадочно соображая. Будучи американцем, писателем и журналистом, я всегда радовался и гордился сознанием своей неуязвимости. Что они могут мне сделать? Сейчас я не чувствовал себя таким уж неприкосновенным.

В назначенное время я увидел двоих, проталкивающих сквозь толпу туристов. Одеты они были небрежно: в джинсы, синие туфли, с козырьками на стриженных головах. Они были in borghese — в штатском, но я и за сотню ярдов различил бы в них копов.

Я подошел:

— Я Дуглас Престон.

Двое детективов провели меня в палаццо Веккьо, где внутри великолепного двора

времен Ренессанса в окружении фресок Вазари вручили мне легальный вызов на допрос к государственному обвинителю Перуджи Джулиано Миньини. Детективы вежливо объяснили, что неявка была бы серьезным преступлением: им бы выпала неприятная обязанность доставить меня силой.

— Подпишитесь здесь, что получили повестку и поняли, что в ней сказано и к какому времени вам явиться.

— Вы так и не сказали мне, о чем речь.

— Вы узнаете завтра в Перудже.

— Скажите, по крайней мере, это из-за Флорентийского Монстра? — спросил я.

— Браво, — сказал детектив. — Теперь подпишите.

Я позвонил Специ. Он был глубоко поражен и озабочен.

— Никак не думал, что они выступят против тебя, — сказал он. — Поезжай в Перуджу и отвечай на вопросы. Говори только о том, о чем будут спрашивать, и не более. И ради бога не лги.

Глава 46

На следующий день я с Кристиной и двумя детьми поехал в Перуджу, мимо Тразименского озера. Перуджа — красивый старинный городок, стоит на неправильной формы скалистом холме в верховьях Тибра и окружен уцелевшими оборонительными стенами. Перуджа долго была образовательным центром Италии, славилась множеством школ и университетов, некоторым из них насчитывается уже пятьсот лет. Кристина рассчитывала полюбоваться с детьми городом и пообедать, пока меня допрашивают. Я считал, что все это дело с допросом — блеф, грубая попытка меня запугать. Я не сделал ничего дурного, не нарушал законов. Я журналист и писатель. Италия — цивилизованная страна. Во всяком случае так я твердил себе всю дорогу.

Прокуратура, где работал государственный обвинитель, оказалось современным зданием из белого туфа прямо за городской стеной. Меня препроводили в приятную комнату на верхнем этаже. За окнами был прекрасный умбрийский пейзаж, туманный и зеленый, в ореоле дождевых капель. Я оделся щеголевато и под мышкой, как надежду и опору, держал свернутую копию «Интернешнл геральд трибюн».

В комнате находились пять человек. Я спросил, как их зовут, и записал имена. Здесь был один из вызвавших меня детективов, капитан Кастелли, одетый по столь важному случаю в черную спортивную куртку и черную же рубашку, застегнутую до ворота. Волосы он щедро умастил гелем. Был еще маленький, чрезвычайно подтянутый капитан полиции по имени Мора, явно стремившийся произвести хорошее впечатление на государственного обвинителя. Была еще светловолосая женщина, по моей просьбе записавшая в мой блокнот имя прописью. Его еще предстояло расшифровать. Стенографистка сидела за компьютером.

За столом восседал сам государственный обвинитель Перуджи, судья Джулиано Миньини. Невысокий, средних лет, он следил за собой, был тщательно выбрит и надушен. На нем был темно-синий костюм, и держался он как хорошо воспитанный итальянец, с большим чувством собственного достоинства. Двигался плавно и точно, говорил сдержанным приятным голосом. Удостоив меня звания «дотторе» — в Италии это наиболее почтительное обращение, он обращался ко мне с изысканной любезностью, используя форму третьего лица. Я, как он объяснил, имею право на переводчика, но отыскать его — дело не на один час, и это без надобности задержит меня. На его взгляд, я свободно владею итальянским. Я спросил, нужен ли мне адвокат, и он ответил — нет, хотя, конечно, это мое право, но нужды в нем нет, ведь они просто хотят задать мне несколько обычных вопросов.

Я уже решил не ссылаться на журналистские привилегии. Одно дело сражаться за свои права на родине, но попадать в иностранную тюрьму — совсем другое дело.

Вопросы его были деликатными и задавались с некоторым равнодушием. Секретарь печатала вопросы и мои ответы на компьютере. Иной раз Миньини перефразировал мой

ответ на лучший итальянский, тщательно удостоверюсь, именно ли это я имел в виду. Поначалу он почти не смотрел на меня, опустив глаза на бумаги и порой заглядывая за плечо секретаря, чтобы проверить, что она записала.

По окончании допроса мне отказались выдать и протокол допроса, и копию «заявления», которую потребовали подписать. Мой пересказ допроса приводится здесь по заметкам, которые я набросал сразу после допроса, и по более подробному отчету, написанному по памяти два дня спустя.

Миньини задавал много вопросов о Специ и с уважительным интересом выслушивал ответы. Его интересовали наши теории относительно дела Монстра. Он подробно расспросил меня об одном из адвокатов Специ, Алессандро Траверси. Известно ли мне, кто он? Обсуждал ли когда-нибудь Специ с Траверси стратегию защиты? В последнем пункте он был особенно настойчив, глубоко вникая во все, что мне было известно о защите Специ. Я правдиво заявил о своем неведении. Он зачел список имен и спросил, знакомы ли они мне. Большая часть была мне незнакома, другие — Каламандреи, Паччани и Заккария — я узнал.

За такими вопросами прошел час, и я приободрился. Я даже начал надеяться, что успею пообедать с женой и детьми.

Тогда Миньини спросил меня, слышал ли я имя Антонио Винчи, и меня пробрал легкий озноб. Да, сказал я, это имя мне знакомо. Откуда, и что мне о нем известно? Я сказал, что мы брали у него интервью, и, отвечая на дальнейшие вопросы, описал, при каких обстоятельствах. Вопросы коснулись пистолета Монстра. Упоминал ли о нем Специ? Каковы были его версии? Я сказал, что, по его мнению, пистолет всегда оставался в кругу сардов и что один из них стал Монстром.

С этой минуты Миньини расстался с мягкими интонациями, и в его голосе прорезался гнев.

— Вы говорите, что вы со Специ настаиваете на этом убеждении, несмотря на то что сардинский след был закрыт судьей Ротеллой в 1988 году и сарды официально очищены от подозрений в связи с этим делом?

— Да, — сказал я, — мы оба придерживаемся этого убеждения.

Миньини перешел к вопросам о нашем визите на виллу. Теперь он заговорил мрачным обвиняющим тоном. Что мы там делали? О чем говорили? Все ли время я мог видеть Специ и Заккарию? Были ли мгновенья, когда я хотя бы ненадолго терял их из вида? Заходил ли разговор о пистолете? О коробках с патронами? Поворачивался ли я спиной к Специ? Как далеко мы стояли друг от друга при разговоре? Видели ли там кого-либо еще? Что было сказано? Что делал там Заккария? Какую роль он играл? Высказывал ли он желание получить назначение на пост государственного обвинителя?

Я отвечал по возможности правдиво, стараясь подавить губительную привычку вдаваться в подробные объяснения.

— Зачем вы туда ездили? — спросил наконец Миньини.

Я сказал, что участок открыт для публики и мы были там в роли журналистов.

Едва я произнес слово «журналист», Миньини громко перебил меня, не дав закончить. Он разразился гневной речью, что свобода прессы здесь ни при чем, что мы вправе публиковать все, что нам вздумается, и ему наплевать, что мы напишем, но «это, — сказал он, — уголовное дело».

Я сказал, что в том-то и дело, ведь мы журналисты...

Он снова перебил меня, утопив в словах о том, что свобода печати не имеет отношения к его расследованию и мне не следует больше на нее ссылаться. Он язвительно спросил, не значит ли то, что если мы со Специ журналисты, то не можем быть преступниками? У меня сложилось впечатление, что он боится, как бы слова о свободе слова и журналистских привилегиях не попали в протокол допроса.

Меня прошиб пот. Государственный обвинитель снова и снова повторял те же вопросы, в разном порядке и разными словами. Лицо его наливалось и багровело от злости. Он то и дело приказывал секретарше перечитать предыдущие ответы.

— Вы говорили так, а теперь говорите иначе? Где же правда? Где же правда, доктор Престон? Где правда?

Я начал спотыкаться на словах. Если уж говорить о правде, я далеко не свободно владею итальянским, тем более судебной и криминальной терминологией. Я со все большим отчаянием слышал свой заикающийся неуверенный голос — голос лжеца.

Миньини язвительно спросил, помню ли я последний звонок Специ по телефону 18 февраля. Я, смешавшись, не мог вспомнить точной даты, ведь мы разговаривали с ним почти каждый день.

— Послушайте это, — сказал Миньини.

Он кивнул стенографистке, и та нажала кнопку на компьютере. Через приставленные к компьютеру колонки я услышал звонок, потом собственный голос.

— Pronto.

— Ciao, sono Mario!⁸

Они действительно прослушивали телефонные переговоры.

Мы с Марио болтали, и я с изумлением слушал собственный голос, звучавший в записи яснее, чем в трубке домашнего телефона. Миньини прокрутил запись раз, другой, третий. Он остановился на месте, где Марио говорил: «Мы все сделали!» Теперь он уставил на меня сверкающий взгляд.

— Что именно вы сделали, доктор Престон?

Я объяснил, что Марио передал информацию полиции.

— Нет, доктор Престон. — Он снова и снова прокручивал запись, повторяя вопрос: «Что же вы сделали? Что вы сделали?» Он ухватился за брошенное Специ замечание, что «телефон — скотина».

— Что это значит: «Телефон — скотина»?

— Это значит, что телефон могли прослушивать.

Миньини сел поудобнее и от восторга словно раздался в размерах.

— А почему это вас, доктор Престон, волнует, не прослушивается ли ваш телефон, если вы не совершаете ничего противозаконного?

— Потому что прослушивать телефоны гадко, — беспомощно ответил я. — Мы журналисты, у нас свои рабочие секреты.

— Это не ответ, доктор Престон.

Миньини раз за разом прокручивал запись. Он остановил прослушивание еще на некоторых словах, требуя пояснить, не прибегали ли мы к шифру, обычной уловке мафии. Он спрашивал, был ли у Специ при поездке на виллу с собой пистолет. Он хотел поминутно знать, когда и куда он отходил. Все мои ответы Миньини отметал напрочь.

— Вы наверняка знаете больше, чем говорите.

Он требовал ответа на вопрос, какого рода улики сарды могли прятать на вилле, в коробках и я отвечал, что не знаю.

— Могу догадываться, — сказал я, — что там могли быть оружие и другие улики: драгоценности с убитых, возможно, фрагменты тел.

— Фрагменты трупов! — с недоверием повторил судья, глядя на меня так, словно только безумцу могла прийти в голову столь мерзкая мысль. — Но со времени убийств прошло двадцать лет!

— Но в заключении ФБР сказано...

— Прослушайте еще раз, доктор Престон.

И он нажал кнопку повторного воспроизведения.

И тут впервые вмешался капитан полиции. Голос у него оказался по-кошачьи тонкий и пронзительный.

— Я нахожу очень странным, что Специ в этом месте смеется. Что его насмешило?

⁸ — Слушаю. — Привет, это Марио! (*ит.*)

Флорентийский Монстр — одна из самых трагических страниц итальянской республики, тут нет ничего смешного. Так почему же Специ смеется? Что смешного?

Я не стал отвечать, поскольку вопрос был обращен не ко мне. Но неутомимый следователь желал услышать ответ, и он повторил вопрос уже для меня.

— Я не психолог, — самым холодным тоном ответил я, испортив задуманный эффект тем, что неверно произнес слово «psicologo» и меня пришлось поправлять.

Капитан, прищурившись, уставился на меня, затем обернулся к Миньини, всем видом показывая, что не позволит себя дурачить.

— Я заметил в записи еще кое-что, — проверещал он. — Очень странно, что он смеется именно в этот момент. С точки зрения психологии это ненормально. Совершенно ненормально.

Помнится, в этот момент я взглянул на Миньини и встретил его взгляд. Его лицо пылало презрением — и триумфом. И я вдруг понял, в чем дело: он ожидал, что я солгу, и вот я оправдал его ожидания. Он окончательно убедился в моей виновности.

И что из этого?

Я, заикаясь, спросил, не думают ли они, что мы совершили на той вилле что-либо преступное.

Миньини выпрямился на стуле и с нотой триумфа в голосе провозгласил:

— Да.

— Что же?

Он загрохотал:

— Вы со Специ подложили или намеревались подложить пистолет или другую фальшивую улику в попытке обвинить невиновного человека в преступлениях Флорентийского Монстра и отвлечь подозрения от самого Специ. Вот что вы делали! Эти слова: «Мы все сделали!» — вот что они означали. А потом вы попытались вызвать полицию. Но мы заранее предупредили их — и они не стали связываться с подложными свидетельствами.

Я прирос к полу. Мне удалось промямлить, что это — всего лишь теория, но Миньини оборвал меня, сказав:

— Это не теория. Это факты. И вы, доктор Престон, знаете об этом деле куда больше, чем говорите. Сознаете ли вы чрезвычайную серьезность, глубокую преступность ваших действий? Вам отлично известно, что Специ находится под следствием по делу убийства Нардуччи, и, думается мне, вы и об этом немало знаете. Следовательно, вы соучастник. Да, доктор Престон, я слышал это в вашем голосе, в записанном разговоре, я слышал ваш понимающий тон и уверен, что вы в курсе всего происходящего. Теперь прослушайте еще раз.

Наверно, в десятый раз он нажал кнопку. В его голосе звучало едва сдерживаемое возбуждение.

— Послушайте свой голос.

И он в десятый раз прокрутил запись.

— Возможно, вас втянули обманом, — продолжал он, — но я так не думаю. Вы знали. А теперь, доктор Престон, у вас есть шанс — последний шанс — рассказать нам все, что вы знаете — или я обвиню вас во лжесвидетельстве. Я ничего не боюсь, я это сделаю, даже если к завтрашнему дню об этом будет знать весь мир.

Мне стало дурно, и я почувствовал внезапный позыв облегчиться. Я спросил, как пройти в туалет. Вернувшись через несколько минут, я успел собраться с силами. Я был в ужасе. Едва допрос закончится, меня арестуют и отведут в тюрьму. Я никогда больше не увижу жену и детей. Фальшивые улики, лжесвидетельство, соучастие в убийстве. И не просто в убийстве, а в убийстве, связанном с преступлениями Монстра. Я вполне мог провести остаток жизни в итальянской тюрьме.

— Я сказал правду, — прохрипел я. — Что мне еще сказать?

Миньини махнул рукой, и ему вручили кодекс законов, до тех пор лежавший столе. Он

принял том с подчеркнутым почтением и открыл на нужной странице. Голосом, подобающим проповеди на похоронах, он стал читать текст закона. Я услышал, что «indagato» (обвиняюсь) в умолчании и в даче ложных показаний.⁹

Он объявил, что расследование будет приостановлено, чтобы дать мне время покинуть Италию, но продолжится вместе со следствием над Spezi.

Иными словами, мне следовало убраться из Италии и больше сюда не возвращаться.

Секретарь распечатала протокол. Два с половиной часа допроса уложились на две страницы вопросов и ответов, которые я прочел и подписал.

— Можно мне это оставить?

— Нет, это секретные материалы.

Я неуклюже поднялся, свернул свой «Интернешнл гералд трибюн» и повернулся к выходу.

— Если вы решитесь заговорить, доктор Престон, вы найдете нас здесь.

Я на подгибающихся ногах вышел на улицу, в зимнюю слякоть.

Глава 47

Во Флоренцию мы возвращались под проливным дождем. С дороги я позвонил по мобильному в американское посольство в Риме. Чиновник из юридического департамента объяснил, что они ничего не могут для меня сделать, поскольку я не арестован.

— Американцы, которые в Италии попадают в неприятности, — сказал он, — должны нанять адвоката. Американское посольство не может вмешиваться в местные уголовные расследования.

— Я не какой-то там американец, сдуру вмешавшийся в местное уголовное расследование, — воскликнул я. — Меня преследуют как журналиста. Это вопрос свободы прессы!

На чиновника мои слова не произвели впечатления.

— Независимо от вашего мнения, это уголовное дело. Вы в Италии, — сказал он, — а не в Америке. Мы не можем вмешиваться в уголовные дела.

— Не могли бы вы по крайней мере порекомендовать адвоката?

— Оценивать итальянских адвокатов — не наше дело. Мы пришлем вам список адвокатов, известных в посольстве.

— Спасибо!

Больше всего мне нужно было поговорить с Марио. Готовилось что-то серьезное: мой допрос был только первым выстрелом. Даже для такой важной особы, как государственный обвинитель Перуджи, было дерзостью привлечь к ответу американского журналиста и подвергать его допросу третьей степени. Если они решились на такое, рискуя скандалом в прессе (а я намерен был обрушить им на головы тонну кирпичей), как они обойдутся со Spezi? Им ведь он и был нужен.

С мобильного я ему позвонить не мог. Вернувшись во Флоренцию, я договорился о встрече из платного автомата, позвонив на одолженный им у кого-то телефон. К полуночи у меня на квартире на виа Гибеллина собрались Spezi, Заккария и Мириам.

Специ с сигаретой во рту расхаживал по элегантной гостиной, и за ним тянулась струйка дыма.

— Никогда бы не подумал, что они дойдут до такого. Вы уверены, что вам предъявили обвинение в лжесвидетельстве?

⁹ Здесь, как и везде, я перевожу слово "indagato" как "предъявлено обвинение" или "обвиняется". Точнее оно означает официальное подозрение в совершении преступления, и ваше имя записывается в особую книгу вместе с объяснениями причин. Это очень близко к американскому понятию обвинения, да и в Италии это практически то же самое, особенно в отношении общественного мнения и репутации обвиняемого. — *Примеч. автора.*

— Уверен. Я — «persona indagata».

— А вручили вам «avvisi di garanzia»?

— Сказали, что вышлют на мой адрес в Мэне.

Я пересказал им все, что смог вспомнить о допросе. Когда я дошел до обвинения, что мы подложили на виллу пистолет, чтобы подставить невиновного и отвлечь подозрения от Spezi, Марио меня прервал.

— Он так сказал? Отвлечь от меня подозрения?

— Так и сказал.

Специ покачал головой.

— Черт подери! Эти двое, Джуттари с Миньини, считают меня повинным не просто в журналистских уловках — подсунуть пистолет ради сенсации. Они уверены, что я прямо замешан убийствах Монстра — по крайней мере в убийстве Нардуччи.

— На свой безумный лад, — заметил я, — их версия сообразуется с фактами. Взглянем на это с их точки зрения. Несколько лет мы настаивали, что Монстр — это Антонио. Никто нас не слушал. И вот мы отправляемся на виллу, обходим ее, а через несколько дней вызываем полицию и говорим, что Антонио скрывает на этой вилле улики — приходите и заберите их. Мне неприятно это говорить, Марио, но вполне можно поверить, что мы что-то туда подбросили.

— Да что там! — закричал Марио. — В этом рассуждении отсутствует не только следственная логика, но вообще всякая логика. Стоит на минуту задуматься, чтобы его опровергнуть. Если я замешан в смерти Нардуччи, то чтобы «отвлечь подозрения», стал бы я вербовать незнакомого мне бывшего полицейского, считавшегося когда-то одним из лучших детективов во флорентийской выездной бригаде, и знаменитого американского писателя? Кому могло бы прийти в голову, что вы, Дуг, явитесь в Италию, чтобы украдкой подбрасывать ложные улики для полиции! Вы и так здесь в списке бестселлеров, сенсации вам ни к чему. А Нандо, он же руководит известным детективным агентством. Неужто он рискнет всем ради сомнительной сенсации? Это совершенная чушь!

Он шагал, разбрасывая за собой пепел.

— Дуг, вы не задавались вопросом, почему Джуттари и Миньини так усердно нападают на нас? Не потому ли, что через два месяца должна выйти книга на ту же тему, и в ней подвергаются сомнению их действия? Не к тому ли они стремятся, чтобы дискредитировать книгу до публикации? Содержание ее им уже знакомо — они ее читали!

Он развернулся в другую сторону.

— Для меня, Дуг, самое страшное обвинение — что я стараюсь отвлечь подозрения от себя. Подозрения в чем? В том, что я один из вдохновителей убийства Нардуччи! Все газеты пишут одно и то же: убедительное доказательство, что они пользуются одним источником, хорошо информированным и наверняка официальным. Что это значит для меня?

Шаг, поворот.

— Дуг, вы понимаете, что у них на уме? Я не просто вдохновитель убийства Нардуччи, я организатор всех убийств, совершенных Монстром! Они считают Монстром меня!

— Дайте мне сигарету, — попросил я. Обычно я не курю, но сейчас сигарета была мне необходима.

Мириам дала мне сигарету и сама закурила другую.

Мириам плакала. Заккария сидел на краешке дивана, длинные волосы в беспорядке, щеголеватый костюм смят и обвис.

— Подумайте, — сказал Spezi, — предполагается, что я подложил пистолет на виллу, чтобы обвинить невиновного. Где же я взял пистолет Монстра, если я сам — не Монстр?

Пепел на конце его сигареты загнулся крючком.

— Где эта чертова пепельница!

Я принес ему и себе блюдечко из кухни. Spezi со злобой ткнул в него недокуренной сигаретой и закурил следующую.

— Я вам скажу, откуда Миньини набрался этих идей. Это все та римлянка, Габриэлла

Карлицци, та, что обвинила в 11 сентября «Орден Красной Розы». Вы читали ее вебсайт? И вот к этой женщине прислушивается государственный обвинитель Перуджи!

Специ прошел полный круг, от «монстролога» — к Монстру.

На следующий утро я улетал из Италии. Вернувшись в дом в Мэне, стоявший на обрыве над северной Атлантикой, я слушал шум прибоя внизу и крики чаек над головой. Я так радовался свободе, так счастлив был, что не гнию ни в какой итальянской тюрьме, что по лицу у меня покатались слезы.

Граф Никколо позвонил мне на следующий день после моего возвращения.

— Так, Дуглас. Вы взбаламутили Италию. Отличное шоу!

— Откуда вы знаете?

— Утренние газеты называют вас официальным подозреваемым по делу Монстра.

— Это попало в газеты?

— Во все! — Он рассмеялся. — Пусть это вас не тревожит.

— Ради бога, Никколо, они обвиняют меня в соучастии в убийствах, утверждают, что я подложил на виллу пистолет, вменяют мне в вину помехи правосудию и лжесвидетельство. Они угрожали мне, если я посмею вернуться в Италию. И вы советуете мне не беспокоиться?

— Мой дорогой Дуглас, в Италии каждая заметная личность — *indagato*. Примите мои поздравления — теперь вы настоящий итальянец! — Циничная усмешка исчезла из его голоса, и он сказал серьезно: — Вот за нашего общего друга стоит побеспокоиться. Даже очень.

Глава 48

Едва добравшись до дома, я принялся обзванивать прессу. Я боялся за Марио и надеялся, что если мне удастся поднять основательный шум в Америке, он обеспечит Марио хоть какую-то защиту от несправедливого и неоправданного ареста.

Когда у Специ обыскали дом, американская пресса осталась совершенно равнодушна к итальянскому журналисту, лишившемуся своих бумаг. Но теперь, когда под прицелом оказался американец, пресса встрепенулась.

«Попал в сети собственного триллера» — гласил заголовок на первой странице «Бостон глоб». «Жизнь Дугласа Престона была прекрасна, пока он работал над своей книгой. Но вот он стал ее героем». «Вашингтон пост» писала: «Автор бестселлеров Дуглас Престон запутался в сети серийных убийств в Тоскане». Сюжеты передавались через Ассошиэйтед Пресс и попали в новости Си-эн-эн и Эй-би-си ньюс. Заинтересовались и газеты Италии. Заголовок в «Корриере делла сера» гласил:

ДЕЛО МОНСТРА

Дуэль между государственным обвинителем и американским писателем

Серийные убийства во Флоренции. Автор триллеров обвиняется в лжесвидетельстве. Его коллеги мобилизуются.

Сообщение пришло через АНСА, итальянское агентство новостей:

Прокуратура Перуджи допросила американского писателя Дугласа Престона как важного свидетеля, после чего предъявила ему обвинение в лжесвидетельстве. Престон и Марио Специ работали над книгой по делу Монстра, которая должна выйти в апреле, и высказывали в ней мнение, противоположное официальной версии. Два года назад Специ попал под следствие как соучастник в убийстве Нардуччи и впоследствии обвинялся в соучастии.

В других статьях пересказывались сведения, очевидно, просочившиеся из конторы Миньини. В них утверждалось, что мы со Специ пытались подбросить злосчастную

«беретту» — пистолет Монстра, чтобы подставить невинного.

В ярких лучах прессы и общего внимания Джуттари с Миньини, казалось, становились лишь агрессивнее. 25 февраля, через два дня после моего отъезда из Италии, полиция совершила новый налет на квартиру Spezi. За ним установили неотступное наблюдение, полиция следовала за ним, когда он выходил из дома, и вела скрытую видеосъемку. Телефоны его прослушивались, в квартире, надо полагать, было полно «жучков», а его e-мейлы перехватывали.

Чтобы продолжать общение, мы со Spezi договорились использовать другие электронные адреса и чужие телефоны. Spezi, стряхнув полицейский «хвост», сумел послать мне сообщение из интернет-кафе. В конце была приписка «salutami a Christine» («привет от меня Кристине») — сигнал, что он ждет от меня звонка в назначенное время на следующий день на одолженный телефон.

Никколо постоянно держал меня в курсе дела, и мы часто говорили с ним по телефону.

1 марта Spezi наконец отогнал свою машину к механику чтобы починить дверь и поставить новое радио. Механик вынырнул из машины с руками, полными электронных устройств, болтавшихся на красных и черных проводах. Одно походило на пачку сигарет с полоской клейкой ленты на экранчике с надписями «on» и «off». Второе, таинственное устройство, соединенное с ним, было пять на два дюйма и подсоединялось к проводам радиоприемника.

— Я в этом мало понимаю, — сказал механик, — но, по-моему, это микрофон и к нему — записывающее устройство.

Он обошел машину и открыл капот.

— А это, — добавил он, указав на черную коробку в уголке, — похоже на спутниковый навигатор.

Speci позвонил в «Ла Нацьоне» и оттуда прислали фотографа, который заснял журналиста «с уловом» аппаратуры для слежки в руках.

В тот же день Spezi отправился в прокуратуру Флоренции и оформил законный иск против неизвестных лиц, на несших ущерб его машине. Он предстал перед прокурором, которого хорошо знал, с жалобой в руке. Тот отказался к ней прикоснуться.

— Это дело, доктор Spezi, слишком тонкое, — сказал он. — Представьте свою жалобу главному прокурору.

Speci прошел со своей жалобой к главному прокурору, где ему пришлось подождать. Потом вышел полицейский, взял заявление и сказал, что прокурор его вызовет. Больше Spezi о своем заявлении не слышал.

15 марта 2006 года Spezi позвонили и пригласили явиться в ближайшую казарму карабинеров. Его принимали в крошечной комнатке, и офицер, очевидно, был сильно смущен.

— Мы возвращаем вам ваше радио, — заявил он.

Speci обомлел:

— Вы... признаете, что забрали его и при этом повредили мою машину?

— Нет, не мы! — Офицер нервно перебирал бумаги. — Мы делаем это по поручению перуджийской прокуратуры и судьи Миньини, который дал приказ главному инспектору Джуттари из ГИДЕС вернуть ваше радио.

Speci с трудом сдержал смех.

— Невероятно! Вы хотите сказать, что они в официальном документе признали, что взломали мою машину и украли радио?

Карабинеру было неловко.

— Подпишите, пожалуйста, здесь.

— Ну, — с триумфом возразил Spezi, — а если они его испортили? Я не могу забрать его, не проверив.

— Spezi, подпишите, пожалуйста!

Speci поспешно составил второй иск об ущербе, на сей раз против Миньини и

Джуттари, раз уж они (невольно) снабдили его необходимыми доказательствами. В том же месяце, в марте 2006-го, в издательстве «Эр-си-эс либри» вышла книга Джуттари о деле Монстра «Монстр, анатомия расследования». Она сразу попала в первые ряды бестселлеров. В книге Джуттари выпустил несколько стрел в Spezi, обвинив его в соучастии в убийстве Нардуччи и туманно намекнув, что он замешан и в других преступлениях Монстра.

Speci немедленно подал в гражданский суд иск против юриста, порочащего его в своей книге и нарушающего закон о тайне следствия относительно дела Монстра. Процесс проходил в Милане, где «Риццоли», еще один филиал «Эр-си-эс либри», выпустил тираж (по итальянским законам дело о диффамации проходит в месте публикации материала). Spezi просил изъять и уничтожить тираж.

«Для писателя нерадостно просить об изъятии книги, — писал он, — однако только это средство поможет умерить ущерб, нанесенный моей репутации». Spezi сам написал большую часть искового заявления, подбирая слова так, чтобы идеально уязвить врага.

Более года я был жертвой не просто непродуманной работы полиции, но и, можно сказать, настоящего нарушения гражданских прав. Это явление — которое затрагивает не только меня, но и многих других, — заставляет вспомнить о самых неблагоприятных странах Азии или Африки.

Синьор Микеле Джуттари, сотрудник государственной полиции, изобрел и неумоимо продвигает теорию, согласно которой преступления так называемого Флорентийского Монстра являются плодами трудов таинственной, сатанинской, эзотерической секты, которую якобы организовала группа людей, принадлежащих по роду занятий к высшему и среднему классу (чиновников, полиции и карабинеров, следователей — и находящихся у них в подчинении писателей и журналистов), будто бы вербовавших исполнителей из самых низших слоев населения для совершения двойных убийств любовных пар и щедро оплачивавших добытые теми женские органы с целью использовать их в неопишуемых, неопределенных и в совершенно невероятных «ритуалах».

Согласно фантастическим умозаключениям этого самоуверенного, блестящего и усердного следователя сие криминальное сообщество, видимо, высокопоставленных лиц посвятило себя оргиям, садомазохизму, педофилии и прочим отвратительным извращениям.

Далее Spezi наносил апперкот в мягкое брюхо Джуттари — по его литературному таланту. В своем иске Spezi целыми абзацами цитировал книгу Джуттари, выставляя напоказ его дикую логику, высмеивая теории и издеваясь над его литературными способностями.

Иск был датирован 23 марта и подан в суд недель позже, 30 марта.

Глава 49

Я следил за надвигающейся бурей издали, из Америки. Мы со Spezi получили короткие сообщения от нашего редактора в «Эр-си-эс либри». Ее серьезно встревожило происходящее. Она с ужасом представляла, как издательство втянут в сумятицу судебных разбирательств, и весьма возмущалась, что я дал номер ее телефона репортеру из «Бостон глоб», который просил прокомментировать ситуацию.

«Должна вам сказать, — написала она мне и Марио, — что этот звонок не доставил мне удовольствия... Личные разногласия, кто бы ни был в них прав или виноват, меня не касаются и не интересуют... Я прошу вас обоих не вмешивать „Эр-си-эс либри“ в судебные разбирательства, связанные с вашими личными делами».

Между тем, стремясь получше познакомиться с Габриэллой Карлицци и ее веб-сайтом, я довольно опрометчиво вышел в он-лайн и просмотрел содержание. Прочитанное привело меня в ярость. Карлицци помещала целые страницы информации, касающейся лично меня. С прилежанием крысы, собирающей зернышки на зиму, она вытаскивала обрывки сведений

обо мне из всей сети, умудрялась найти переводчика на итальянский (сама она другими языками не владела) и перемешивала все это с вырванными из контекста эпизодами моих романов — обычно с описаниями убийств. Она умудрилась раскопать заявление, сделанное в Италии, когда я понятия не имел, что меня записывают, и выжала все, что можно, из неловкой шутки, когда я на презентации книги заметил, что если бы Специ не писал о преступлениях, из него получился бы превосходный преступник. В это варево она добавила собственные гнусные инсинуации, жуткие комментарии и безумные измышления. В результате получился ядовитый портрет, изображавший меня психически ненормальным человеком, пишущим романы, полные отвратительных сцен насилия и вызывающие к самым низким сторонам человеческой натуры.

Хватило бы и этого. Но по-настоящему взбесило меня то, что она вытащила из моей биографии имена жены и детей и разместила их рядом с фотографией серийного убийцы Джеффри Дамера и горящих башен-близнецов.

Я отправил ей гневное сообщение с требованием удалить с веб-сайта имена моей жены и детей.

Ее ответ оказался неожиданно сдержанным и даже очаровательным. Она извинялась, обещала убрать имена и немедленно исполнила обещание.

Мое сообщение достигло цели, зато теперь у Карлицци был мой адрес. Она написала мне в ответ.

Пусть даже краткий, наш обмен идеями, касающимися сфер тонких и в некотором смысле интимных, делает нелепым формальное обращение «Вы». Души, беседующие от сердца к сердцу, обращаются друг к другу «ты». Не возражаете ли Вы, Дуглас, если мы будем с Вами на «ты»?

Мне следовало бы оставить это письмо без ответа. Но я ответил.

От Карлицци хлынул поток сообщений, каждое на много страниц, на таком искаженном итальянском, так переполненных елейными признаниями и извращенной логикой заговоров, что разобрать их было практически невозможно. Но я разобрал.

Габриэлла Карлицци знала правду о Флорентийском Монстре и жаждала поделиться со мной.

Хай, Дуглас! Ты получил мой длинный е-мэйл? Может, тебя пугает, что я прошу тебя оставить первую страницу «Нью-Йоркера» для разоблачения лица и личности Флорентийского Монстра... Я помещу на своем веб-сайте отрывок с просьбой к тебе резервировать для меня эту престижную страницу и уведомя также «Нью-Йоркер».

Ответ: Я ВАС УМОЛЯЮ... ВЫ ДОЛЖНЫ МНЕ ПОВЕРИТЬ... ЕСЛИ БЫ ТОЛЬКО ВЫ И ВАША ЖЕНА МОГЛИ ЗАГЛЯНУТЬ МНЕ В ГЛАЗА...

Дражайший Дуглас,

...Знайте, хотя я пишу сейчас вам, но говорю не только с вами, но и вашей женой, и с теми, кого вы любите, и я хорошо знаю, как много они значат в вашей жизни как мужчины, не только журналиста и писателя, но просто человека, отца, друга... Я веду этот бой, эти поиски истины, только чтобы сдержать слово, данное Господу Богу и моему духовному отцу, прославленному экзорцисту отцу Габриэлю... Я дала этот обет, Дуглас, в благодарность Господу за спасение сына, который, прожив всего четверть дня, умер, и, пока они одевали его для похорон, я позвонила отцу Габриэлю с просьбой о благословении, и отец ответил мне: «Не думай об этом, дочь моя, твой сын переживет Мафусаила». А через несколько секунд сотня врачей в больнице Сан-Джованни в Риме закричали: «Да это же чудо! Ребенок ожил». Тогда у меня не было веры, которая теперь во мне, но в благодарность за дар Божий я должна была рано или поздно отплатить ему. Дорогой Дуглас, у меня есть фотографии всех преступлений, когда жертвы замечали Монстра и кричали, и их вопли записывались на мини-камеру, полученную мной от секретной службы...

...И я нашла, дорогой Дуглас, в Японии документ, который, мне кажется, помешает Монстру убить кого-либо из ваших близких. Я занимаюсь изучением этого документа...

...Загляните в статью, которую я поместила на своем сайте, где я пишу, что действительно приглашаю вас повидаться со мной и приготовить первую страницу «Нью-Йоркера»... Я пишу это только чтобы убедить вас, что не шучу...

Меня встревожило упоминание о «Нью-Йоркере» и намек, что Монстр может убить кого-либо из близких, явно относящийся к моей жене. Я снова вышел на сайт Карлицци и обнаружил, что она добавила страницу, на которой воспроизводила обложку моего романа «Самородная сера» рядом с обложкой романа Специ «Il Passo dell' Orco». На сайте размещался следующий не вполне связный и весьма невразумительный текст:

Габриэлла, не тратя времени, пригласила Престона посетить ее и своими глазами увидеть Монстра и его жертв. Она перевела их в черно-белый формат и отправила Престону по e-мэйлу.

«Оставьте для меня первую страницу „Нью-Йоркера“ и приезжайте ко мне. Я дам вам сенсацию, которой вы так давно ждали». Как поступит Дуглас? Примет ли он приглашение или подчинится запрету своего итальянского друга? Так или иначе, «Нью-Йоркер» не упустит этой сенсации.

«А главное, — пишет она, — я хочу торжественно спросить Престона: „Вот что будет с вами в тот день, когда откроется, что ваш Монстр был ошибкой, что это совсем другой человек? Вам откроется, что он очень близок вам, что вы с ним сотрудничали, дружили, высоко ценили как профессионала и даже не подозревали, что в столь культурном, чувствительном, доброжелательном человеке скрывается лабиринт, куда уходит Монстр, совершив свои смертоносные деяния... Монстр, пользующийся уважением, сумевший одурачить всех. Не станет ли это для вас, дорогой Престон, величайшим в жизни потрясением? Тогда вы, конечно, сможете написать триллер, какого еще не видел мир, и, возможно, на полученный гонорар даже купите „Нью-Йоркер““.

Так вот что! Монстр — это Специ. Безумные сообщения наводняли электронную почту, как прилив в полнолуние, по несколько раз за день переполняя мой почтовый ящик. Карлицци подробно разрабатывала свои теории и умоляла меня приехать во Флоренцию. Она намекала на свои особые отношения с государственным обвинителем и гарантировала, что в Италии меня не ждет арест. Она даже готова была позаботиться, чтобы предъявленные мне обвинения отпали.

...Флоренция всегда была под властью, защищавшей истинного Монстра, и власть эта простирается широко, потому что Монстр мог в любой момент разоблачить видных представителей суда в педофилии и те под угрозой разоблачения никогда не пытались схватить его.

Дражайший Дуглас, Монстр, пользуясь твоим неведением, использовал тебя в Италии, как обычно, прикрываясь известными именами... Я умоляю тебя, Дуглас, приезжай немедленно и с женой или дай мне свой телефонный номер, а я пришлю тебе свой, чтобы мы могли совещаться... Ничего не рассказывай Специ... Я все объясню. Молю бога, чтобы ты и твоя жена мне поверили... Я все покажу.

Когда-нибудь, если ты решишь написать мою биографию, ты поймешь, что правда намного невероятнее выдумки и фантазий.

Ты, конечно, представляешь, что следствие не знает ни сна, ни выходных. Поэтому я взываю к тебе: СВЯЖИСЬ СО МНОЙ СРОЧНО! Помни, это должно

храниться в полной тайне.

Дорогой Дуглас, я все еще не получила ответов на свои е-мейлы: в чем дело? Прошу тебя, дай мне знать, я обеспокоена и хочу понять, что делать, чтобы внести ясность.

Вскоре я стал читать только заголовки:

Где вы?

Помолимся за Марио Spezi

Теперь ты мне веришь?

Срочнейшая срочность.

И, наконец, сорок второй е-мейл:

Да что же с тобой случилось!

Эта лавина е-мейлов обескуражила меня не только явным безумием содержания, но и тем, что государственный обвинитель Перуджи и главный инспектор полиции серьезно воспринимают подобную личность. Однако, как заявляла сама Карлици и как впоследствии подтвердили исследования Spezi, именно эта женщина была ключевой свидетельницей, убедившей судью Миньини и инспектора Джуттари, что смерть Нардуччи посредством сатанинской секты связана с Флорентийским Монстром. Это она впервые обратила внимание государственного обвинителя на Spezi и заявила о его вовлеченности в так называемое убийство Нардуччи. (Позже Spezi показал мне целые параграфы в официальных документах, словно списанные с образчиков параноидального бреда, которые Карлици выкладывала на свой веб-сайт. По-видимому, Карлици обладала на Миньини влиянием, подобным влиянию Распутина.)

Еще труднее поверить, что каким-то образом Карлици умудрилась стать "экспертом" по делу Монстра. Примерно в то же время, когда она забрасывала меня е-мейлами, итальянские журналы и газеты осаждали ее в ожидании комментариев о ходе расследования и приводили в печати длинные цитаты, как от настоящего эксперта. Она выступала в самых популярных ток-шоу Италии, и с ней вели серьезные вдумчивые беседы.

Посреди этой бомбардировки я упомянул Марио, что обмениваюсь е-мейлами с Карлици. Он выбрал меня:

— Дуг, вам это может казаться забавным, но вы играете с огнем. Она способна причинить много зла. Ради бога, держитесь от нее подальше.

Карлици, при всем ее безумии, кажется, располагала великолепными источниками информации. Я поражался, сколько она сумела раскопать обо мне. Иной раз она делала такие точные предсказания по ходу следствия, что мы со Spezi задумывались, нет ли у нее внутреннего агента в конторе государственного обвинителя.

В конце марта Карлици объявила на своем сайте выдающуюся новость: Spezi ждет неизбежный арест.

Телефон зазвонил в пятницу 7 апреля 2006 года. По трансатлантической линии прокатился бас графа Никколо.

— Они только что арестовали Spezi, — сказал он. — Люди Джуттари подобрались к дому, выманили его наружу и запихнули в машину. Больше ничего не знаю. Только что получил известие.

Я не находил слов. Я никогда не верил, что они зайдут так далеко. Хриплым голосом я выдал дурацкий вопрос:

— Арестовали? За что?

— Вы отлично знаете, за что. Он уже несколько лет выставляет Джуттари, сицилийца, самоуверенным дураком перед всей нацией. Ни один итальянец такого не потерпит. И, должен сказать, Дуглас, у Марио острое и ядовитое перо. Речь идет о сохранении лица. Вам, англосаксам, этого не понять.

— Что будет дальше?

Никколо протяжно вздохнул.

— На сей раз они слишком далеко зашли. Джуттари и Миньини переступили черту. Это уж слишком. Они позорят Италию перед всем миром, а этого допустить нельзя. Джуттари слетит. Что до Миньини, судебские сомкнут ряды и отстирают грязное белье за закрытой дверью. Самоуверенность Джуттари вполне могла исходить из совсем другого источника, но он не удержится, запомните мое слово.

— Но что будет с Марио?

— Он, увы, проведет некоторое время в тюрьме.

— Господи, надеюсь, недолго!

— Я узнаю и перезвоню вам.

Мне вдруг пришло в голову:

— Никколо, вам следует быть осторожней. Вы сами — идеальный кандидат в члены сатанинской секты... Граф из старейшего итальянского рода.

Никколо от всей души рассмеялся:

— Эта мысль уже приходила мне в голову.

Он перешел на напевный итальянский, словно повторяя детский стишок, но обращаясь не ко мне, а к тому, кто, по всей вероятности, подслушивал наш разговор:

"Brigadiere Cuccurullo? Mi raccomando, segni tutto!"

("Бригадир Куккурулло, все записывай усердно!")

Мне всегда было ужасно жаль этих бедолаг, подслушивающих звонки. "Mi sientе, Brigadiere Gennaro Cuccurullo. Mi dispiace per lei! Segni tutto!" (Слышите, бригадир Куккурулло? Мне вас жаль! Записывайте все!)

— Вы в самом деле думаете, что телефон прослушивается?

— Ба! Это Италия. Прослушивать могут даже телефон папы!

В доме Spezi никто не брал трубку. Я вышел в Интернет, чтобы просмотреть новости. Сюжет только что появился на итальянском агентстве новостей АНСА.

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ МОНСТР

ЖУРНАЛИСТ СПЕЦИ АРЕСТОВАН ЗА ПОМЕХИ ПРАВОСУДИЮ

До выхода из печати нашей книги оставалось двенадцать дней. Меня охватил страх, что это только прелюдия к запрету на публикацию или что наши издатели перетрусят и отзовут тираж. Я позвонил редактору в "Сонцоньо". Она уже ушла на совещание по поводу сложившейся ситуации, но позже я с ней связался. Арест Spezi взволновал ее — не так часто случается, что один из ваших популярных авторов подписывает ордер на арест другого, она сердилась на меня и на Spezi. По ее мнению, Spezi, из-за личной вендетты с Джуттари, без надобности спровоцировал главного инспектора и, возможно, втянул издательство в отвратительную судебную склоку. Я довольно горячо напомнил, что ни я, ни Spezi, занимаясь своим журналистским делом — поиском истины, — не нарушали законов

и не делали ничего аморального. К моему удивлению, она, кажется, отнеслась к последнему утверждению несколько скептически. Я часто сталкивался с подобной реакцией итальянцев.

Но зато решение совещания ободряло. "Эр-си-эс либри" приняло решение не откладывать публикацию нашей книги. Более того, издательство на неделю ускорит распределение книг по книжным магазинам. Для этого было приказано как можно скорее вывезти тираж со складов. Как только книги разойдутся со складов, для полиции будет гораздо сложнее перехватить тираж, разошедшийся по тысячам книжных лавок.

Я наконец дозвонился до Мириам Spezi. Она держалась, но с большим трудом.

— Они обманом выманили его к воротам, — рассказала она. — Он был в домашних тапочках, ничего не взял с собой, даже бумажника. Ордер они предъявить отказались. Угрозами заставили его сесть в машину и увезли.

Сначала его отвезли в штаб-квартиру ГИДЕС в здании Иль Магниifico, там допросили, а затем под вой сирен отправили в мрачную тюрьму Капание в Перудже.

Сюжет появился в вечерних новостях в Италии. Моментальные снимки Spezi, места преступлений Монстра, жертвы, фотографии Джуттари и Миньини. Диктор внятно докладывал: "Марио Spezi, писатель, издавна ведущий хронику по делу Флорентийского Монстра, был арестован вместе с отбывшим срок Луиджи Руокко по обвинению в оказании препятствий следствию по убийству Франческо Нардуччи... и создании помех выявлению роли врача в преступлениях Флорентийского Монстра. Государственный обвинитель Перуджи... предполагает, что эти двое пытались подложить фальшивые улики на виллу Биббиани в Капрайе, в том числе предметы и документы, которые вновь заставили бы следствие заняться сардинским следом, закрытым в девяностых годах. Их целью было отвлечь внимание следователей от связи Марио Spezi и аптекаря из Сан-Кашано Франческо Каламандрей с убийством Франческо Нардуччи".

Потом на телеэкране показали меня, выходящего из конторы Миньини после допроса.

"Под следствием по тому же предполагаемому преступлению, — говорил диктор, — находятся еще двое: бывший инспектор полиции и американский писатель Дуглас Престон, только что закончивший в соавторстве со Spezi книгу о Флорентийском Монстре".

Среди множества осаждавших меня телефонных звонков один был из Государственного департамента. Приятный женский голос сообщил мне, что американское посольство в Риме запросило у государственного обвинителя Перуджи пояснений относительно моего статуса. Посольство подтверждало, что я в самом деле "indagato" — то есть лицо, официально подозреваемое в совершении преступления.

— Вы спросили, какие у них против меня улики?

— Мы не вдавались в подробности. Все, что мы могли сделать, это уточнить ваш статус.

— Большое спасибо, мой статус мне и так известен, о нем пишут все итальянские газеты.

Женщина прокашлялась и спросила, нанял ли я адвоката в Италии.

— Адвокаты стоят денег, — пробормотал я.

— Мистер Престон, — сказала она довольно добродушно, — это очень серьезное дело. Оно само не рассосется, дальше станет только хуже, и даже при участии адвоката оно может тянуться годами. Вам стоило бы потратить деньги на адвоката. Я распоряжусь, чтобы посольство в Риме переслало вам по e-мейлу их список. К сожалению, мы не можем рекомендовать кого-то конкретно, поскольку...

— Знаю, — перебил я, — оценивать итальянских адвокатов — не ваша работа.

Под конец разговора она осторожно спросила:

— Вы случайно не собираетесь в ближайшее время возвращаться в Италию?

— Вы шутите?

— Я так рада это слышать! — с ощутимым облегчением сказала она. — Нам определенно не хотелось бы заниматься проблемами, связанными с вашим арестом.

Список мне прислали. В основном это были адвокаты, занимавшиеся нарушением

таможенных правил, продажей недвижимости и составлением контрактов. Тех, кто имел дело с уголовными преступлениями, можно было пересчитать по пальцам.

Я наугад выбрал из списка адвоката и позвонил ему в Рим. Он читал газеты и был уже в курсе дела. Он был рад услышать меня. Я сделал правильный выбор. Ему придется отложить важную работу, чтобы заняться моим делом. Он предложит партнерство одному из виднейших адвокатов Италии, имя которого хорошо известно и внушает уважение государственному обвинителю Перуджи. Само участие такого человека уже наполовину решит дело — так уж ведется в Италии. Наняв его, я докажу государственному обвинителю, что я — "uomo serio" — человек, с которым не стоит шутить. Когда я робко поинтересовался об оплате, он сказал, что возьмет всего двадцать пять тысяч евро как задаток, чтобы дело тронулось, — и что такая необыкновенно низкая оплата (практически бесплатно) возможна только благодаря высокой известности дела и его значению для свободы печати. Он рад будет переслать мне инструкции по переводу денег, но действовать нужно не откладывая, поскольку у того самого важного в Италии адвоката каждая минута расписана...

Я перешел к следующему по списку адвокату, затем к следующему. Наконец я отыскал такого, который взялся вести мое дело примерно за шесть тысяч евро и разговаривал как адвокат, а не как торговец подержанными машинами.

Как мы потом узнали, еще до ареста Марио вилла Биббиани в Капрайе и ее участок были обысканы людьми из ГИДЕС, искавшими оружие, предметы, коробки или документы, якобы подложенные нами. Они не нашли ничего. Для неистощимого на выдумки Джугтари это не составило проблемы. Он действовал так быстро, заявил он, что мы не успели воплотить свои коварные замыслы, — он преградил нам путь.

Глава 51

Седьмого апреля, в день ареста, Специ наконец доставили в тюрьму Капание, в двадцати километрах от Перуджи. Его втолкнули на территорию тюрьмы и провели в помещение, где ничего не было, кроме одеяла, расстеленного на цементном полу, стола, стула и картонной коробки.

Охранник приказал ему вывернуть карманы. Специ повиновался.

Ему велели снять часы и крестик, который он носил на шее. Потом один из охранников гаркнул, чтобы он раздевался.

Специ снял свитер, рубашку, нижнюю рубашку и туфли и стал ждать.

— Все. Если у вас мерзнут ноги, встаньте на одеяло.

Специ разделся донага.

— Присядьте три раза, — приказал ему начальник охраны.

Специ не совсем понял, что это значит.

— Вот так, — сказал другой, приседая. — До самой земли. Три раза. И потужьтесь.

После унижительного обыска ему приказано было одеться в тюремную одежду, которую он нашел в картонной коробке. Охранники позволили ему взять одну пачку сигарет. Заполнив несколько бланков, они провели его в холодную камеру. Один из охранников открыл дверь, и Специ вошел. За спиной четырежды громко лязгнула сталь. Закрылась тюремная дверь, заложили засов и защелкнули замок.

Ужинал он в тот вечер хлебом и водой.

На следующее утро, 8 апреля, Специ разрешили встретиться с одним из адвокатов, спозаранку прибывшим в тюрьму. Предполагалось, что потом ему ненадолго позволят встретиться с женой. Охранник проводил его в комнату, где он нашел адвоката сидящим за столом, перед пачкой бумаг. Они едва успели поздороваться, как ворвался еще один охранник, с широкой улыбкой на рябом лице.

— Это свидание отменяется. Приказ из прокуратуры. Заканчивайте, если вы не возражаете...

Специ едва успел попросить адвоката уверить жену, что с ним все в порядке, прежде

чем его вытолкнули из комнаты и заперли в одиночку.

В течение пяти дней Spezi не знал, почему его внезапно лишили встречи с адвокатом и содержат в изоляции. Остальная Италия узнала об этом на следующее утро. В день ареста Spezi государственный обвинитель Миньини попросил Марину де Робертис, следственного судью по делу Spezi, прибегнуть к закону, обычно применявшемуся только против опасных террористов и верхушки мафии, представлявших серьезную опасность для государства. Spezi лишили встреч с адвокатом и держали в одиночке. Целью этого закона было не дать опасным преступникам распорядиться об убийстве или запугивании свидетелей через своих адвокатов или посетителей. В данном случае его применили против чрезвычайно опасного журналиста Марио Spezi. Пресса отметила, что в тюрьме со Spezi обращались даже более жестоко, чем с Бернардо Провенцано, крупным боссом мафии, схваченным на Сицилии под Корлеоне через четыре дня после ареста Spezi.

Пять дней никто не представлял, что происходит со Spezi и где он. Его таинственный арест причинил мучительное беспокойство всем его друзьям и родным. Власти отказывались выдавать какую бы то ни было информацию о нем, о состоянии его здоровья или об условиях содержания. Spezi просто канул в черную пасть тюрьмы Капание.

Глава 52

Я в Америке вспоминал слова Никколо, что Италии будет стыдно перед миром. Я твердо решил позаботиться о том, чтобы его слова сбылись. Я надеялся вызвать в Америке такую шумиху, которая пристыдила бы итальянское правительство и заставила бы его восстановить правосудие. Я обзвонил все известные мне организации, занимавшиеся вопросами свободы печати. Я писал апелляции и объявления в сети. Они заканчивались словами: "Я прошу всех вас, пожалуйста, ради любви к истине и свободе слова, придите на помощь Spezi. Такого не должно было случиться в стране, которую я полюбил, которая дала миру Ренессанс". В этом воззвании упоминались имена, адреса и электронные адреса премьер министра Италии Сильвио Берлускони, министра внутренних дел и министра юстиции. Воззвание подхватили и перепечатали на многих веб-сайтах, перевели на итальянский и японский, обсуждали во множестве блогов. Бостонский филиал ПЕН-клуба организовал эффективную кампанию по распространению писем. Мой друг, писатель Дэвид Моррелл (создатель Рэмбо), обратился с письмом протеста к итальянскому правительству, и так же поступили многие другие известные писатели, принадлежавшие к международной организации авторов триллеров — организации, у истоков которой я когда-то стоял. Многие из этих авторов были популярны в Италии, и их имена значили немало. Я получил заказ от "Атлантик монсли" написать статью о деле Монстра и об аресте Spezi.

Тяжелее всего была неизвестность. Исчезновение Spezi создало пустоту, заполнявшуюся мрачными предположениями и жуткими слухами. Spezi оказался в руках у государственного обвинителя Перуджи, человека, обладавшего большой властью, и главного инспектора Джуттари, которого газеты прозвали "il super poliziotto" ("суперполицейским") за откровенное пренебрежение законом. Все эти пять дней молчания я просыпался, думая о Spezi, сидящем в тюрьме, и не знал, что с ним сейчас проделывают, и это сводило меня с ума. Мы все были на грани нервного срыва. Я опасался, что они сломают Spezi — понятно было, что именно к этому они стремились.

Каждое утро я проводил в своей хижине в лесу Мэна, обзванивая всех, кого мог вспомнить, дрожа от ярости и бессилия и ожидая ответных телефонных звонков и действий тех организаций, с которыми я связывался.

Главный редактор "Нью-Йоркера" связал меня с Энн Купер, исполнительным директором Комитета по защите журналистов — организации, базирующейся в Нью-Йорке. Эта организация лучше других осознавала необходимость срочных действий. Они немедленно предприняли независимое расследование дела Spezi в Италии, которым распорядилась Нина Огнянова, координатор программы в Европе. Опрашивали

журналистов, полицейских, судей и коллег Spezi.

В первые дни после ареста Spezi большая часть крупных ежедневных газет в Италии — прежде всего в Тоскане и Умбрии и особенно родная газета Марио "Ла Наццоне" — воздерживались от полного освещения истории. Они сообщили об аресте Spezi и о выдвинутых против него обвинениях, но подавали это как простую криминальную новость. Вопрос о свободе печати не поднимался. Никто не протестовал. Несколько журналистов высказались по поводу формулировки обвинения против Spezi, который "создает помехи официальному следствию посредством прессы". В самой "Ла Наццоне", как мы позже узнали, множество коллег Spezi сражались с газетным начальством, возмущаясь таким трусливым освещением событий.

Беседуя со своими итальянскими друзьями и журналистами, я с удивлением обнаружил, что многие полагали, будто часть обвинений вполне может оказаться правомерной. Возможно, некоторые из моих итальянских коллег протестовали — в конце концов я не так уж хорошо знал Италию, а с итальянскими журналистами такие вещи происходили достаточно часто. Мое возмущение представлялось им наивным и немножко дерзким. Возмущаться — значит быть серьезным, искренним, то есть простаком. Многие итальянцы охотно принимали позу усталых от мира циников, которые во всем видят две стороны и слишком умны, чтобы принять за чистую монету уверения в моей и Spezi невиновности.

— Ах, — сказал граф Никколо в одном из наших многочисленных разговоров. — Ну конечно, вы со Spezi не с добром ездили на ту виллу. Это главное правило диетологии. Только наивный поверит, будто вы, два журналиста, отправились на виллу просто посмотреть. Полиция не арестовала бы Spezi без причин. Видите ли, Дуглас, итальянец всегда должен выглядеть "furbo". В английском нет эквивалента этого чудесного слова. Оно означает человека хитрого и пронырливого, который знает, откуда ветер дует, который сумеет одурачить вас, но никогда не позволит одурачить себя. Каждый итальянец охотно верит худшему о других, чтобы в конечном счете не выглядеть слишком доверчивым. Больше всего они стремятся выглядеть "furbo".

Я, как американец, с беспокойством воспринимал атмосферу страха и запуганности, которую порождала в Италии эта тема. Настоящей свободы печати в Италии не существует, тем более что каждый чиновник может предъявить журналисту обвинение в "diffamazione a mezzo stampa", диффамации посредством печати. Запуганность прессы особенно ярко проявлялась в отказе нашего издательства "Эр-си-эс libri", входящего в одну из самых больших издательских корпораций в мире, выступить в поддержку Spezi. В самом деле, наш редактор искусно избегал общения с прессой, и поймать ее удалось только репортеру из "Бостон глоб".

— Журналист Spezi и главный следователь полиции ненавидят друг друга, — сказала она репортеру. — Почему, я не знаю. Если они, Престон и Spezi, думают, что обнаружили что-то полезное для полиции и правосудия, им следует сообщить об этом, не оскорбляя полицию и судий.

Тем временем из тюрьмы Капание под Перуджей не было никаких известий о судьбе Spezi.

Глава 53

Двенадцатого апреля пятидневное молчание было нарушено, и Spezi наконец позволили встретиться с адвокатами. В этот день его дело должна была пересмотреть следственный судья Марина де Робертис. Цель этой процедуры — составить предписание о представлении арестованного в суд, а в данном случае — определить, оправданы ли арест и заключение Spezi.

В этот день перед судом Spezi в первый раз принесли смену белья, вручили брусок мыла и дали возможность побриться и принять ванну. Государственный обвинитель

Джулиано Миньини представил перед судьей де Робертис развернутую аргументацию, чтобы доказать, какую опасность для общества представляет Spezi.

"Этот журналист, — писал Миньини в своем заключении, — обвиняется в том, что препятствовал расследованию дела Флорентийского Монстра и является инициатором настоящей кампании по дезинформации, подобной той, какую могла бы организовать враждебная секретная служба". Операция по дезинформации, объяснял Миньини, являлась попыткой отвлечь следствие от группы заметных лиц, являвшихся вдохновителями убийств, совершенных Флорентийским Монстром. Среди этих заметных лиц был и Нардуччи, который нанял Паччани и его "друзей по пикникам" и подстрекал их убивать молодых любовников с целью завладеть их органами. Spezi со своими преступными сообщниками разработали стратегию: ограничить круг виновных в преступлениях Флорентийского Монстра Паччани и его "друзьями по пикникам". Когда эта стратегия дала сбой и следствие начало подбираться к истине — после того как открылась новая причина смерти Нардуччи, Spezi отчаянно пытался перенаправить следствие обратно к сардинскому следу, потому что "в этом случае не существовало даже минимальной опасности, что следствие сможет коснуться мира заметных и обладающих властью людей".

Его выступление не представило ни клочка вещественных доказательств, только смехотворные теории заговоров, растянутые на фантастическую длину.

Диетрология в чистом виде.

Во время суда Spezi высказал протест против условий своего содержания. Он утверждал, что проводил законное журналистское расследование, а не вел кампанию по дезинформации.

Судья Марина де Робертис взглянула на Spezi и задала вопрос. Это был единственный вопрос, который она задала за все время заседания.

— Вы когда-нибудь принадлежали к сатанинской секте?

Сперва Spezi решил, что ослышался. Его адвокат ткнул его локтем в бок и прошипел:

— Не хихикайте.

Простое "нет" казалось недостаточным ответом на такой вопрос. Spezi сухо заявил:

— Единственный орден, к которому я принадлежу, это гильдия журналистов.

На этом заседание закончилось. Судья четыре дня неторопливо обдумывала решение. В субботу Spezi встретился со своим адвокатом, чтобы услышать вердикт.

— У меня есть хорошая новость и плохая новость, — сказал Траверси. — Которую вы хотите услышать первой?

— Плохую новость.

Оказалось, судья де Робертис решила, что ему надлежит остаться в предварительном заключении, поскольку он представляет опасность для общества.

— А хорошая новость?

Траверси видел в окне книжного магазина во Флоренции пачку экземпляров нашей книги "Сладкие холмы крови", она, наконец, поступила в продажу.

Глава 54

Тем временем главный инспектор Джуттари торопил следствие, решительно зажав в зубах сигару "Тоскано". Какое-то время его смущало отсутствие второго тела в так называемом "убийстве Нардуччи". Чтобы совершить двойную подмену, требовалось два тела. Наконец Джуттари нашел подходящее тело — труп латиноамериканца с пробитой головой, оставшийся невостребованным в морге Перуджи в 1982 году. Он, по крайней мере на взгляд некоторых, напоминал тело Нардуччи с фотографии на причале, сделанной после того, как его выудили из воды. После убийства Нардуччи тело этого убитого заранее латиноамериканца похитили из морга и бросили в озеро вместо Нардуччи, тело же Нардуччи спрятали либо в морге, либо где-то еще. Затем, много лет спустя, когда возникла опасность эксгумации Нардуччи, тела снова подменили. Нардуччи положили в его гроб, а

латиноамериканца утащили и засунули обратно в холодильник.

Пока Spezi был в тюрьме, Джуттари рассказал "Ла Нацьоне" о том, как далеко он продвинулся в деле Нардуччи.

— Да, мы занимались смертью этого человека, последовавшей в 1982 году, и некоторые детали весьма интересны и могут привести нас к чему-то конкретному. Я полагаю, теперь уже вне сомнений, что тело, извлеченное из Тразименского озера, не было телом Нардуччи. И теперь, в свете этих новых фактов, ситуация, возможно, прояснится.

Но, как видно, с этой теорией что-то не сложилось, поскольку мертвый латиноамериканец больше не упоминался в речах Джуттари, и с этой предполагаемой двойной подменой тел все так и оставалось неясным. Адвокаты Spezi начали добиваться передачи дела в специальный трибунал для пересмотра. Этот апелляционный суд существует для тех, кто оказался в заключении до судебного процесса. Так в США рассматривают возможность отпустить преступника на поруки, а в Италии определяют, есть ли основания держать его в предварительном заключении, или под домашним арестом, или на каких-либо других условиях. Итальянский закон не предусматривает денежного поручительства, и решение выносится на основании тяжести обвинения и вероятности того, что обвиняемый убежит за границу.

Дата суда над Spezi была назначена на 28 апреля. Пересмотр дела должен был проходить перед тремя другими судьями из Перуджи, коллегами и близкими знакомыми государственного обвинителя и следственного судьи. Трибунал по пересмотру дел, как правило, не отменял решения своих коллег, особенно в громких делах, подобных этому, где государственный обвинитель рисковал своей профессиональной репутацией.

18 апреля, через двенадцать дней после ареста Spezi, Комитет защиты журналистов закончил расследование дела Spezi. На следующий день Энн Купе, его исполнительный директор, отправила по факсу письмо премьер-министру Италии. Вот выдержка из него:

Журналисты не должны бояться проводить собственные расследования в щекотливых делах, открыто высказываться и критиковать официальных лиц. В такой демократической стране, как Ваша, являющейся составной частью Европейского Союза, подобный страх недопустим. Мы призываем Вас позаботиться о том, чтобы итальянские власти разъяснили серьезные обвинения против нашего коллеги Марио Spezi и опубликовали все доступные свидетельства, подтверждающие обвинения, или же немедленно его освободили. Преследование Марио Spezi и его американского коллеги Дугласа Престона, который опасается вернуться в Италию из страха судебного преследования, внушает итальянским журналистам опасную мысль, что лучше не затрагивать щекотливые истории, подобные тосканским убийствам. Пособничество властей установлению подобной самоцензуры — это анафема демократии.

Копии этого письма были отправлены государственному обвинителю Миньини, послу Соединенных Штатов в Италии, послу Италии в Соединенных Штатах, организациям "Международная амнистия", Форум Свободы, Комитету по правам человека и дюжине других международных организаций.

Это письмо, наряду с протестами других международных организаций, в том числе парижской "Репортеры без границ", видимо, совершили переворот в Италии. Итальянская пресса набралась смелости и дала себе волю. "Заключение Spezi — это позор", — восклицала редакторская колонка в "Либеро", написанная вице-директором этого журнала. "Корриере делла сера" поместила на первой странице большую колонку под заголовком "Судопроизводство без доказательств", назвав арест Spezi чудовищным. Итальянская пресса наконец заинтересовалась вопросом, что представляет собой арест Spezi для свободы прессы и международного имиджа Италии. Хлынул поток статей. Коллеги Spezi из "Ла Нацьоне" подписали апелляцию, и газета ее напечатала. Многие журналисты признали, что арест Spezi был результатом преследования журналиста, виновного в несогласии с

официальной линией следствия, — иными словами, его обвиняли в том, что он журналист. К протесту присоединялись итальянские издательские организации и газеты. Группа известных журналистов и писателей подписала апелляцию, в которой говорила: "Поистине, невозможно поверить, что в Италии настойчивость в поиске истины может быть истолкована как незаконное действие и пособничество виновным".

"Дело Spezi и Престона бросает темную тень на международный имидж нашей страны, — заявил президент "Итальянской организации свободы и безопасности информации" лондонскому корреспонденту "Гардиан", — и грозит опустить нашу страну в нижние строчки рейтинга относительно уровня свободы прессы и демократии".

Меня осаждали звонками из итальянской прессы, я давал множество интервью. Мой адвокат в Италии была недовольна тем, что меня так вольно цитируют. Она встретила государственного обвинителя Перуджи, Джулиано Миньини, чтобы обсудить мое дело и выяснить, в чем же все-таки меня обвиняют, однако обвинения, разумеется, оставались под грифом секретности. В письме ко мне она отметила, что ощутила со стороны государственного обвинителя "некоторое недовольство" заявлениями, которые я делал в прессе после допроса. Она сухо добавила: "Государственный обвинитель, естественно, недоволен тем, что вопрос вышел на международный дипломатический уровень... Заявления, направленные против государственного обвинителя, не идут на пользу вашему делу, и было бы разумно пересмотреть некоторые заявления, сделанные вами в то время (и произведшие отрицательное впечатление на д-ра Миньини), смягчить и дистанцироваться от них". Она подтверждала, что меня обвиняют в ложных показаниях, данных на допросе, в преступной "клевете", диффамации, попытке обвинения в преступлении невиновного лица и во вмешательстве в важную официальную деятельность. Вопреки моим опасениям, меня не обвиняли в соучастии в убийстве Нардуччи.

Я написал в ответ, что не могу дистанцироваться от сделанных мною заявлений и никак не могу смягчить недовольство Миньини тем, что "дело вышло на международный дипломатический уровень".

В то же время я получил длинный e-мэйл от Габриэллы Карлицци, которая, очевидно, оказалась одной из первых покупательниц нашей книги "Сладкие холмы крови".

Вот и я, дорогой Дуглас... Вчера вечером я очень поздно вернулась из Перуджи, за последние три недели я трижды побывала у следственного судьи, потому что, вы знаете, со времени ареста Марио Spezi многие люди, годами жившие в страхе, выходят со мной на связь, и каждый хочет рассказать о том, что лично знает о деяниях Марио...

Ты спросишь, почему они молчали раньше?

Из страха перед Марио Spezi и перед теми, кого они со всеми основаниями подозревали в стремлении "прикрыть его".

Итак, вернемся к тебе.

Мои занятия в последние дни дали мне возможность убедить д-ра Миньини, что ты никак не мог быть замешан, и, повторяю тебе, Дуглас, в отношении твоей благонадежности следственный судья вполне уверен и спокоен.

Между тем я повторяю приглашение тебе приехать в Италию, и ты увидишь, что со следственным судьей все разъяснится, он готов, если хочешь, даже встретиться в Перудже с тобой и твоим адвокатом — надеюсь, ты не выбрал адвоката Spezi — и ты будешь полностью чист от любых подозрений.

Я прочла книгу "Сладкие холмы крови" и должна прямо сказать, что лучше бы твоего имени на ней не было. Книгу затребовала прокуратура, и я думаю, это будет иметь юридические последствия... К несчастью, Дуглас, ты подписался под содержанием книги. Это очень серьезное дело, не имеющее никакого отношения к работе Миньини, однако теперь в глазах системы уголовной юстиции ты рискуешь подорвать свою писательскую репутацию. Spezi, опираясь на престиж твоего имени, втянул тебя в ситуацию, которую я сумею смягчить, если ты приедешь в Италию, и потому нам так важно срочно увидеться, поверь. На этой книге, рога

misere, стоит твоё имя! Прости, но я прихожу в бешенство, думая о дьявольских уловках этого Spezi.

Я жду от тебя известий, тепло обнимаю тебя и твою семью.

Габриэлла.

Ещё одно: поскольку я думаю, что "Нью-Йоркер" тоже должен отстраниться от Spezi и его действий, я, если хотите, могу объяснить некоторые вещи в интервью, вытащив тебя из ситуации, в которую втянул Spezi, то есть я могу продемонстрировать американской прессе твою слабую причастность к "фальшивке".

Я читал, не веря своим глазам, и наконец впервые за несколько недель рассмеялся, осознав нелепость происходящего. Какой романист, какой сатирик мог бы изобрести персонаж, подобный этой женщине? Думаю, никому это не под силу.

Приближалось 28 апреля, день пересмотра дела Spezi в трибунале. 27 апреля я переговорил с Мириам. Она страшно боялась предстоящего процесса и сказала мне, что адвокаты разделяют её пессимизм. Если судья оставит Spezi в предварительном заключении, тот проведёт в тюрьме ещё по меньшей мере три месяца, до следующего пересмотра, а отказ от прежнего решения станет ещё менее вероятен. Итальянская судебная система движется с неторопливостью ледника — Spezi мог годами сидеть за решеткой, дожидаясь суда.

Адвокаты Spezi выяснили, что Миньини собрал на слушание дела всю придворную прессу в полной уверенности, что Spezi останется за решеткой. Это было самое заметное дело за всю его карьеру. Национальная и мировая пресса осуждала его все горячее с каждым днем. От победы на этом процессе зависела его репутация.

Я позвонил Никколо и попросил предсказать судьбу Марио. Ответ был осторожным и пессимистичным.

— Судьи в Италии поддерживают своих, — только и сказал он.

Глава 55

В назначенный день 28 апреля 2006 года к тюрьме Капание подъехал фургон, чтобы отвезти Spezi и других заключенных, чьи дела были назначены к слушанию на этот день, в трибунал Перуджи. Охранники Spezi вывели его во двор и вместе с остальными загнали в клетку в кузове фургона.

Трибунал, одно из известных зданий в средневековом центре города, возвышается над площадью Маттеотти, словно воздушный готический замок белого мрамора. Он упоминается в путеводителях, и тысячи туристов ежегодно восхищаются им. Возведенный двумя прославленными архитекторами Возрождения, он стоит на фундаменте стены двенадцатого века, окружавшей некогда Перуджу, которая и сама выросла на массивных каменных блоках этрусского поселения трехтысячелетней давности, вынутых из стен, ограждавших древний город Перусию. Над величественным входом в здание стоит статуя женщины в тунике, с мечом в руках, улыбающейся загадочной улыбкой всем входящим. Надпись на пьедестале называет её "Iustitiae virtutum domina" — "Госпожой добродетели правосудия". По сторонам от неё два грифона, символы Перуджи, сжимающие в когтях тельца и овцу.

Фургон остановился на площади перед зданием трибунала. Здесь ждала появления Spezi толпа журналистов и телерепортеров. К ним стали присоединяться любопытные туристы, чтобы взглянуть на злосчастного преступника, привлекавшего такое внимание.

Заключенных выводили по одному, по очереди. Слушание дела каждого занимало от двадцати до сорока минут. Их окружали журналисты, публика и даже супруги. Мириам приехала в Перуджу на машине и сидела на деревянной скамье в коридоре, ожидая новостей.

В 13:30 настала очередь Spezi. Его вывели из клетки и провели в зал суда. Он улучил момент улыбнуться Мириам и поднять большой палец, подбадривая её.

Три судьи сидели за длинным столом. Все они были женщины, облаченные в

традиционные одеяния. Специ посадили посреди комнаты, лицом к судьям, на жесткий деревянный стул без подлокотников и без стола перед ним. За столом справа от него сидел государственный обвинитель Миньини и его ассистент, слева — адвокаты Специ. Их было четверо.

Слушание длилось не двадцать и не сорок минут, а семь с половиной часов. Позднее Специ описывал этот процесс:

"Я не могу точно вспомнить все семь с половиной часов, только обрывки. Я помню страстное выступление моего адвоката Нино Филасто, знавшего, как никто другой, всю историю дела Монстра и всю чудовищность расследования. Этот человек обладал пламенным чувством справедливости. Я помню покрасневшее лицо Миньини, склонявшегося над бумагами под грохот голоса Нино. Помню круглые глаза молодых судебных репортеров, потрясенных, возможно, горячностью речи адвоката, не трудившегося подбирать эвфемизмы. Я слышал, как Филасто упомянул имя Карлицци... Я слышал, как Миньини говорил, что я отрицаю участие в деле Нардуччи и в деле Флорентийского Монстра, но мне еще не известно, что он, Миньини, "располагает чрезвычайно деликатными и щекотливыми материалами", доказывающими мою виновность. Я слышал, как Миньини кричит, что в моем доме найден "скрытый за дверью сатанинский камень, который обвиняемый упрямо именует дверным упором".

Специ запомнил, как Миньини грозил ему пальцем и негодовал по поводу "необъяснимой озлобленности, проявленной Специ в отношении следствия". Но лучше всего запомнилось ему высказывание Миньини о "чрезвычайно опасной манипуляции сведениями" и слаженном хоре поддержки в средствах массовой информации, возникшем в результате ареста обвиняемого. "Обвинения, представленные сегодня трибуналу, — лишь верхушка айсберга ужасающей величины".

Больше всего Специ удивлялся множеству параллелей между аргументами, представленными трибуналу Миньини, и обвинениями, размещенными Габриэллой Карлицци на ее веб-сайте месяцами раньше. Иной раз даже выражения оказывались близкими, если не дословными повторами.

После обеденного перерыва слушание продолжилось. В какой-то момент Миньини встал и вышел в коридор. А там, за дверью зала, ждала Мириам. Увидев государственного обвинителя, проходящего в одиночестве по коридору, она поднялась и, подобно ангелу возмездия, в ярости направила на него палец.

— Я знаю, вы верующий, — пламенно воскликнула она. — Бог накажет вас за ваши дела! Бог вас накажет!

Миньини побагровел и молча напряженно зашагал по коридору, скрывшись за углом.

Мириам потом говорила мужу, что не могла молчать, когда "слышала, как Миньини кричит в зале, говорит о тебе ужасные вещи, будто ты преступник". Вернувшись в зал, Миньини продолжил выступление, причем речь его больше подходила к духу инквизиции, чем к современному судебному процессу. О Специ он отозвался так: "Высокий интеллект придает еще большую опасность его криминальным способностям". Закончил он словами: "Причины оставить Специ в тюрьме теперь стали еще более основательными, ведь он доказал, насколько опасен, даже оставаясь взаперти, в тюремной камере, сумев организовать кампанию в прессе в свою защиту!"

Специ запомнил этот момент. "Ручка выпала из пальцев председателя трибунала и негромко щелкнула по столу... С этого момента она больше ничего не записывала". Она явно пришла к какому-то заключению.

В заключение, после всех, слово дали Специ.

Я давно восхищался ораторскими способностями Специ — его остроумно построенным фразам, легкому и непринужденному стилю, логической организации информации, когда факты представляли один за другим, как в написанной статье: точные, четкие и ясные. Теперь он проявил свой немалый дар перед судом. Глядя прямо на Миньини, Специ начал речь. Миньини избегал его взгляда. Те, кто присутствовал на процессе, рассказывали, что он

разбивал обвинения Миньини одно за другим, с налетом легкого презрения в голосе, уничтожая логику теории заговоров и указывая, что у Миньини нет ни одного существенного доказательства в пользу его теории.

Закончив, как позже рассказывал мне Spezi, он увидел, что его выступление произвело на судей заметное впечатление.

Специ поблагодарил государственного обвинителя за лестный отзыв о его интеллекте и памяти и перечислил дословно те фразы из речи Миньини, которые намного раньше появились на веб-сайте Габриэллы Карлицци. Он спросил, может ли Миньини объяснить столь исключительное совпадение между его нынешними и ее прежними высказываниями. Он спросил, не верно ли, что Карлицци уже осуждалась за диффамацию, когда десять лет назад написала, что Флорентийский Монстр — это писатель Альберто Бевильакво? И верно ли, что в данный момент указанная Карлицци находится под судом за мошенничество против недееспособных инвалидов?

Затем Spezi повернулся к президенту трибунала.

— Я всего лишь журналист, который старается хорошо выполнить свою работу, и я честный человек.

Он закончил.

Слушание завершилось. Двое охранников препроводили Spezi на лифте в старинный подвал средневекового дворца, где заперли в крошечную голую камеру, возможно, веками служившую темницей. Он прислонился спиной к каменной стене и сполз на пол в полном изнеможении, с абсолютной пустотой в мыслях. Через некоторое время он услышал шум и открыл глаза. В дверях стоял один из охранников с чашкой эспresso, который он купил на свои деньги.

— Возьмите, Spezi. Думаю, вам это сейчас не помешает.

Глава 56

В тот вечер они снова загрузили Марио Spezi в фургон и доставили в прежнюю камеру тюрьмы Капание. Следующий день был субботним. Трибунал заканчивал работу в 13:00. Судьи должны были прийти к решению до этого времени.

В ту субботу Spezi в своей камере ждал наступления часа дня. Его соседи по тюремному блоку — успевшие узнать его, хотя и не могли его видеть — тоже дожидались приговора. Наступил час дня, потом половина второго. Время приближалась к двум, и Spezi начал готовить себя к тому, что приговор окажется против него. Но вот со стороны заключенных, камеры которых располагались ближе к входу, донеслись радостные крики. Кто-то услышал что-то по невидимому, но включенному на полную громкость телевизору.

— Мужик! Ты свободен! Мужик! Тебя отпускают! Отпускают без всяких условий!

Мириам, ожидавшая известий в кафе, позвонил один из коллег Марио по газете.

— Фантастическая новость! Поздравляю! Мы победили! По всем пунктам!

"Проведя в тюрьме двадцать три дня, — вещала национальная телекомпания, — журналист Марио Spezi, обвинявшийся в создании препятствий правосудию в деле о серийных убийствах во Флоренции, получил свободу. Судьи даже не выставили никаких условий для его освобождения, как практикуется обычно, — ни домашнего ареста, ни конфискации паспорта. Он абсолютно и безусловно свободен".

Это был мощный удар государственному обвинителю Перуджи.

Охранник вошел в камеру Spezi с большим черным мусорным мешком.

— Скорее, кидайте все сюда и выходите.

Специ сбросил все в мешок и повернулся к двери, но охранник загородил выход. Оставалось еще одно унижение.

— Вы должны прибрать свою камеру.

Специ решил, что это шутка.

— Я сюда не просился, — сказал он, — и был помещен сюда незаконно. Если ее нужно

убрать, убирайте сами.

Охранник прищурился, дернул стальную дверь, оттолкнув Spezi, и захлопнул ее. Повернул ключ и сказал:

— Если вам здесь так нравится, оставайтесь!

Специ не верил своим глазам.

Он схватился за решетку.

— Слушай, ты, кретин, мне известно твое имя, и если ты меня сейчас же не выпустишь, я обвиню тебя в незаконном заключении. Понял? Я доложу о твоём поведении.

Охранник помедлил, сделал еще несколько нерешительных шагов к своему посту, потом медленно развернулся, подошел к двери и, словно из милости, повернул ключ. Spezi проводили к другому охраннику с каменным лицом, а тот провел его в приемную.

— Почему вы меня не выпускаете? — спросил Spezi.

— Надо еще подписать кое-какие бумаги, и... — охранник запнулся. — Сложности с поддержанием общественного порядка снаружи.

Специ наконец вышел из тюрьмы Капанне, держа в руках большой мешок для мусора, и его встретил приветственный клич толпы журналистов и зевак. Никколо позвонил мне первым.

— Невероятное известие! — крикнул он. — Spezi на свободе!

Глава 57

Мы со Spezi долго проговорили в тот день. Он сказал, что собирается поехать с Мириам к морю, только они вдвоем.

— Но всего на несколько дней, — добавил он. — Миньини вытаскивает меня обратно в Перуджу для нового допроса, назначенного на 4 мая.

— В связи с чем? — ахнул я.

— Готовит против меня новые обвинения.

Миньини не стал даже дожидаться письменного оформления решения трибунала. Он опротестовал освобождение Spezi в Верховном суде.

Я задал вопрос, который мучил меня не первую неделю.

— Зачем Руокко это сделал? Зачем выдумал те железные ящички?

— Руокко в самом деле знал Антонио Винчи. Он сказал, что слышал о ящичках от Игнацио. Игнацио для сардов — нечто вроде "падрино"... Я после нашего освобождения не говорил с Руокко, так что не знаю, сам Руокко все выдумал или его каким-то образом запутал Игнацио. Руокко мог сделать это ради денег — я временами давал ему несколько евро на расходы, на бензин для машины, но много никогда не платил. Но он достаточно наказан — попал в тюрьму как мой "сообщник". Как знать, может, он и не лгал.

— А при чем тут вилла Биббиани?

— Скорее всего, чистая случайность. А может, сарды в самом деле использовали те домики как тайники.

Специ позвонил мне 4 мая сразу после допроса. Он был в восторге.

— Дуг, — сказал он, давась от смеха, — роскошный допрос. Просто красота. Одна из лучших минут моей жизни.

— Расскажи...

— Этим утром, — сказал Spezi, — мои адвокаты посадили меня в машину, и мы остановились у стойки с газетами. Я не поверил своим глазам, когда увидел заголовки. Они сейчас у меня. Я вам прочитаю.

Он выдержал театральную паузу.

— "Глава ГИДЕС, Джуттари, обвиняется в фальсификации улики!" Bello,¹⁰ э?

¹⁰ Прекрасно (ит.).

Я восторженно расхохотался.

— Фантастико. Что он натворил?

— Я тут ни при чем. Говорят, он подделал запись разговора с кем-то еще по делу Флорентийского Монстра — с важной персоной, с судьей. Но это еще не самое лучшее. Я сложил газету так, чтобы виден был заголовок, и с ней вошел в кабинет Миньини на допрос. Сел и положил газету на колени, повернув заголовком к Миньини.

— И что он сделал, когда увидел?

— Он не увидел! Миньини ни разу не взглянул на меня, он все время смотрел в сторону. Допрос не затянулся — я сослался на свое право не отвечать на вопросы, тем и кончилось. За пять минут. Забавно, что стенограф видел заголовок. Он все время вытягивал шею, словно черепаха, стараясь его прочесть, а потом бедняга всеми силами постарался показать на него Миньини. Безуспешно. Я только вышел, еще был в коридоре, когда дверь его кабинета распахнулась и карабинер бросился вниз по лестнице к газетной стойке. — Марио злорадно рассмеялся. — Видно, Миньини с утра не читал газет. И ничего не знал.

У кабинета государственного обвинителя дожидалась конца короткого допроса толпа журналистов. Под жужжание и треск камер Spezi развернул газету и показал всем заголовок.

— Других комментариев сегодня не будет.

— Я же говорил, — сказал мне на следующий день граф Никколо. — Джуттари свалился. Вы своей кампанией опозорили, sputtano, итальянскую юстицию перед всем миром, едва не выставили на всеобщее посмеище. Им дела нет до Spezi и его прав. Они просто хотят как можно скорее с этим покончить. Сохранить лицо, сохранить лицо! Единственное, что меня удивляет — как быстро все развернулось. Мой дорогой Дуглас, для Джуттари это начало конца. Как быстро качается маятник!

В тот же день наша книга "Сладкие холмы крови" попала в списки бестселлеров в Италии. Маятник в самом деле качнулся в нашу сторону, и с большим размахом. Верховный суд Италии отверг апелляцию Миньини короткой резолюцией "неприемлемо" и закрыл все процессы против Spezi. Суд и следствие над ним закончились.

— Громадную ношу сняли с плеч, — сказал Spezi. — Я — свободный человек.

Спустя несколько месяцев в кабинеты Джуттари и Миньини вторглась полиция, забравшая все материалы. Они обнаружили, что Миньини прибег к особому антитеррористическому закону, чтобы прослушивать разговоры журналистов, критически отзывавшихся о его следственных действиях по делу Флорентийского Монстра. Устанавливали прослушивание Джуттари и ГИДЕС. Помимо журналистов, Джуттари подслушивал телефонные переговоры и беседы многих флорентийских судей и следователей, вплоть до своего коллеги, государственного обвинителя Флоренции Паоло Канесса. Кажется, Миньини подозревал, что существует мощный флорентийский заговор, стоявший за убийствами Монстра.

Летом 2006 года и Джуттари, и Миньини были обвинены в злоупотреблении служебным положением. ГИДЕС распустили и тут же заговорили о том, что он никогда официально и не существовал. Джуттари лишился штата, и у него забрали дело о Флорентийском Монстре.

Он стал главным инспектором "a disposizione", то есть без портфеля и без постоянного назначения. Миньини пока что сохранял пост государственного обвинителя Перуджи, но в его штат ввели двух новых прокуроров, якобы чтобы помогать нести нелегкую ношу. На самом деле все понимали, что те должны были присматривать за ним. И Миньини, и Джуттари предстояло предстать перед судом за злоупотребление служебным положением и другие преступления.

3 ноября 2006 года Spezi был награжден самой почетной журналистской премией

Италии за "Сладкие холмы крови" и назван писателем года в номинации "За свободу прессы".

Глава 58

Статья в "Атлантик монсли" была опубликована в июле. Через несколько недель в журнал пришло письмо в старомодном конверте, отпечатанное на ручной пишущей машинке. Это изумительное письмо было написано отцом Никколо, графом Нери Каппони, главой одной из древнейших и знатнейших семей Италии.

При нашей первой встрече с Никколо он упомянул о причине столь долгого процветания его рода во Флоренции: они никогда не влезали в распри, сохраняли скромность и осмотрительность во всех делах и держались на плаву, поскольку избегали быть "торчащими гвоздями", как выразился Никколо в своем неподражаемом дворце семь лет назад.

Но вот граф Нери нарушил фамильную традицию. Он написал письмо редактору. Не обычное письмо, а жестокий приговор итальянской юридической системе от человека, который, сам будучи судьей и адвокатом, знал, о чем говорит, и говорил без обиняков.

Граф Каппони
Сэр!

Издавка над правосудием, от которой пострадали Дуглас Престон и Марио Spezi, — это лишь верхушка айсберга. Итальянская судебная система (в том числе и общественные прокуроры) — это ветвь гражданской службы. Эта ветвь сама избирает своих членов, самоуправяема и ни перед кем не несет отчета: государство в государстве. Этот бюрократический орган можно грубо разделить на три секции: большая часть, множество честных людей, слишком робких, чтобы противостоять политическому меньшинству (контролирующему юридические службы), и меньшинство отважных и честных людей, обладающих малым влиянием. Политизированные и бесчестные судьи пользуются безошибочным методом заставить оппонентов замолчать или дискредитировать их в политическом или ином отношении. Фальшивки, тайные обвинения, записи прослушанных разговоров (часто подправленные) скармливают прессе, которая начинает кампанию по очернительству, что способствует сбыту газет. Аресты у всех на глазах, продолжительное предварительное заключение в самых худших условиях, допросы третьей степени и, наконец, суды, тянущиеся годами и оканчивающиеся оправданием сломленного человека. Spezi повезло в том, что влиятельный государственный обвинитель Флоренции — не друг перуджийскому. Он, как мне говорили, "предложил" освободить Spezi, а суд Перуджи, как мне говорили, принял "предложение".

Возможно, вам будет интересно узнать, что за пятьдесят лет в Италии набралось четыре с половиной миллиона судебных ошибок (включая оправдание сломленных обвиняемых).

Искренне ваш,
Нери Каппони.

P. S. Если возможно, я прошу не ставить моей подписи, потому что опасаясь последствий для себя и своей семьи. Если публикация письма без подписи невозможна, печатайте, Бог обо мне позаботится. Правда должна быть известна.

Журнал напечатал письмо вместе с именем.

Английские газеты, в том числе "Гардиан", также напечатали статьи об этом деле и взяли интервью у главного инспектора Джуттари. Он сказал, что я лгал, утверждая, будто мне угрожали арестом в случае возвращения в Италию, и настаивал на том, что мы со Spezi виновны в подлоге улики на вилле.

— Престон не говорит правды, — сказал он. — Наши записи это докажут. Spezi, — настаивал он, — будет осужден.

Статья в "Атлантик" привлекла внимание продюсера "Дэйтлайн Эн-би-си", и они предложили мне с Марио участвовать в программе о Флорентийском Монстре. Я не без внутренней дрожи возвращался в Италию в сентябре 2006 года вместе со съемочной группой "Дэйтлайн Эн-би-си". Мой итальянский адвокат уведомил, что, учитывая сложности с законом у Джуттари и Миньини, мне, вероятно, будет безопасно вернуться, а "Дэйтлайн Эн-би-си" обещала устроить адский шум, если меня арестуют в аэропорту. На всякий случай команда с "Эн-би-си" встречала меня в аэропорту, готовясь запечатлеть мой арест на пленку. Я был рад лишиться их этой сенсации.

Мы со Spezi показали Стоуну Филиппу, ведущему телешоу, места преступлений. Мы обсуждали убийства Монстра и наши собственные столкновения с итальянским законом. Стоун Филипп взял интервью у Джуттари, упорно настаивавшем, что мы со Spezi подложили на виллу улики. Кроме того, он раскритиковал нашу книгу.

"По-видимому, мистер Престон даже не подумал свериться с фактами... в 1983 году, когда убили двух молодых немцев, тот человек (Антонио Винчи) сидел в тюрьме за другое преступление, не имеющее отношения к убийствам Монстра". Филиппу удалось добиться короткого интервью с Антонио Винчи (без камеры). Винчи подтвердил сказанное Джуттари — что он сидел в тюрьме во время убийства. Возможно, ни он, ни Джуттари не ожидали, что "Эн-би-си" сверится с фактами. В передаче Стоун Филипп сказал: позднее мы проверили его досье и обнаружили, что (Антонио) ни разу не находился в тюрьме во время убийств Монстра. Он и Джуттари ошиблись или солгали.

Винчи больше возмущался обвинением в импотенции, чем подозрениями, будто он — Флорентийский Монстр.

— Будь жена Spezi помоложе и посимпатичнее, — сказал он Филиппу, — я бы показал ему, что не импотент. Да, прямо здесь, на этом самом столе!

Под конец программы Филипп задал Антонио Винчи вопрос:

— Вы — Флорентийский Монстр?

— Он закрыл глаза, — рассказывал Филипп, — сжал мне руку и сказал одно слово: "Невиновен".

Глава 59

Пока "Дэйтлайн Эн-би-си" вела съемки мы со Spezi пережили в Италии еще одну встречу, не попавшую на камеру.

Стоун Филипп хотел взять интервью у Винни Ронтини, матери Пии Ронтини, одной из жертв Монстра, убитой в Ла Боскетта под Вискьо 29 июня 1984 года. Группа осталась ждать в фургонах на городской площади, в тени статуи Джотто, а мы со Spezi пешком прошли по улице к старой вилле Ронтини, чтобы узнать, согласится ли она на интервью.

Мы взглянули на дом в молчаливом отчаянии. Ржавые железные ворота висели на одной петле. Скелеты ветвей кустарника постукивали на ветру, а в углы ветер сносил груды сухих листьев. Ставни были закрыты, с них свисали обломанные планки.

Полдюжины ворон уселись на коньке крыши и походили на черные тряпки. Марио нажал кнопку звонка, но звука не услышал. Звонок не работал. Мы переглянулись.

— Похоже, здесь больше никто не живет, — сказал Марио.

— Постучим в дверь.

Мы толкнули створку ворог, которая подалась со ржавым скрипом, и вступили в мертвый сад, хрустя сухими листьями и сучками. Двери виллы были крепко заперты, зеленая краска облупилась, нижние доски растрескались. На месте дверного звонка зияла дыра, будто его выдрали вместе с проводами.

Ветер шептал и хихикал вокруг покинутого дома. Марио постучал в дверь. Удары отдались эхом в глухой пустоте комнат. Хлопая крыльями, взлетели в небо птицы, их крики резали слух, как царапанье ногтем по школьной доске.

Мы постояли в саду, глядя на заброшенный дом. Вороны кружили над нами, каркали и

каркали. Марио покачал головой.

— В городке должны знать, что с ней случилось.

На площади нам сказали, что банк наконец предъявил права на дом, и синьора Ронтини живет теперь на социальную субсидию в доме престарелых у озера. Мы с ужасом искали здание, обнаружившееся за местным Каза де Пополо. Оно ничуть не походило на представление американца об унылом социальном заведении: веселый дом цвета светлых сливок, аккуратный, с цветами на подоконнике и с приятным видом на озеро. Мы обошли его сзади и постучали в дверь ее квартиры. Она встретила нас и провела внутрь. Мы беседовали в крошечной кухне-столовой. Ее квартирка была полной противоположностью темному мертвенному дому: яркая и жизнерадостная, полная комнатных цветов, безделушек и фотографий. Солнце потоком вливалось в окна, а снаружи вокруг платана порхали и щебетали певчие птицы. В комнате пахло свежим бельем и мылом.

— Нет, — с грустной улыбкой ответила она на наш вопрос. — Я больше не даю интервью. Никогда не дам.

На ней было яркое желтое платье, крашенные рыжие волосы заботливо уложены в прическу, голос звучал спокойно.

— Мы все еще надеемся отыскать истину, — сказал Марио. — Никогда не знаешь... Это могло бы помочь.

— Знаю, что могло бы. Но меня больше не интересует истина. Какая разница? Она не вернет Пию. И Клаудио. Я долго думала, что узнать правду — значит изменить что-то к лучшему. Мой муж умер в поисках правды. Но теперь я знаю, что это не важно и ничем не поможет. Я должна оставить все в прошлом.

Она молча сидела, сложив на коленях маленькие пухлые ручки и скрестив вытянутые ноги, по ее лицу блуждала слабая улыбка.

Мы еще немного поболтали. Она буднично рассказала нам, как лишилась дома и полностью обанкротилась. Марио спросил ее о каких-то снимках на стене. Она встала, сняла один и дала Марио, а он передал мне.

— Это последняя фотография Пии, — сказала она. — Для водительской лицензии, за несколько месяцев до всего. — Она перешла к другому снимку. — А это Пия с Клаудио.

Это был черно-белый снимок. Они улыбались, обнимая друг друга за плечи, вполне невинные и счастливые, и девушка показывала в камеру большой палец.

Она перешла к дальней стене.

— Здесь Пии пятнадцать. Она была хорошенькая девочка, верно?

Затем, сняв еще один черно-белый снимок, она долго глядела на него, потом отдала нам. Мы по очереди взглянули на портрет крепкого счастливого мужчины в расцвете лет.

Она подняла руку, потянулась к фотографии, обратив на меня взгляд голубых глаз.

— Как раз вчера, — сказала она, — я вошла сюда и вдруг поняла, что окружена мертвыми. — Она грустно улыбнулась. — Я хочу снять эти снимки и убрать их. Не хочу больше жить в окружении смерти. Пора кое-что забывать — я-то еще жива.

Мы встали. У двери она взяла Марио за руку.

— Удачи вам в поисках правды, Марио. Надеюсь, вы ее найдете. Но, пожалуйста, не просите меня помочь. Я постараюсь прожить последние годы жизни без этой ноши — надеюсь, вы понимаете.

— Я понимаю, — сказал Марио.

Мы вышли на солнце, в цветах гудели пчелы, яркие блики играли на поверхности озера, свет стекал с красной черепицы крыш Виллы и золотым водопадом струился по виноградникам и оливковым рощам вокруг. От виноградников поднимался запах раздавленных ягод и молодого вина.

Еще один безмятежный полдень в бессмертных холмах Тосканы.

Глава 60

Суд над Франческо Каламандреи как над одним из вдохновителей убийств Монстра начался 27 сентября 2007 года.

Марио Spezi присутствовал на первом судебном заседании, и через несколько дней он прислал мне по e-мейлу описание. Вот оно:

Утро 27 сентября занялось необычно холодным после месяца сухого тепла. Действительно необычным в то утро было отсутствие зрителей на суде над человеком, в котором подозревали вдохновителя убийств, совершенных Монстром. В зале суда, где более десяти лет назад был осужден, а позже оправдан Паччани, места, отведенные для зрителей, пустовали. Заполнены были только скамьи для журналистов. Я с трудом понимал равнодушие флорентийцев к человеку, который, если верить обвинению, был самым воплощением зла. Должно быть, недоверчивость, или неверие в официальную версию, отпугнули зрителей.

Обвиняемый вошел в зал неуверенными мелкими шажками. Он выглядел смиренным и безропотным, казалось, его темные глаза были обращены к каким-то далеким неведомым мыслям. Он выглядел как пожилой джентльмен в элегантном синем пальто и мягкой серой шляпе. Он потолстел и обрюзг от невзгод и антидепрессантов. Он опирался на плечо своего адвоката и дочери Франчески. Аптекарь Сан-Кашано, Франческо Каламандреи, сел на переднюю скамью, не замечая вспышек газетных фотокамер и развернувшихся к нему телеобъективов.

Журналисты спросили его, как он себя чувствует.

— Как человек, попавший в фильм, о сценарии и героях которого ничего не знает.

Прокуратура флорентийского суда обвинила Каламандреи в подстрекательстве к пяти из всех убийств Монстра. Они утверждали, что он платил Паччани, Лотти и Ванни за убийства, после которых те доставляли ему женские половые органы, которые он мог использовать в ужасающих, но окутанных тайной эзотерических ритуалах. Ему предъявили обвинение в том, что он якобы собственноручно убил пару французских туристов на поляне Скопети в 1985 году. Он же якобы заказал убийство в Вискьо в 1984 году, убийства 1983 года, когда погибли двое немецких туристов, и убийство 1982 года в Монтеспертоли. Обвинение обошло молчанием неудобный вопрос, кто мог совершить другие убийства Монстра.

Доказательства против Каламандреи смехотворны. Они основаны на горячечном бреде страдающей шизофренией жены, настолько тяжело больной, что ее врач запретил ей свидетельствовать в суде, и в показаниях тех же "заядлых наглых лжецов", известных как Альфа, Бета, Гамма и Дельта и свидетельствовавших против Паччани и его "друзей по пикникам" десятью годами раньше. Заметьте, все четверо "алгебраических" свидетелей уже умерли. В живых остался только "серийный" свидетель Лоренцо Неси, готовый вспомнить все, что потребуется.

Кроме того, против Каламандреи воздвигли гору бумаг: двадцать восемь тысяч страниц с суда над Паччани, девятнадцать тысяч страниц следствия о "друзьях по пикникам" и девять тысяч страниц, собранных о самом Каламандреи, — общим счетом пятьдесят пять тысяч страниц, больше чем Библия, "Капитал" Маркса, кантовская "Критика чистого разума", "Илиада", "Одиссея" и "Дон Кихот", вместе взятые.

Перед обвиняемым, высоко вознесясь на величественной скамье, сидел судья Де Лука — вместо двух обычных следователей, ведущих дела, и девяти народных заседателей, составляющих судассизи, которому трибунал передает наиболее серьезные преступления. Адвокат Каламандреи сделал неожиданный ход, попросив представить дело на так называемый "сокращенный" состав суда, обычно применяемый для тех, кто уже признал свою вину в надежде получить меньший срок. Дзанобини и Каламандреи просили об этом по совершенно иной причине: "надо, чтобы суд прошел как можно быстрее, — сказал Дзанобини, — поскольку нам нечего бояться результата".

Слева от аптекаря, на другой скамье в переднем ряду сидел государственный

обвинитель Флоренции Паоло Канесса с еще одним прокурором. Эти двое улыбались и негромко перешучивались, то ли чтобы продемонстрировать уверенность, то ли чтобы подразнить защиту.

День еще не кончился, когда Дзанобини стер с их лиц улыбки.

Дзанобини приступил к делу с пылом, указав на технические, однако очень неловкие юридические промахи Канессы. Затем он обратил атаку против перуджийской ветви расследования дела Монстра, проводившегося государственным обвинителем Миньини, который и связал Каламандреи со смертью Нардуччи.

— Почти все материалы перуджийского следствия — перевод бумаги, — говорил он. — Позвольте привести вам еще один пример. — Он поднял лист бумаги, на котором, как он сказал, рукой государственного обвинителя Миньини записан был протокол показаний и который до сих пор числился секретным. — Возможно ли, чтобы следственный судья всерьез поверил в то, что я вам сейчас прочитаю?

Когда Дзанобини начал читать, камеры развернулись от Каламандреи ко... мне. Я не верил своим ушам, Дуг, но я был звездой этого документа. Документ содержал так называемое добровольное показание женщины, связанной с Габриэллой Карлицци. Она повторяла для судьи Миньини многие из теорий Карлицци, уверяя, что слышала их от давно скончавшейся тетушки с Сардинии, знакомой со всеми, замешанными в деле. Миньини велел все это записать, сделать звукозапись и заверить присягой и подписью. Несмотря на явную абсурдность и отсутствие доказательств, судья Миньини присоединил этот лист к секретным материалам "как документ, серьезно затрагивающий обвинение". Слушая читавшего показания Дзанобини в сером зале трибунала, я, как и остальные, услышал, что я — не сын своего отца. Мой настоящий отец — так уверяла в своих показаниях эта женщина — был знаменитым музыкантом с болезненными и извращенными вкусами. Он и совершил первые два убийства в 1968 году. Я услышал, что мать отослала меня на ферму сардов в Тоскане. Я услышал, что, узнав правду о настоящем отце, я продолжил его дьявольские дела как семейную традицию, став "настоящим Флорентийским Монстром". Сумасшедшая тетушка заверяла, что все мы были в сговоре друг с другом: я, братья Винчи, Паччани и его "друзья по пикникам", Нардуччи и Капамандреи. Из нашего дьявольского союза, сказала она Миньини, "каждый извлекал свою выгоду: вуайеристы предавались любимому занятию, члены культа получали органы для своих ритуалов, фетишисты хранили взятые у жертв вещицы, а Специ, объявляла моя тетушка, уродовал жертвы орудием, известным как пастуший нож...

Кто-то из моих односельчан в Виллачидро говорил мне недавно, что друг Специ, Дуглас Престон, связан с американской секретной службой.

Она объясняла Миньини: "Я не говорила об этом прежде, потому что боялась Марио Специ и его друзей... Когда вы арестовали Специ, я набралась храбрости и решилась поговорить об этом с Карлицци, потому что я ей доверяю и знаю, что она ищет правду".

Все это было нелепо, и я невольно улыбнулся, когда Дзанобини читал документ. Но мне не было смешно: я не забыл, что оказался в тюрьме отчасти из-за злобных обвинений Карлицци.

Первый день суда над Каламандреи закончился явной победой защиты. Судья Де Лука назначил следующие три дня суда на 27, 28 и 29 ноября. Такие длинные перерывы в процессах, к сожалению, в Италии являются нормой.

Так кончался е-мейл.

Я позвонил Марио.

— Итак, я теперь агент секретной службы? Черт возьми!

— Пресса сообщила обо всем на следующий день.

— Что вы собираетесь делать по поводу этих нелепых обвинений?

— Я уже вчинил той женщине иск за диффамацию.

— Марио, — сказал я, — в мире полно сумасшедших. Как это получается, что в Италии государственный обвинитель принимает заверения таких людей как серьезное свидетельство?

— Потому что Миньини и Джуттари никогда не сдадутся. Очевидно, они еще надеются до меня добраться так или иначе.

Сейчас, когда я пишу это, суд над Каламандреи продолжается, в том, что он закончится оправданием, практически нет сомнений, и старого аптекаря — еще одну жертву Флорентийского Монстра — оставят спокойно доживать его загубленную жизнь.

Жернова следствия по делу Монстра все крутятся, и конца этому не видно. Иск Spezi с жалобой на клевету со стороны Джуттари трибунал отверг. Суд ничего не знал о его иске против Джуттари и Миньини за повреждение машины. Верховный суд, склонявшийся на сторону Spezi, позволил ему запросить возмещение ущерба за незаконное заключение. Spezi запросил триста тысяч евро, адвокат государства предложил в ответ четыре с половиной тысячи евро. Миньини тянет время с официальным закрытием расследования против Spezi и в то же время заявляет, что Spezi не вправе был требовать возмещения ущерба, поскольку он все еще под следствием.

А в ноябре 2007 года Миньини оказался замешанным в еще один сенсационный процесс: о зверском убийстве британской студентки Мерedit Керчер в Перудже. Миньини вскоре приказал арестовать американскую студентку Аманду Нокс по подозрению в соучастии в убийстве. Сейчас Нокс находится в тюрьме Капание, ожидая результата следствия Миньини. В прессу просочились сведения, что Миньини сплел невероятную теорию заговора, включавшего Нокс и еще двух заговорщиков, лелеявших тайный план извращенного секса, насилия и жестокости.

Перуджийские прокуроры как заведенные ищут нити к секте сатанистов, поскольку преступление совершилось накануне национального итальянского Дня Мертвых.

— Ставлю десять к одному, — сказал Никколо, — что они рано или поздно приплетут сюда и Флорентийского Монстра.

Через неделю после убийства Габриэлла Карлицци вывесила на своем веб-сайте:

Мерedit Керчер: зверское убийство... возможно, связанное с делом Нардуччи и Флорентийского Монстра. Просить сатану о покровительстве взамен на человеческую жертву? С какой целью? В конечном счете для того, чтобы спасти подследственных по делу Нардуччи, ответственных за его убийство.

Джуттари был оправдан по обвинению в фальсификации доказательств в деле Монстра, но сейчас он пребывает под условным приговором за лжесвидетельство по совершенно другому делу.

16 января 2008 года имело место первое заседание суда с адвокатами сторон по делу Джуттари и Миньини, обвиненных в злоупотреблении служебным положением, а Миньини — еще и в конфликте интересов в пользу Джуттари. Государственный обвинитель Флоренции Лука Турко шокировал суд прямолинейным утверждением: "Эти двое обвиняемых диаметрально противоположные люди". Миньини вел свой крестовый поход в горячечной убежденности, он из тех, кто готов до последнего защищаться от всякого, кто критикует его расследование. Джуттари использовал его одержимость, как сказал Турко, "в собственных карательных интересах, забывая о профессиональной ответственности".

Покидая зал суда, Миньини крикнул представителям прессы:

— Я это опротестую!

Я в Италии — до сих пор "persona indagata" по обвинению в серии преступлений, не подлежащих разглашению. Не так давно я получил на своей маленькой почте в Раунд-Понд заказное письмо из Италии, уведомляющее меня, что я осужден трибуналом Лекко, маленького городка на севере Италии, за "diffamazione a mezzo stampa" — диффамацию посредством печати, криминальное деяние. Как ни странно, в документе забыли упомянуть,

кто возбудил против меня дело и на основании каких статей или показаний. Только для того чтобы узнать имя обвинителя и преступление, которое я совершил, мне пришлось выплатить итальянскому адвокату тысячу евро.

Чаще всего мне задают вопрос: будет ли когда-нибудь найден Флорентийский Монстр? Когда-то я искренне верил, что мы со Специ его разоблачили. Теперь я не так уверен. Возможно, истина утрачена навсегда, безвозвратно. История полна вопросов, на которые никогда не найдут ответов, возможно, среди них — и вопрос о личности Флорентийского Монстра.

Как автор триллеров я знаю, что детективная повесть, чтобы иметь успех, должна содержать определенные элементы. Должен быть убийца с убедительными мотивами. Должны быть доказательства. Должен быть процесс разоблачения, который постепенно выводит к истине. И у всякого романа, даже у "Преступления и наказания", должно быть окончание.

Мы со Специ совершили роковую ошибку, вообразив, что дело Флорентийского Монстра уложится в эту схему. Вместо этого мы увидели убийц без мотивов, теории без доказательств и историю без окончания. Процесс разоблачений увел следователей в такие дебри теории заговора, что я сомневаюсь, найдут ли они дорогу обратно. Без солидных вещественных доказательств и надежных свидетелей любая гипотеза по делу Монстра будет напоминать речь Эркюля Пуаро в конце романа Агаты Кристи: прекрасную историю, которая неизменно заканчивается признанием. Однако это не роман, и признания здесь не будет. А без него Монстр никогда не будет найден.

Может быть, с самого начала было предreshено, что расследование закончится эксцентричными и тщетными поисками секты сатанистов, этого мрачного порождения Средневековья. Преступления Монстра были столь чудовищны, что их не мог бы совершить обычный человек. В конечном счете, пришлось искать сатану.

Как-никак это ведь Италия.